

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14457

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 4 (17) ИЮНЯ 1916 ГОДА.

№ 14457

СЪ НАВКАЗСКОЙ АРМІЕЙ.

Полковн. П. Н. Подгаецкій,
нагр. орд. св. Георгія 4 ст. и
Георгіевскимъ оружіемъ.

Сестра милосердія
Л. И. Широкова,
донская казачка, въ подвижномъ
воленомъ госпиталѣ Краснаго Креста
имени Русскаго учительства.
Награждена Георгіевскою медалью
4 ст. за работу на позиціяхъ.

ПРИМОРСКИЙ ОТРЯДЪ ГЕН. ЛЯХОВА.—Лазы возвращаются въ покоренный нами Лазистанъ. На арбахъ привязаны бѣлье платки.

Жена директора банка.

Рассказъ Э. Винсбля.

I.

— Мнѣ кажется, — сказала Мэтьюринъ, облокочиваясь обѣими руками голъ почти взглядомъ собеседника. Она на столь, точно желая подчеркнуть этимъ сидѣли у мраморной балюстрады, въчиз-
дажоніемъ свои слова, — мнѣ кажется, шей, какъ зубцами короны, верхнюю вы-
мнѣ никогда еще не приходилось вѣсть сохой скалы, поднимавшейся на триста
среди такой волшебной красоты. При сѣтьѣ уже за-
Ея спутникъ сдержанно улыбнулся на ходившаго солнца Альпы окрасилась въ
бѣлаго-розовый цвѣтъ, а Фирвальдштетт-
ское озеро далеко внизу казалось темно-

Въ пути.

Разгорѣлся востокъ, золоты небосклонъ,
Все въ природѣ полно красоты,
Предъ глазами мелькаютъ съ обѣихъ сто-
ронъ
Безконечной гирляндой цвѣты.

Все такъ ясно кругомъ... И какъ хочется
жить
Вглядѣть съ этой природой живой,
Что осталось вдали, — хоть на время за-
быть,
Погрузившись въ цвѣтущій покой!

Все такъ ясно кругомъ. И одно за дру-
гимъ
Рядъ послѣднихъ сомнѣній исчезъ,
Какъ расходится этотъ клубящийся дымъ,
Исчезая въ лазури небесъ.

А. Семедовъ-Тянь-Шанскій.

Капитанъ И. Г. Анулинъ,
нагр. орд. св. Георгія 4 ст.
и георгіевскимъ оружіемъ.

ПРИКОРСКИЙ ОТРЯДЪ ГЕНЕРАЛА Л.—Доставка снарядовъ на львомъ флангѣ, гдѣ войска почти все время вали наступленію
мѣстами по грудь въ снѣгу.

Рис. А. Пржецлавскій (участникъ войны).

ФРАНЦУЗСКИЕ ГОСТИ ВЪ ШТАБѢ ОДНОЙ ИЗЪ НАШИХЪ АРМІЙ.

Въ центрѣ перваго ряда, съ орденомъ св. Георгія 4 степени ген.-отъ-инфантерій А. Ф. Рагоза. Направо отъ него — дивизионный генералъ маркизъ де-Лагитъ, ген.-майоръ П. С. Стаевъ и ген.-майоръ В. Г. Болдыревъ. Направо отъ командующаго арміей ген.-майоръ И. Л. Юнаковъ и майоръ генеральнаго штаба Лангдуа.

синимъ. Они могли бы смахнуть крошки повстигъ прекрасное, и мы сейчасъ же со стола прямо внизъ, къ подножію скалы, соединяемъ эту красоту съ тѣдой. на червны сосны, между которыми оловаль взадъ и впередъ желтый загончикъ цѣльной горной дороги, точно неутомимый желтый жукъ.

— Говорить, — началъ онъ, — чернымъ сюда поднялся какой-то поэтъ и открылъ здѣсь этотъ ресторанъ. Я позабылъ его имя. Забавно, неправда ли, что такая мысль пришла поэту?

— Вѣроятно, онъ сильно проголодался, когда самъ взбирался на гору, — сказала миссъ Мэтьюринъ.

— Вѣроятно.

— Во всякомъ случаѣ, — продолжала миссъ Мэтьюринъ, — тутъ въ немъ сказались общечеловѣческая черта. Мы пользуемся для тѣхъ самыми красивыми вещами на свѣтѣ. Возьмите серебряныя, золотыя блюда, хрусталь, роскошныя зданія, картины, наряды, — все это служить обстановкой для тѣхъ. Стоитъ намъ, людямъ, — воскликнула она, возмущенно, — натолкнуться на что-нибудь негодное, — ватолкнуться на что-нибудь негодное, и мы сейчасъ же сходимъ въ адъ.

— Не всегда.

— Онъ отвелъ глаза и посмотрѣлъ на нее: — Есть красота, — сказалъ онъ, — созданная только для поклоненія.

— Да, я позабыла храмы, — сказала миссъ Мэтьюринъ, слегка раздражаясь.

— Я тоже о нихъ позабыла, — замѣтилъ лордъ Брей.

— Что же вы имѣли въ виду? Женщины?

— Не всѣхъ женщинъ.

— А какую-нибудь одну? О, можетъ быть, меня? — пошутила она.

— Совершенно вѣрно, вась, — отвѣтилъ лордъ Брей.

Миссъ Мэтьюринъ откинулась на спинку стула въ искреннемъ изумленіи.

— Я всегда такъ на васъ смотрѣла, миссъ Мэтьюринъ, — всегда, съ самаго прошедшаго марта или приблизительно съ тѣхъ поръ. Онъ былъ очень красивъ, «почти излишне красивъ», всегда думала про себя, — ватолкнуться на что-нибудь негодное, и мы сейчасъ же сходимъ въ адъ.

ВЪ ОНОПАХЪ.

Наши солдаты, надѣвъ свои фуражки на штыки, дразнятъ Нѣмцевъ и этимъ вызываютъ со стороны послѣднихъ совершенно напрасный огонь. Съ фот. А. Функа.

краска выступила подъ его загаромъ, и лицо его стало, пожалуй, еще привлекательнѣе.

— Да, сейчасъ онъ несомнѣнно омотрѣлъ на нее съ поклоненіемъ. Повидимому, онъ искренно волновался и неловкимъ движеніемъ задѣлъ салфетку, лежавшую между ними на столѣ; она упала за балюстраду. Онъ тотчасъ почти съ облегченіемъ вскоцился.

— Зацѣпилась за верхушку дерева, — сказала она, низко наклонившись надъ перилами. — Какъ смѣшно! Вы бы посмотрѣли.

— Не стоитъ, — сказала миссъ Мэтьюринъ.

— Точно флагъ. Бѣлый флагъ примиренія; право, взгляните.

Миссъ Мэтьюринъ недовольно поднялась съ мѣста. Далеко внизу, между зеленью, виднѣлась маленькая бѣлая точка. Густой румянецъ заливалъ лицо лорда Брея, согнувшася надъ балюстрадой; они встрѣтились глазами.

— Что же вы мнѣ скажете? — произнесъ онъ, не поднимая головы.

— Это... невозможно.

— Вы любите другого?

— Въ Нью-Йоркѣ, когда я вернусь домой, меня, можетъ быть, встрѣтитъ другой.

Лордъ Брей отбивалъ ногою дробь по ираморнымъ периламъ.

— Сядемъ, — наконецъ, предложилъ онъ.

Они неловко сѣли, въ смущенія глядя другъ на друга въ эту, какъ принято считать, самую неприятную минуту жизни. Лордъ убралъ чайную посуду. Только по срединѣ стола, нарушая гармонию, стояла солонка. Лордъ Брей, привезшій сюда миссъ Мэтьюринъ въ непоколебимой вѣрѣ во вліяніе мізе ен ссене, мысленно говорилъ себѣ, что вотъ все въ началѣ шло какъ-будто такъ хорошо, а потомъ вдругъ разлетѣлось прахомъ. Миссъ Мэтьюринъ неодобрительно наблюдала за швейцарскимъ офицеромъ, сидѣвшимъ за кружкой пива на другомъ концѣ террасы; на офицерѣ былъ узкій, тѣсный мундиръ и между ногъ его была просунута длинная саблей Американки чуждую ей Европу, напыщенную, ограниченную, стѣснительную, связанную по рукамъ и погамъ ты-

Ген.-отъ-инф. въ отставкѣ Александръ Оттовичъ Шмитъ. Началъ службу въ Лейбъ-Гардіи Драгунскомъ полку. Командовалъ 16-й пѣхотной дивизіей; послѣднее время до выхода въ отставку состоялъ при военномъ министрѣ. Участвовалъ въ военныхъ кампаніяхъ и Турецкой кампаніи. Авторъ Военной Статистики Херсонской губерніи и многихъ другихъ военно-научныхъ трудовъ. Известенъ своимъ широкимъ научнымъ образованіемъ, состоялъ членомъ Киевскаго Археологическаго и Географическаго обществъ. Кроме того А. О. Шмитъ известенъ своимъ обширнымъ трудомъ по отечественному плодородію. † 21 апрѣля на 84 году жизни.

она задумалась... лордъ Брей... кля-то фигу... тоже недоум... — Онъ... ся? — просто... Я говорю о... лордъ... — Ниско... человекъ... — А я... Брей... Миссъ Мэ... сля своей о... — Дѣло... ловкъ, — ск... Европейецъ... Лордъ Бр... — Я при... бѣлой расѣ... рипъ... Она поия... комъ распл... да объяснит... — Вы п... — У ме... Можетъ бы... сказалъ лор... Какъ его э... — Я не... отвѣтила м... Я говорила... я вернусь в... — Ну, х... преоудите... неецъ? — Видит... мужъ, я до... связать соб... принуждена... — А вы... — Нѣтъ... — Не хочу... — Почему... демократич... и свободу? Такъ этого... угодно. Я... ственныхъ... мнѣ на ул... — Нѣтъ... вопросъ... — Точн... лордъ Брей... найти неде... рой Европ... — Возм... Ей сѣдѣ... если бы о... — Я... лордъ Брей... его... — Во-п... — Онъ... — Не... етъ потом... вамъ... не... бить труд... гомъ труд... ственную... — Чѣм... — Онъ... — Какъ... Брей... — Что... — Чув... постъ был... Миссъ... — Во... маете... но, въ... работа:... то, что... трудъ, ч... иѣ, прин... вой работ... въ въ А... знаніе дл... кулъ. Мы... впередъ... только о... потомъ за... Она о...

она задумалась над этими вопросами, лорд Брей нервно строил из соли какие-то фигуры на скатерти и, казалось, тоже недоумевал.

— Он вероятно человек выдающийся? — простодушно сказал он вслух. — Я говорю о том американце в Нью-Йорке.

— Несколько, он вполне заурядный человек.

— А я?... — невольно усмехнулся лорд Брей.

Мисс Мэтьюринг добросовестно взвешала свой ответ:

— Дело вовсе не в том, какой вы человек, — сказала она, — а в том, что вы европейец.

Лорд Брей смахнул соль за перья. — Я принадлежу еще, кроме того, к белой расе и к двуногим, мисс Мэтьюринг.

Она поняла, что ее определение слишком расплывчато, и ей захотелось до конца объяснить свою мысль:

— Вы не американец, — сказала она.

— У меня много друзей в Америке. Можете быть, я встречался с ними? — сказала лорд Брей вопросительно. — Как их зовут?

— Я не могу вам назвать его, — ответила мисс Мэтьюринг правдиво. — Я говорила вам: вопрос решится, когда я вернусь в Нью-Йорк.

— Ну, хорошо. Но что же вы находите предосудительного в том, что я европейец?

— Видите, если бы я вышла за вас замуж, я должна была бы, так сказать, связать себя с Европой. Т. е. я была бы принуждена жить здесь.

— А вы этого не хотите?

— Нет, — сказала мисс Мэтьюринг.

— Не хочу. — Почему? Вы, можете быть, стоите за демократической дух, за независимость и свободу? — допытывался лорд Брей. — Так этого у нас, в Англии, сколько угодно. Я думаю, половина моих собственных арендаторов не кланяется мне на улице.

— Нет. Дело не в демократии. Это вопрос более личный.

— Тогда это печально, — сказал лорд Брей. — Во мне лично гораздо легче найти недостатки, нежели в нашей старой Европе.

— Возьмем, например, вас и его.

Ей следовало бы сказать «вас и их», если бы она была вполне искренней.

— Я «его» не знаю, — заметил лорд Брей. — Но, все равно, возьмем его.

— Во-первых, он работает.

— Он бдент?

— Не то, чтобы бдент. Он работает потому... как бы это объяснить вам... не потому, что он особенно любить труд, но он считает своим долгом трудиться; он чувствует нравственную обязанность работать.

— Чем он занимается?

— Он биржевой маклер.

— Как странно! — сказал лорд Брей.

— Что странно?

— Чувствовать нравственную потребность быть маклером.

Мисс Мэтьюринг выпрямилась:

— Вот видите, вы не понимаете меня. Совершенно не важно, в чем именно заключается работа: для этого американца важно то, что он несет известный труд, что он, как подобает мужчине, принимает участие в общей мировой работе, содействует прогрессу. Мы все в Америке думаем так же. Это сознание для нас необходимо, как воздух. Мы должны помогать двигать жизнь вперед, бороться. А здесь заботятся только о том, чтобы обезопасить себя, а потому застыивают на месте.

Она остановилась. Лорд Брей курить

СЪ НАВХАЗСКОЙ АРМИЕЙ.

ПЛЕННЫЕ ВЪ ХАМУРКАНЪ.—Отправка на транспортъ.

папиросу и сдвинул глазами, как козельду тьму, ей казалось, что если прикоски дыма вылетают за балюстраду. Мисс Мэтьюринг украдкой достала карманное что-то белое, как тонкая резьба по зеркальце и поправила шляпу. В слухе, казалось, по прежнему был поглотитель своей папиросой. Его поза показалась ей небрежной и невозмутимой, и чуждые. Это был изящный, художественный образец человечества, но устаревший, вышедший из моды; с его нарядом, захотелось, чтобы его гордое лицо хотя бы на минуту искажилось от боли. «Нет, в нем нет ничего извращенного!» — говорила она себе. Она не знала в Нью-Йорке ни одного мужчины, от которого вбило бы такую свѣжесть и здравость, закаленным от спорта, а медведя, жизнерадостная американка, пожа-

луй, зараженная слегка феминизмом и желавшая прежде всего иметь свое определенное место и определенный вѣс в кинувшей современной жизни.

— Как увлекательно вы говорите! — сказал лорд Брей.

— Не увлекательно, — ответила мисс Мэтьюринг, — а мне кажется, просто жизненно.

Она повторила про себя это слово. Оно мѣтко и точно включало в себя все, чего не доставало ему, этому лорду. Им можно было любоваться, он был очаровательный собеседник, но он был человек не жизненный; мир с невозмутимым пренебрежением к нему мог обойтись без него и ему подобных. И мысли ее унеслись домой, в Америку, в одну мангаттанскую контору, куда она заходила раз, и где работала шесть дней в неделю один из ее поклонников, Стивен Уельд. М-р Уельд, — она помнит, — сидит за письменным столом под лампой с зеленым абажуром. Ничего не было значительного в этой картинке, разве только мысль о том, что рядом с его маленькой комнаткой находятся тысячи других, таких же комнат-клѣточек, но он напоминали не тюрьму с бесчисленными камерами, а улей, где идет неумолчный, неустанный труд. М-р Уельд — она, как живого, видела его перед собой в пылу работы — сбросил куртку и волосы его были растрепаны, когда она вошла в его кабинет.

— Боже мой, что я надблать, — вдруг сказал лорд Брей. — Я посадил вас спиной к заката. Позвольте...

— Мне некогда смотреть на закат, — ответила мисс Мэтьюринг. Образ Стивена Уельда с его вздернутой головой, уничтожил сразу все ее колебания.

— Нам пора, я думаю, вхат. Я вѣдь контрабандой подылась сюда пить с вами чай. Будет неудобно, если я опоздаю.

— Хорошо, пойдем, — сказал лорд Брей.

II.

М-р Уельд гернулся из передней, потягиваясь и широко зѣвая. Последние гости только что съѣли у подъезда его дома в наемный автомобиль.

— Ну, скажи мне, — начал он. — Скажи мне на милость, зачем ты предложила этот последний ровер? Разве ты не видишь, что я еле держусь на ногах, а эти два бездельника, конечно, предпочитают сидеть у нас до утра вместо того, чтобы возвращаться к себе в свои дешевые меблированные комнаты.

— Что ты, Стивен, — отозвалась м-с Уельд. — Теперь только двенадцать часов.

— Только двенадцать! Если бы ты работала, как я, так не говорила бы, что теперь только двенадцать. Я младший директор в банке, а работаю не только за себя, а по крайней мѣре еще за шесть клерков и за управляющего делами. Вот газеты все пишут о солдатской страже в окнах. Да моя контора не уступит любому окну.

— Тогда иди спать. Будешь горячиться, еще больше устанешь. Это мне письмо?

— Тебѣ. Письмо, по меньшей мѣре страниц в пятьдесят, от м-м Меленкур. Если я его дам тебѣ теперь, ты опять не ляжешь спать до утра.

— Лягу, лягу. Дай мне это письмо. Я прочту его в постели. Право, я не распечатаю его, пока не раздѣнусь.

— Ну, хорошо, тогда пойдем наверх, — сказал м-р Уельд.

Он повернул выключатель и потушил не меньше семи ламп сразу.

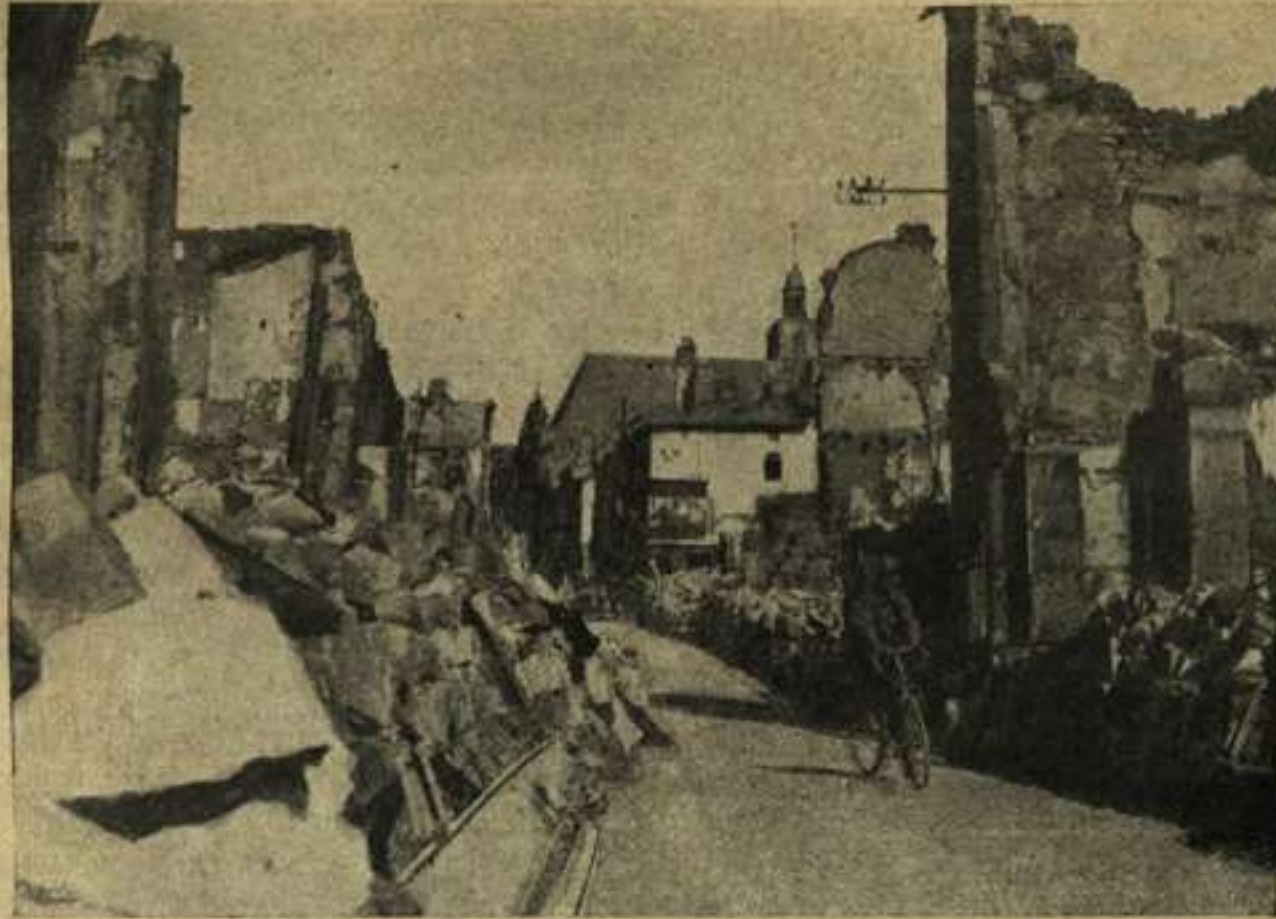
Он был человек методический; благодаря этому качеству он и получал в относительно молодые годы место директора банка. Он находил, например, что нужно еще с вечера, укладываться спать, выполнять добрую часть утренней работы при одѣвании. Как он часто говорил

ИЗЪ АЛЬБОМА ПРОФ. ВЛАД. ЕГОР. МАКОВСКАГО.

Старый охотникъ. Рис. В. Е. Маковского.

НА УЛИЦАХ ВЕРДЕНА.

Одна из улиц Вердена с яркими чертами разрушений, причиненных бомбардировкой. Германские орудия выпускают по крепости ежедневно от 400 до 800 гранат. Бомбардировка ведется систематически: огонь направляется на один квартал вслед за другим. Гранаты от 6 до 15 дюймов частью разрушают здания, частью поджигают их.

Набережная канала—часть города, особенно пострадавшая от бомбардировки. Гражданское население совершенно покинуло город. Жители очистили Верден при начале бомбардировки. Только солдаты остаются среди курящихся развалин, ведя постоянную борьбу не только с неприятелем, но и с пожарами.

Роб. Арт. Макферсонъ, младший лейтенантъ великобританской армии. Погибъ въ Обверномъ морѣ во время катастрофы съ крейсеромъ „Намбрѣге“, на которомъ ѣхалъ въ Россію англійскій военный министръ лордъ Китченеръ. Р. А. Макферсонъ родился и выросъ въ Россіи и при началѣ военныхъ дѣйствій вмѣстѣ со старшимъ братомъ отправился въ Англію, гдѣ поступилъ въ ряды рекрутовъ-добровольцевъ. Въ Петроградѣ онъ былъ извѣстенъ, какъ выдающійся спортсменъ. Погибъ онъ 19 лѣтъ.

женѣ, онъ не могъ уснуть спокойно, если у него не все «готово для утра»! Эта привычка появилась у него, когда онъ былъ еще мальчикомъ, и за тридцать съ лишнимъ лѣтъ ежедневной практики онъ довелъ ее до виртуознаго мастерства, оберегая драгоценныя минуты при утреннемъ туалетѣ. Но зато съ вечера на всѣ эти приготовления уходило не мало времени. Его возня никогда не кончилась, казалось м-съ Уельдъ. Она сидѣла на постели, опустивъ руки на колѣни, и ждала своего письма. Она цѣнила аккуратность и методичность мужа, гордилась тѣмъ, что онъ директоръ банка, и все-таки не могла удержаться отъ мысли, что не стоитъ такъ долго выбирать носки для утра.

— Послушай,—сказала она,—я давно успѣла бы прочесть письмо, пока ты роешься въ бѣлье.

— Все въ свое время,—ответилъ м-ръ Уельдъ, кладя пару зеленыхъ носковъ поперекъ стула, и началъ заводить часы.

«Жанна де-Меленкуръ», — неслышно прошептала она про себя. Это имя, какъ ключъ, распахнуло передъ нею плотно захлопнутыя двери. На нее нахлынулъ рой воспоминаній. Она легла на спину, полузакрывъ глаза и прислушиваясь, какъ шаркаютъ ночныя туфли мужа по спальнѣ. Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ

КЪ ПРИБЫТІЮ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВО ФРАНЦІЮ.

Русскій и французскій солдаты на дежурномъ посту у входа въ лагерь Майи, гдѣ была первая стоянка русскихъ войскъ, прибывшихъ во Францію.

НА ИТАЛЬЯНСКОМУ ФРОНТУ.

Полковой священникъ даетъ объясненія итальянскому королю ВИНТОРУ ЭММАНУИЛУ и его гостю,—принцу УЗЛЬСКОМУ.

она видѣла въ послѣдній разъ въ Люцернѣ м-мъ Меленкуръ. За это время она вышла замужъ за Стивена Уельда, и ей казалось теперь, что прошло не три года, а тридцать лѣтъ, цѣлая жизнь. Онъ разстался съ м-мъ Меленкуръ почти въ ссорѣ. Она, бывшая миссъ Мэтьюригъ, вдругъ заторопилась тогда къ себѣ въ Америку, ей страстно хотѣлось отряхнуть скорбь прахъ Европы со своихъ ногъ, хотѣлось вернуться къ реальной жизни...

Рядомъ въ уборной м-ръ Уельдъ точилъ теперь бритву и мѣрные звуки убавлявали ее. Она почти засыпала, когда на подушку, рядомъ съ ея головой, упалъ конвертъ, и пружины матраца согнулись подъ тяжестью мужа. Она сейчасъ же открыла глаза, зажгла лампочку на своемъ ночномъ столѣ и сѣла на кровати.

«Сѣверъ Франціи.

«Дорогая Мильдредъ.

«Начинаю избитой фразой, но, право, съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала сюда 17 августа, сегодня первый день, когда у меня выдалась свободная минута, и я не валюсь съ ногъ отъ усталости.

Прапорщикъ Павелъ Алексѣевичъ Бѣлавникъ. Паль смертію храбрыхъ.

не отри
стальным
дать, кото
перъ врач
«Я съ
вспомнить
была п
сокъ—дру
что не мо
томъ, чѣ
какъ проп
страшныя
да ежем
больше д
на свѣтъ.
«Все п

ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ВОЙСК НА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ ЕГПТА.

Раненые бедуны в палатку под конвоем индийских солдат.

не отрываться от этого подноса со стальными инструментами, стараясь угадать, который из них протянуть теперь врачу.

«Я съела писателю вам и рассчитывала вспомнить с вами общих знакомых, бывшая времена, позабыться на часок—другой и отойти душой. Но вижу, что не могу. Я могу говорить только о том, чѣмъ полна вся насквозь, вотъ какъ пропитана насквозь кровью солдатъ страшныя посланки, которыя вносятъ сюда ежеминутно. Война, война, война,—больше для меня ничего не существуетъ на свѣтѣ.

«Все время мнѣ приходится работать

Подпоруч. Маркеловъ.
Нагр. орд. св. Георгия 4 степ.

Развалины стѣнъ временъ трапезундскихъ императоровъ Комненовъ. Въ настоящее время на этихъ развалинахъ ютятся постройки нынѣшнихъ жителей города.

По дорогѣ на Соунъ-Су,—дачное мѣсто около Трапезунда.

кого-нибудь изъ близкихъ. Но мы горимъ воодушевленіемъ, а ибѣть высшаго восторга для человѣка, какъ всего себя принести въ жертву. Я думала объ этомъ на дняхъ за обѣдней въ деревенской часовнѣ; снарядъ пробилъ ея крышу и солнце заливало алтарь. Празда то, что вы читаете въ газетахъ: да, Франція опять стала религіозной. Мы вѣримъ, что мѣръ можно спасти самопожертвованіемъ. Должны вѣрить въ это.

«Тѣмъ, кто непосредственно жертвуетъ собой, даже легче, чѣмъ намъ, только помогающимъ имъ по мѣрѣ силъ. Кромѣ нашихъ раненыхъ къ намъ привозятъ и Англичанъ. Среди нихъ я встрѣтила лорда Брея, съ которымъ мы жили когда-то въ Люцернѣ,—неужели это было только три года назадъ? Его полкъ былъ посланъ на континентъ съ начала войны. Онъ дрался подъ Монсомъ, Шарлеруа, продѣлалъ все отступленіе и былъ раненъ вѣдѣлю спустя послѣ битвы на Марнѣ. Онъ подозвалъ меня къ себѣ, когда я проходила по двору, гдѣ онъ лежалъ на носилкахъ. У насъ всѣ бараки были тогда набиты биткомъ, мы не могли принимать новыхъ раненыхъ, а только поторопились перевязывать ихъ и отправлять дальше, на югъ. Я его не узнала. Онъ былъ раненъ три дня назадъ, по его еще не обмыли, и онъ былъ до того покрытъ весь грязью, что я признала его, только когда совсѣмъ низко наклонилась къ носилкамъ. Онъ былъ раненъ очень тяжело, но въ полномъ сознаніи.

«— Какъ я радъ, что встрѣтилъ васъ!»—прошепталъ онъ.

«А я должна была сказать ему, что мы не можемъ оставить его здѣсь. Но я все-таки поймала на ходу хирурга и мы сдѣлали для него, что могли. Онъ го-

ВИДЫ ТРАПЕЗУНДА.

Типичное турецкое кладбище
Рисов. съ натуры А. Пржевальскій (участникъ войны)

Сестра милосердія Ксен. Владим.
Цунирманъ (урожд. Боссе).
За оказаніе помощи раненымъ подъ
ружейнымъ огнемъ въ передовыхъ
окопахъ награждена георгіевскою
медалью 4 степени.

ворилъ со мной безъ умолку, сказалъ, что ему пріятно поболтать послѣ того, какъ онъ три дня только стоналъ. Я проводила его на поѣздъ и отдала ему все, что имѣла,—бутылку одоколону. Онъ получилъ чинъ подполковника и крестъ. Я этого не знала тогда, узнала впоследствии, когда мнѣ сообщили о его смерти. У него едва хватало силъ добхать до Англии,—онъ умеръ въ Фолькстонѣ.

«Феликсъ де Меленкуръ, двоюродный братъ мужа, тоже убитъ. Я боюсь писать объ этомъ, но мужъ и сынъ пока живы. Ахъ, Милдредъ, я знаю, вы душою съ нами. Развѣ вы можете быть не за насъ? Если бы вы тогда вышли за лорда Брея, какъ я объ этомъ мечтала, ваше сердце было бы тоже разбито теперь. Но Господь, видно, пощадилъ васъ. Помолитесь, чтобъ Онъ пощадилъ и меня... Чтобъ Онъ спасъ мнѣ мужа и сына».

«Жанна де-Меленкуръ».

Она не могла совладать съ собой дольше. Она схватила Уельда за плечо: «Проснись»,—завывала она. Голосъ ея дрожалъ и срывался. «Проснись!».

М-ръ Уельдъ уже крѣпко спалъ, но вскопчилъ сейчасъ же, разбуженный ея крикомъ.

Она могла разглядѣть въ темнотѣ его блѣлую фигуру, приподнявшуюся съ подушки.

— Что случилось?

Волосы его были всклокочены,—вотъ, совершенно такимъ онъ рисовался ей три года назадъ, въ тотъ день, надъ Люцерномъ.

Она не могла произнести ни слова. Они долго молча глядѣли другъ на друга въ испугѣ.

Гралорцъ Н-скаго полка 8 роты
Владимиръ Елисевиичъ Жуковскій,
находясь въ бою 14 августа 1915 г.,
былъ раненъ или убитъ и подобранъ не-
приятелемъ. Не получая о немъ до сего
времени никакихъ известій, родные очень
просятъ войска, кто что-либо знаетъ о его
судьбѣ сообщить по адресу: Петроградъ,
Садовая ул., д. 59, кв. 28. Тел. 660-41,
или Фонтанка, 84, судная казна. Теле-
фонъ 33-33.

— Что случилось? — наконецъ повто-
рилъ онъ.
— Ахъ, ничего, ничего, — медленно
сказала она. — Я позвала тебя, въроятно,
во снѣ.

Весной.

Ужъ колосится рожь,
Въ кругу цвѣтеть сирень,
И жаворонка дрожь
Тревожитъ неба дѣнь.
Вѣлѣтъ яблонь садъ
Сквозь вѣтки тополей;
Чуть слышный ароматъ
Несется изъ аллей.
Черемухи расцвѣтъ
И ландышей пора;
Обильный солнца свѣтъ
До вечера, съ утра.
Ужъ дуба бурый сукъ
Одѣлся въ новый листъ;
Летаютъ майскій жукъ;
Повсюду пташекъ свистъ.
Поэтъ мой соловей
Безъ отдыха всю ночь,
И вторать изъ вѣтвей
Другіе во всю мочь.
А выводокъ утятъ
Плыветъ ужъ по рѣкѣ;
Близъ берега мутать
Всю воду на песокъ.
Зазеленѣлъ и мохъ...
Воскресло все, живеть.
Тебѣ, Творецъ и Богъ,
Хвалу свою несутъ!
Природа хороша;
Но людъ печаленъ, сирь...
И расцвѣтеть душа,
Когда настанетъ миръ.

Е. К.

Горки, Тул. губ.

Поэтъ.

Поэтъ—это тайный молчалиникъ
Съ задуманной пѣней въ устахъ,
Поэтъ—это чуткій печальникъ,
Читающій въ чуткихъ сердцахъ,
Сбиратель цвѣтовъ и жемчужинъ,
Искатель забытыхъ тѣней,
Онъ въ жизни, какъ будто, ненуженъ,
И дорогъ безцѣнно онъ въ ной.

Н. Вильде.

Тѣни эстрады.

Николай Григорьевичъ.

Къ 35-лѣтней годовщинѣ смерти.

Популярное въ Москвѣ имя младшаго
Рубинштейна и сейчасъ еще, спустя три-
дцать пять лѣтъ со времени смерти, про-
звучитъ многимъ просто, безъ прибавле-
нія фамиліи.

— Помните, какъ эту вещь игралъ
Николай Григорьевичъ?

— Это ученикъ Николая Григорьевича.

— Это было еще во времена Николая
Григорьевича.

Послѣ смерти младшаго Рубинштейна
въ Москвѣ развелось чрезвычайно много,
такъ сказать, *спокрифическихкихъ* его учени-
ковъ, въ особенности ученицъ.

Какая-нибудь немолодая барыня, играю-
щая классическую музыку, послѣ того,
какъ вы выразите ей благодарность за со-
мнительное удовольствіе въ ея гостиной,
вздохнетъ какъ-то восторженно-меланхо-
лично и скажетъ:

— Какъ же! Вѣдь я ученица Николая
Григорьевича.

И, можетъ быть, у нѣкоторыхъ, эта
новинная ложъ является слѣдствіемъ дав-
нишней, еще юной мечты: быть ученицей
Николая Григорьевича. Когда онъ при-
малъ къ себѣ въ классъ, то смотрѣлъ
пальцы:

— Подушки есть?

Т. е. мягкія конечности пальцевъ, безъ
которыхъ невозможно мягкое и сочное
туше.

Нѣтъ подушекъ—не бралъ.

Какъ онъ игралъ?

Я былъ слишкомъ молодъ въ то время,
чтобы судить о его игрѣ. Но сколько тогда
и послѣ говорилось объ игрѣ Николая
Григорьевича! Сколько было споровъ при
сравненіи игры двухъ братьевъ.

Самъ Антонъ, будто бы, говорилъ:

— Мы съобственно играть при Николаѣ.

Можетъ быть, тутъ была и доля прав-
ды? Знающіе люди находили въ игрѣ Ни-
колая Григорьевича больше чистоты, того,
что называлось еще въ филдовскія вре-
мена: *jeu purifié*. Въ Листъ считали его
сильнѣе Антона. Говорили, что у Антона
ширина пальцевъ мѣшаетъ иногда чистотѣ
въ бѣлыхъ пассажахъ.

Помню, какъ-то въ одномъ изъ своихъ
концертовъ, Антонъ въ неудачномъ на-
строеніи, совершенно смазавши свой соб-
ственный вальсъ, почти слѣпой уже, спу-
скается со ступеней эстрады и подъ бѣше-
ными аплодментами, окруженный богемоль-
ными взорами правовѣрныхъ поклонницъ,
говоритъ вслухъ, картавя букву р:

— Опять ни разу не попалъ!

Но помню я Николая Григорьевича пре-
красно. Невысокій, коренастый, съ тускло-
ватыми, невыспавшимися глазами, съ
усталымъ голосомъ, немного въ постъ,
блондинъ, лысоватый со лба. Не похожій
на брата. Ничего Бетховенскаго, что было
въ Антонѣ.

Крѣпкій, сильный, но именно какой-то
тусклый, сонный.

Онъ и въ самомъ дѣлѣ не высмался
большую часть своей жизни.

Гдѣ же выснаются игроку, несчастному,
затяжному игроку, какимъ былъ Николай
Григорьевичъ?

Человѣкъ, который могъ нажать сотни
тысячъ, а оставилъ только коллекцію ди-
рижерскихъ палочекъ, да и ту продалъ съ
аукціона.

Человѣкъ, который не имѣлъ времени
заниматься роляемъ, такъ какъ его время
уходило на клубъ и на консерваторію, ко-
торый больше игралъ на зеленомъ столѣ,
нежели на клавишахъ, и больше училъ,
чѣмъ давалъ концертовъ.

Человѣкъ, который ложился въ семь
часовъ утра, а въ девять, раньше всѣхъ,
уже былъ въ директорской. Самый непе-
правимый игрокъ и самый исправимый ди-
ректоръ. Рассказываютъ, какъ онъ разъ
возвращался изъ купеческаго клуба,
утромъ, въ свою квартиру на Никитской,
противъ Большого Вознесенья.

Безсонная ночь, усталость, гадко во
рту, а черезъ какіе-нибудь два часа пуж-
но быть на службѣ.

Бѣдетъ мимо крохотной овощной лавки,
только-что открывшей свою дверь, и ви-
дитъ въ грязномъ оконкѣ грязный са-
латничекъ съ солоними огурцами.

— Ахъ! оскрѣжительная шутка!

исполиксій тунель во Франціи.

Во Франціи только что закончилась первая часть соорудимаго огромнаго
канала отъ Марсели къ рѣкѣ Ронъ. Каналъ имѣетъ около 75 верстъ въ
длину. Подземная часть его проходитъ на 7 верстъ, имѣя въ ширину
72 фута и въ глубину 16 футовъ. Вышина ея отъ поверхности воды до
свода—36 фут. Сооруженіе канала обошлось въ 36 мил. руб., а тунель
стоилъ 21.200.000 руб.

Слѣзъ съ извозчика, вошелъ въ лав-
чушку, попросилъ у продавца разсолу и
ну его пить, жадно, съ наслажденіемъ.

Выпилъ и ищетъ деньги:

— Сколько вамъ слѣдуетъ?

А лавочникъ смотритъ на него такъ
сочувственно:

— Ничего-съ. По себѣ-съ знаемъ-съ!

Неизмѣнно каждый годъ онъ давалъ
концертъ.

И недѣли за двѣ передъ этимъ «затво-
рялся».

Покройный отецъ, бывшій съ нимъ боль-
шимъ пріятелемъ, бывало, говорилъ:

— Ну, теперь ужъ Николая Григорье-
вича не зови, пока концерта не дастъ.

У него были удивительныя руки, хотя
пальцы казались коротковатыми.

Годами не играетъ какую-нибудь вещь
большой трудности. Попроситъ въ пріятельскомъ кружкѣ:

— Сыграй намъ вотъ это.

— Нѣтъ, гдѣ же! Я это лѣтъ десять
по игралъ.

— Ну, вспомни, не выйдетъ—брось.

Согласится, сыграетъ.

Удивительно!

— Да ты еще никогда это такъ хорошо
не игралъ.

— Да? И удивительно: никогда это
мнѣ такимъ легкимъ не казалось.

Вдохновеніе пальцевъ.

Этого человѣка любили, боготворили,
ему легко отдавались, онъ легко бралъ и
также легко бросалъ.

Этотъ большой артистъ былъ и боль-
шой Донъ Жуанъ. Донъ Жуанъ съ лѣни-
вымъ взглядомъ, съ лѣнивымъ голосомъ,
который какъ будто и въ любовной ин-
тригѣ говорилъ себѣ:

— Надолю, да что-жъ подѣлаешь!

Я не знаю, былъ ли онъ жестокъ съ сво-
ими жертвами?

Я думаю,—равнодушень.

Подъ Верденомъ.

Life.

Когда въ круглой гостиной благороднаго собрания, во время его концерта, застрѣлилась гувернантка, на груди которой нашли медалионы съ его портретами, то, будто бы, послѣ этого онъ побѣжалъ съ компаніей ужинать въ «Стрѣльну». Но была ли близка съ нимъ эта несчастная?

Но всегда виноваты артисты въ неуѣдомленныхъ эксальтацияхъ поклонницъ. И никто такъ не порицаетъ артистовъ, какъ рабски поклоняющаяся публика.

Съ учениками и съ ученицами Николай Григорьевичъ бывалъ грубъ, невозможно грубъ. Швырялъ нотами въ нихъ, обломками дирижерскихъ палочекъ, награждалъ словечками уличнаго свойства.

Но консерваторское жалованье уходило у него, чуть ли не все, на бѣдныхъ учениковъ. Онъ не только за нихъ платилъ, онъ ихъ ссужалъ, дарилъ имъ платье, шубы.

Въ этомъ сонномъ, по виду, человѣкѣ было много крови, силы, притягательной силы.

Этотъ человѣкъ создалъ московскую консерваторію, а когда грянула русско-турецкая война, забылъ свой клубъ, свою несчастную страсть и концертами по Россіи собралъ чистыхъ сто тысячъ на дѣло Славянъ.

И онъ первый познакомилъ на парижской выставкѣ 1878 года Европу съ русской музыкой. Не надо забывать двухъ людей въ этомъ начинаніи русскаго музыкальнаго дѣла за границей: Н. Г. Рубинштейна и извѣстнаго опернаго артиста Б. Б. Корсова.

Корсовъ не пѣлъ въ русскихъ концертахъ на выставкѣ 1878 года, но горячо и путемъ печати, и личнымъ убѣжденіемъ протестовалъ противъ инертнаго отношенія русскихъ музыкантовъ, отказывавшихся ѣхать дирижировать.

Убѣжденія Корсова подѣйствовали: откликнулся Николай Рубинштейнъ.

И подъ его дирижерствомъ Европа услышала впервые полно представленную русскую музыку.

Это была вторая побѣда русскаго искусства.

Первою была—литература.

Н. Вильде.

Мелочи.

Исторія шампанскаго вина.

Въ настоящее время, когда Шампань сдѣлалась главной ареной мировой борьбы на Западѣ, когда Нѣмцы разоряютъ богатѣйшіе погреба шампанскаго вина въ окрестностяхъ Реймса, небезынтересно вспомнить, когда и какъ появилось впервые это вино на столахъ вельможъ, чтобы стать «царемъ всѣхъ винъ».

До начала XVII вѣка Франція культивировала мало свои виноградныя лозы и доставляла кислыя и сѣверныя вина, главнымъ образомъ изъ окрестностей Орлеана.

Но къ концу XVI и началу XVII вѣковъ многіе частные землевладѣльцы стали улучшать породы своихъ лозъ и примѣнять новые способы для выработки винъ болѣе высокихъ сортовъ, могущихъ конкурировать съ испанскими и итальянскими винами.

Всѣ эти попытки носили характеръ частной инициативы, и неизвѣстно, скоро ли бы онѣ стали общественнымъ достояніемъ, если бы въ 1705 году король Людовикъ XIV не заболѣлъ тяжелой и изнурительной болѣзью. Болѣзнь короля изволновала всю страну, и придворный врачъ Фагонъ, пользовавшій Людовика, началъ получать многочисленныя письма съ указаніемъ разныхъ рецептовъ и слабодій.

Среди этихъ писемъ было одно, сопровождавшееся солидной посылкой изъ четырехъ боченковъ вина отъ бордоскаго дворянина Гюи де-ла-Шансиля.

Вильгельмъ Младшій.—Знаешь, папа, я думаю, что эта игрушка гдѣ-нибудь проколота!

„Punch“.

Винодѣль восторженно восхвалялъ изумительную и цѣлебную качества своего вина и озабочился даже собрать въ концѣ своего посланія подписи болѣе 50 землевладѣльцевъ-дворянъ своего округа, подтверждавшихъ истину его словъ.

Всѣ они единодушно заявляли, что «только наше цѣлебное бордоское вино можетъ поставить на ноги его величество короля Людовика».

Почти одновременно съ прибытіемъ этой посылки появился во дворцѣ и попросилъ личнаго свиданія съ Фагономъ упитанный монахъ изъ больнички Saint-Vivent въ Бонѣ.

Предъявивъ весьма солидныя рекомендаціи, онъ вручилъ боченокъ отличнаго бордоскаго вина и разсыпался въ похвалы ему, уснащая свою рѣчь текстами изъ писаній.

Фагонъ оказался въ большомъ затруд-

неніи, не зная, кому отдать преимущество. Для разрѣшенія своихъ сомнѣній онъ пригласилъ консилиумъ изъ лучшихъ врачей Парижскаго университета.

Эскулапы усердно пили доставленное вино, спорили и не могли придти ни къ какому соглашенію.

Въ то же время между добровольными «цѣлителями» короля завязалась самая ожесточенная полемика: бордоскіе дворяне и бургонскіе монахи бранили другъ друга, посылали делегатовъ въ королевскій дворецъ съ новыми порциями вина, доходили зачастую до рукопашной въ приемной дворца.

Когда королю донесли о причинахъ этой распри, онъ назвалъ ее «виннымъ междоусобіемъ» и долго омѣялся надъ нетерпимостью и упрямствомъ винодѣльцевъ.

Страдая желудкомъ, онъ испытывалъ отвращеніе къ вину и долго отказывался отвѣдать присланнаго ему вина. Однако, уступивъ какъ-то уговорамъ врачей и попробовавъ ихъ, онъ заявилъ:

— Передайте монахамъ и дворянамъ, что я нашелъ ихъ вина одинаково приятными... Пусть же они успокоятся и прекратятъ свою вражду.

Но этотъ уклончивый отвѣтъ короля не удовлетворилъ враждующихъ, и они рѣшили обратиться за разрѣшеніемъ спора къ придворнымъ короля.

Въ эту эпоху изъ дня въ день многочисленныя транспорты вина были доставляемы придворнымъ вина Бордо и Бургоніи. Придворные разбились на партіи, и «винное междоусобіе» воцарилось въ стѣнахъ королевскаго дворца.

Впрочемъ, винодѣль ничего не потерялъ на этомъ, ибо споромъ заинтересовались и другіе слои общества, и вскорѣ весь Парижъ началъ выпивать вина изъ Бордо и Бургоніи, желая быть въ курсѣ дѣла и принять участіе въ этой оживленной полемикѣ.

Откликнулась и литература: появились поэмы, воспѣвавшія «вино монаховъ, такъ сладко щекочавшее сердце», или «благородное вино съ далекихъ Пиренеевъ, уносящее насъ въ заоблачныя сферы»...

Въ самый разгаръ этой полемики и появилось на сцену игристое шампанское вино. Нѣкій Донъ-Периньонъ нашелъ способъ сдѣлать игристымъ старинное вино Шампани «Аи».

Впервые это вино появилось въ «большомъ свѣтѣ» въ волшебномъ замкѣ опальнаго герцога Вандомскаго, сосланнаго королемъ въ свое помѣстье д'Ано послѣ пораженія при Удонарѣ.

Герцогъ Вандомскій жилъ здѣсь паркомъ, задавая пышные пиры, и на одномъ изъ нихъ онъ предложилъ своимъ гостямъ «содѣлать игристый напитокъ», доставленный ему однимъ приятелемъ, маркизомъ де-Силлери. Вино это произвело фуроръ, и гости герцога, вернувшись въ Парижъ, принялись столь усердно рекламировать его, что вскорѣ оно появилось на королевскомъ столѣ и вытѣснило прочія вина.

Бордоскіе дворяне примирившись съ этой неудачей, но бургонскіе монахи оказались упорнѣе. Они вооружились противъ шампанскаго всю клаву парижскихъ святошъ и ханжей и предали его проклятіямъ и анаемѣ: «Это мерзкое вино распутныхъ куртизанокъ».

Но что могли сдѣлать эти одинокіе голоса противъ триумфальнаго шествія этого «искристаго царя всѣхъ винъ»?

Шампанское прочно завоевало свое мѣсто и доселѣ удержалось на первомъ мѣстѣ среди лучшихъ винъ Стараго и Новаго Свѣта.

Президентъ Вильсонъ (къ германскому орлу): — Бѣдная старая птица! И все время такая голодная! Ну вотъ тебѣ хлѣбъ-соль отъ насъ!

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина —

«Новое Время».

ВЫТЯЖКА ИЗ СЪЕМНЫХ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при невралгическомъ, истерическомъ, невралгическомъ, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артерioskлерѣ, туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердца, дѣятельности, общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотери и проч.

Гг. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪЕМНАЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюденія высылается БЕЗПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕЗПЛАТНО. Одинъ флаконъ съемной вытяжки въ продажѣ стоитъ пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—БЕЗПЛАТНО. 2/3 почтовый сборъ за надлежащій платежъ всегда за счетъ заказчика. Адресъ: Органотерапевт. лабораторіи Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Коаловскій пер. соб. д. 10, к. 33

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ съемныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химическими изготавленными суррогатами.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ Т-ВА А. С. СУВОРИНА—
"НОВОЕ ВРЕМЯ".

НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

ОГНЕННАЯ КУПЕЛЬ

Историческая повѣсть.
Цѣна 1 р. 60 к.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»

А. К. ГРИНЬ

ПОКИНУТАЯ ГОСТИНИЦА

Романъ. Цѣна 75 коп.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ, БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,

а только по нашему изданію «Гимназія на дому», но подъ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ

ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:

Вольноопредѣляющагося I и II разряда;
на класный чинъ,
высшаго начальн. сельск., народн. учителя,
аптекарскаго ученика, —цы,
на 4 или 6 классовъ гимназій,
на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже благодаря изданію «Гимназія на дому» достигнуть намѣченной цѣли.

Краткій проспектъ высылается бесплатно. Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“ Петроградъ, Николаевская, 44-73.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. СУВОРИНА—
"НОВОЕ ВРЕМЯ"

НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX столѣтія

Томъ первый. 1800—1850 гг. Критика.—Романъ.—Поэзія.—Драматургія.—Съ приложеніемъ синхронической таблицы, указателя и полной библиографіи. Изданіе 2-е. Исправленное и дополненное. Стр. XII+617. Цѣна 3 рубля.

Томъ второй. 1850—1900—1915. Критика.—Романъ.—Поэзія.—Драматургія.—Съ приложеніемъ синхронической таблицы, хронологіи писателей, полной библиографіи алфавитнаго указателя къ обоимъ томамъ и очерка развитія формъ и направленій новейшей русской литературы (1890—1900—1915). Стр. VIII+692. Цѣна 3 руб. 50 коп.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕВЕНКИ.

Электрич., безъ красокъ, 15 р.
только силою въ нихъ тока.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ
Петроградъ, Морская, 88.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина
«Новаго Времени»

ПРОДАЕТСЯ РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ
ШЕКСПИРЪ

ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ

СЪ РИСУНКАМИ
ДЖЕМСА Д. ЛИНТОНА
Цѣна 10 руб.

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете восстановить Ваши волосы въ прежній естественный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ естественный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

== **СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.** ==

Пшите немедленно не присылайте ни денегъ, ни марокъ!

Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО,
МОСКВА. Отд. 1097.

ВОЛОСЫ

Новая книга:

И. Б. Смольяниновъ.

ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЬ

(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ).

Изданіе М. А. Суворина.

Цѣна 2 руб.

Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и на станціяхъ желѣзн. дорогъ.

ПРИ ИСТОЩЕНІИ И ОСЛАБЛЕНІИ ОРГАНИЗМА,
какъ питательное и укрѣпляющее средство, рекомендуется препаратъ

„РОБОСТО“ ДОКТОРА МАНКЕНЪ.

Вслѣдствіе содержанія въ „Робосто“ значительнаго количества бѣлковыхъ веществъ, а также и препарата, составленнаго изъ элементовъ крови (Гемоглобула), препаратъ „Робосто“ вполне заслуживаетъ видѣнствіе между питательными средствами

ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ.

Каждому, сообщившему свой точный адресъ, имя, отчество и фамилію, **ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО** проба препарата „Робосто“ и рецептъ его.

Письма адресовать: **В. А. МАНКЕНЪ.** Москва,
Фуркасовскій пер., домъ Кононовой. Отд. 269.

Вышло въ свѣтъ 4-ое изданіе
книги женщины-врача М. М. ВОЛКОВОЙ
„КАКЪ ИЗБАВИТЬСЯ
ОТЪ ПОЛНОТЫ И ОЖИРѢНІЯ“
по способу, испытанному авторомъ на себѣ
и на своихъ больныахъ.
Цѣна 80 коп.
Складъ изданія въ книжн. магазинѣ
„Новаго Времени“.

НОВАЯ КНИГА

САДЫ-ГОРОДА

И
ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ
ВЪ АНГЛІИ.

П. Г. МИЖУЕВА.

Красивое изданіе. Волѣе 150 рисунковъ (3 цвѣтныхъ), плановъ и чертежей. Цѣна въ колѣнкоромѣ переплетѣ 5 р. 50 к. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія—книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина—«Новаго Времени», Невскій, 40.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14464

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 11 (24) ЮНЯ 1916 ГОДА.

№ 14464

НА СЪВЕРНОМЪ ФРОНТѢ.

Перемѣстившись на двѣхъ на одинъ такъ называемый «животный» участокъ нашей позиціи, ** Сибирскій полкъ сразу увидѣлъ, что тутъ надо навѣсти новые порядки. Приѣхавшій посмотреть, какъ разобѣдился его сибиряки на новыхъ мѣстахъ, начавшись дивизию побывавъ въ окопѣ у двора Ф., впереди котораго находится остатокъ разрушенной хаты, гдѣ, спрятавшись за углубленныя трубы ей, можно отчетливо наблюдать германскіе окопы. Виднѣть боевой генералъ, что распустились Нѣмцы порядкомъ за вину, ходятъ почти въ открытую, несмотря на это пятнадцать штыковъ, отбѣлѣвшихъ цѣль отъ нашихъ окоповъ. Вотъ и сейчасъ тамъ происходитъ какое-то особенное движеніе, съ кѣмъ-то взрываются, приѣхавъ на вѣрно кто-нибудь изъ штаба, что ли; на козырькѣ окопа показывается фигура германскаго офицера, внимательно разсматривающаго нашу окопъ въ Цейль. Стоявшая здѣсь раньше на та часть, очевидно, была не изъ задорныхъ, Нѣ-

поводи биноклемъ по нашему расположенію, мѣтъ разсматривая на это. Стоитъ спокойно, За обгорѣлой трубой сожженной хаты уже при- лаживается и зорко беретъ на мушку Нѣмца сибирскій стрѣлокъ. Беретъ въ лобъ между глазомъ. Взмахнувъ руками, опорокидывается Гер- манецъ навмиче. Въ окопѣ суматоха, сибирякъ огорчается, своею милою пулемѣю Нѣмцевъ не на пушку, они разнажаются ругательствами, и пѣльмъ грядомъ божбочекъ, частымъ ружей- нымъ и пулеметнымъ огнемъ. Виднѣть его гене- ралъ и рѣшаетъ понакомить Нѣмцевъ со сво- имъ доблестнымъ сибирскимъ полкомъ побли- же, такъ сказать, грудью наперекъ за Герман- ца. Для этого надо выронить вогнутую дугою линію нашихъ окоповъ между дв. Ф. и дво- ромъ С-тъ. Только немного на намѣченной по- ляди, не бѣда: фашинику подъ рукою много, да, пожалуй, и удало за нимъ сидѣть при- дется, лишь бы поближе подобраться, а тамъ до нѣмецкихъ благоустроенныхъ окоповъ ру-

кою податъ. Свѣтла сѣверная майская ночь. Коротка она. Коротокъ и отдыхъ бойцовъ. Уже съ трехъ часовъ ночи разгорается обстрѣлъ. Нѣмцами взвода сѣдой роты, усердно заня- той работою по устройству новой линіи окопа. Ссыпать бомбами, минами, немолчно трещить пулеметъ. Вотъ заахали снаряды по всему дѣ- лу. Схватился Нѣмецъ крикомъ. Вѣдь подъ вост- ему на восемьдесятъ шаговъ подтащили имъ фашиники. Не выдерживаетъ, наконецъ, и бро- сается на сибиряковъ. Стойко встрѣчаютъ ихъ дикой ваводъ, воодушевленный своимъ коман- диромъ праворицкомъ Александровымъ. От- хлынувшие Нѣмцы подтащиваютъ подерѣвля- нн. А пока снова градъ пуль, бомбъ, минъ. Разрывомъ, одной изъ нихъ тяжело контуженъ Александровъ, три четверти состава его взвода уже лежатъ сраженными. Гореть молодцовъ спрулился у своего командира и отбиваетъ по- вную атаку противника бомбами, прикладами. Уже торжествуютъ побѣду Нѣмцы, готовы за-

хлестнуть удачную горсточку храбрости, по- сяди изъ-за деревень съ ружьями на-пере- вѣсъ стремительно несется поддержка: пору- чникъ Сырфодовъ со своимъ ротомъ. Сшиблись, атакуютъ штыки, слышатъ не поддающийся описанію гамъ рукопашной. Не выдержали Нѣмцы схватки съ дорвавшимися наконецъ, до Германца сибиряками. Бросились назадъ, остав- лив своихъ убитыхъ и раненыхъ. Спрятались за свои волочія загражденія и притихли, опа- дѣли. Новая линія окопа закрѣплена, и гото- вятся, опираясь на него, къ смертельному для Нѣмцевъ удару сибиряки. Пора такая, не сидится въ тѣснахъ окопахъ, тянется на про- сторъ! Да и Нѣмецъ засидѣлся у насъ, «надо просить его чество: погостилъ, да и довольно!»- гуртуютъ между собою стрѣлки.

20 мая 1916 года.
Дѣйствующая армія.

А. Пржевальскій

Тородъ.

Древній городъ вѣка надъ рѣкою стоитъ,
Отъ татарскихъ набѣговъ вся въ ранахъ
стѣна,
На откосъ приходи, на рѣку что завидь!
Пашни, села, луга, ширина-ширина...
Хорошо здѣсь въ разливъ, о зеленой веснѣ:
Пароходы бѣгутъ, по ночамъ соловьи.
Здѣсь влюбленнымъ мечтать хорошо при
лугѣ
И поэту слагать вольно пѣсни свои.
Но зачѣмъ здѣсь, порою, такъ сердце со-
сетъ?
И какъ будто устаешь, и какъ будто ужъ
старь,
И сложилъ столько пѣсень унылыхъ на-
родъ?
Отъ безбрежья равнинъ? Отъ набѣговъ та-
тарь?
А какъ свянуть зеленого лѣта красы,
Какъ разстелется снѣжная вдругъ пелена,

Въ девять нѣтъ ни души, заливаются
псы
И, какъ черная пасть,—ширина-ширина...
Н. Вильде.

Преступница.

Рассказъ.
Нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ пришлось
просить около мѣсяца на Волгѣ въ горо-
дѣ N.
Городишко жалкій, пыль, несмотря на
обиліе садовъ, и скука, скука...
Ничего больше не оставалось какъ ухо-
дить съ кингой на обрывъ рѣки и сидѣть
тамъ, часами глядя, какъ сверкаютъ на го-
ричемъ солнцѣ, среди зеленыхъ заливныхъ
луговъ, сельскія церкви раскиданныхъ то
тамъ, то самъ деревушекъ.

Здѣсь я дышалось вольнѣ, и скука какъ
будто уходила.
Но черезъ нѣсколько дней, придя на «мое
мѣсто»,—я былъ неприятно удивленъ по-
явленіемъ новаго лица. На скамьѣ, не-
ловко и некрасиво вытанувъ худыя ноги,
въ несвѣжихъ чулкахъ и поряжѣлыхъ
туфляхъ, сидѣла дѣвушка. Вглядѣвшись, и
успокоилась. Нарушительница моего уеди-
ненія, бросивъ быстрый разсѣянный
взглядъ человѣка, погруженнаго въ свое го-
ре, не обращала на меня никакого вни-
манія.
А что горе было, и большое, въ этомъ
нельзя было сомнѣваться.
Не обманывали ли эти, словно врѣзав-
шіяся въ лобъ морщины, углы рта, по-
висшаго горько, страдальчески; худыя,
стиснутыя въ тоскѣ руки.
Я сѣла поодаль. Ужъ очень мнѣ не хо-
тѣлось совсѣмъ уходить съ обрыва, терять
видъ на Волгу и далекіе поемные луга.
Была еще надежда, что моя наруши-

тельница уединенія пришла случайно и
больше не явится.
Я ошиблась.
На другое утро она пришла раньше ме-
ня, и просидѣла такъ часа три, все въ
той же застывшей позѣ безнадежнаго
отчаянья.
И такъ провели мы съ ней нѣсколько дней.
Она — молча глядя куда-то тупыми
красными глазами; я—читаю, или запи-
сывая кое-что.
И вдругъ,—чего я совершенно не ожи-
дала,—дѣвушка заговорила.
Голосъ низкій, глуховатый, будто над-
треснутый.
— Все читаете?
— Читаю, да мало... Ужъ очень хорошо
кругомъ...
Я указала на раскинувшійся видъ.
Незнакомка тяжело вздохнула.
— Да... хорошо, у кого на дунѣ легко...
А вотъ мнѣ такъ въ эту погоду, когда солн-
це свѣтитъ, еще хуже...—сказала она, ви-
димо, желая подлѣниться своимъ горемъ.

Первая женщина художника-архитектора Нина Александровна Новиковская. Окончила Смольный Николаевский Институт в 1901 г. и, чтобы получить право держать экзамен в Академии Художеств на архитектурное отделение, поступила на физико-математическое отделение Высших Женских курсов. Через год, выдержав конкурсный экзамен, она была принята в Академию Художеств в класс проф. Бенуа. Пробыла в Академии 8 лет, в 1916 г. Н. А. Новиковская выступила на конкурсе и за проект «Инвалидный дом на 2000 солдат и 100 офицеров» и «Собор при Инвалидном доме на 8000 человек» получила звание художника-архитектора. Н. А. Новиковская — уроженка Полтавской губ., Миргородского уезда, где она владеет родовым поместьем.

— Почему так?
— Так ужь...
И, пристально, веко заглядывая в меня, она придвинулась на лавку.
— Мне жить и не может быть радости на этом свете... А маме прощенья не будет, потому что...
Она не договорила, но, подавив рыдание, заговорила опять:
— Грешница я, страшная грешница... Если бы вы только знали...
И, снова, замолчав, глядела тупо на бегущий мимо пароход.
— Грешница, вы сказали? Конечно, человеку нехорошо в чужую душу из пустого любопытства заглядывать... — начала я. Она перебрала, вдруг оживилась, очевидно, испытывая болезненное желание перенять в рассказ таинственное ее горе.
— Нет... Что вы. Да хоть бы и из любопытства... А мне ваше лицо добрым кажется... Уж очень на сердце тяжело, хоть в Волгу бросаться... Может, расскажу вам, — легче будет...
Я не могла отказать ей просьбу, похожей на мольбу, и выслушала все до конца.
Действительно, это было что-то ужасное, роковое, разбившее жизнь бедного существа.
Рассказывала она очень подробно, мстима даже обрзано, очень нервно, видимо, почти с наслаждением, береда старая раны.
— Мне ведь ужь двадцать восемь лет минуло, а когда случилось это — девятнадцать было... И я собой была очень хороша... Давно было, а не забылось, да и не забудется никогда...
И послѣ недолгого молчания, каким-то робким и тихим голосом проговорила:
— Что скрывать... Преступница я... Убийца...
И, видя мое молчание, прибавила:
— Не ножом, не револьвером убила, а хуже, гораздо хуже...

И, передохнув, продолжала, как будто немного спокойнее:
— Человека, которого я... убила, звали Дмитрием Николаевичем Торбиным. Был он доктором сюда в наш город прислан. Я сама не зная, дочь пошлица, и послѣ окончания курса жила с матерью в имении. Теперь здесь живем. Счастлирое мое дѣтство было, счастливая юность до того времени, пока я этого человека не встрѣтила.
Познакомилась я с ним у наших общих знакомых. Мне еще раньше сказали, что доктор новый к нам прислан.

Я не особенно этим заинтересовалась, другие тогда мечты были; в актрисы поступать собиралась; да вообще много в голову было. Все жизни я какой-то особенной, красивой искала... Читашь, бывало, романъ, а оторвешься, словно съ неба въ грязь упадешь...

Но как только я Дмитрия увидѣла, так съ этого вечера точно приковал он меня къ себѣ.

Помню, танцы начались, я и спросила его:

— Отчего вы не танцуете?

А онъ улыбаяся и отвѣтил: «Не умѣю».

И вотъ, какъ сейчасъ вижу, — потому мы въ садъ съ нимъ вышли, старый такой, только въ глуши провинции такіе водятся; все лица, да чернуха, да сирень...

И почти весь вечер мы съ нимъ вотъ на такомъ же точно обрывѣ просидѣли.

Послѣ мама бранила меня: «Стыдно барышнѣ съ первымъ встрѣчнымъ сидѣть въ одиночество». А скоро этотъ первый встрѣчный у насъ своимъ въ домъ съѣздился. Мама заболѣла опасно, а онъ вылечилъ и бывать сталъ часто... И какъ-то скоро-скоро все между нами объяснилось, чувствовали мы, что одинъ безъ другого жить не можемъ.

Мама благословила насъ, но сватовство держалось пока въ секретѣ.

Точно какимъ-то туманомъ меня окутало.

Боже милосердный! Какое это было счастье!.. Только недолго, потому что я сама его разбила и любимого человека погубила...

Она всхлинула, помолчала и продолжала какимъ-то разбитымъ голосомъ:

— Вотъ, что дальше случилось. Начало мне представляется, что холодеетъ порой ко мне Дмитрий, равнодушнѣе, чѣмъ-то занятъ...

Не знала я тогда, что въ нашемъ городѣ не взлюбили его за гордость. Къ бѣднымъ больнымъ скорѣе ѣдетъ, чѣмъ къ богатымъ, подрываются подъ него, отъ мѣста уже отказать рѣшится городские люди, власть имѣющіе... А онъ все это отъ меня скрывалъ, и думалось мне, другую, можетъ быть, полюбилъ, охладѣлъ.

И рѣшилась я испытать Дмитрия, ревность возбудить. Придетъ онъ, а я начну кокетничать съ другими.

На бѣду гусары у насъ тогда стояли. Одинъ полякъ — красавецъ собой... Какъ-то вечеромъ у насъ были гости. На меня точно бѣсъ нашелъ: хохочу, болтаю съ этимъ гусаромъ, и ужасно мне приятно, что Дмитрий самъ не свой. Послѣ ужина, передъ танцами, подходятъ ко мне.

Художникъ Конст. Матв. Израель, декораторъ Императорскихъ театровъ. † 22 мая въ Петроградѣ.

Поконный оставилъ глубокий слѣдъ въ исторіи русскаго театра и декоративной живописи въ Россіи. Въ бытность декораторомъ Императорскихъ театровъ имъ написано множество замѣчательныхъ декораций для драмы, оперы и балета. См. статью на 205 стр.

— Что это?.. — спрашиваетъ. — Игра или охлажденіе?..

А я прямо ему:

— А вы какъ думаете? Можетъ быть, и охлажденіе...

Онъ такъ и поблѣднѣлъ весь.

— Вѣрнаго, — говоритъ, — ничего нѣтъ.

Еще прибавила: захотѣла я съ гусаромъ въ садъ убѣжала.

Вернулась черезъ минуту — Дмитрий нѣтъ, уѣхалъ.

Все мое веселье разомъ упало. Гусаръ говорить, а я не пойму, что...

Ночь не спала, но утѣшала себя: завтра придетъ.

И завтра не придетъ, и послѣзавтра.

Тутъ не выдержала я: уговорила маму въ городъ ѣхать.

Думаю, хоть и не прилично невестѣ къ жениху идти одной, а пойду, прощенья выпрошу за глупую шутку. Но идти мне не пришлось къ нему.

Приѣжаешь къ сестрѣ замужней, а у нихъ гости.

Вдругъ... Господи! Даже сейчасъ сердце падаетъ, какъ вспоминаю. Входитъ одинъ нашъ знакомый и говоритъ:

— Не везетъ нашему городу. Затравили-таки хорошаго человека. Одинъ былъ Торбинъ, да и тотъ съ собой покончилъ...

Послѣ мне сказали — я упала, и я ничего не помню... Жива осталась, а зачѣмъ?..

Она замолчала. Молчала и я, подавленная. Мне нечего было сказать ей; я знала, что утѣшить нельзя пустыми словами.

И мы молча разошлись. Я не встрѣчала больше на обрывѣ бѣдной дѣвушки: полили дожди, а тамъ скоро и я уѣхала въ Москву.

Прошло больше четырехъ лѣтъ. Одна моя хорошая пріятельница заботилась нервнымъ разстройствомъ, и я навѣщала ее въ лечебницѣ д-ра Адаровскаго.

Придя какъ-то, я должна была дожидаться; знакомая моя брала ванну. Меня попросили обождать въ саду, прекрасно устроенномъ. Особенно хороши были кусты розъ, вышнихъ, алыхъ, дрожащихъ каплями росы, и шпалеры жасмина...

Грустная тишина убѣжища нарушалась пѣніемъ, долетавшемъ изъ отдѣленія для душевнобольныхъ. Чудесный женскій голосъ пѣлъ подъ аккомпанементъ рояля балладу о фульскомъ королѣ.

По аллеѣ мимо меня прошла, очевидно, болячая, въ сопровожденіи сидѣлки. Она обернулась и поклонилась мне. Я сейчасъ же узнала мою незнакомку съ обрыва.

Подождалъ докторъ; сидѣлка увела болячую въ глубину сада.

— Вы знакомы были раньше, или это ея фантазія? — спросилъ докторъ.

— Знакома немного. Мы встрѣчались въ N., когда она еще была здорова... — сказала я.

— Здорова она и тогда не была... И, вѣроятно, рассказывала вамъ ужасную повесть своего преступленія о погубленномъ ею женихѣ? — спросилъ Адаровскій.

ИЗЪ НИЗНИ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕЙ.

Вечеромъ, послѣ подъема, на отдыхѣ.

Павшие смертью храбрых.

Подпоруч. Л. И. Рошинъ.

Подпоруч. Д. А. Бейеръ.

Поруч. Д. Н. Старитинъ.

Поруч. А. I. Смольнинъ.

Поруч. Г. Н. фонъ-Фергентъ.

— Да... А разве этого не было?
 — Конечно, не было. Преступление, будто бы содеянное ею, — это ей бо-
 лѣзнь. Она дочь бакалейнаго тор-
 говца, богатаго человека, и «послѣ курса
 гимназін», по выраженію старухи-матери,
 привезли ее сюда. Зачиталась. Довольно не
 рѣдкій случай, — прибавил доктор.
 — Быть не можетъ! — не удержалась я.
 — Она такъ подробно рассказывала, такъ
 плакала... наконецъ, узнала меня послѣ
 почти четырехъ лѣтъ, хоть и видѣла не-
 сколько разъ.
 Доктор усмѣхнулся.

— Послѣ четырехъ лѣтъ! У меня въ
 моей практикѣ находится мой старый учи-
 тель, тогда еще молодой человекъ, и кото-
 рый недавно помѣщенъ ко мнѣ. Онъ узналъ
 меня... А я была тогда 12-лѣтнимъ маль-
 чикомъ. Память, какъ и фантазія, по-исти-
 нѣ изумительна иногда у этихъ несчаст-
 ныхъ.

— А она излечима? — спросила я.
 — Не думаю... А, впрочемъ, въ нашемъ
 дѣлѣ такъ много темнаго, — закончилъ
 Адаровскій.

Меня позвали къ моей знакомой.
 Уходя, спустя часъ, отъ нея, идя садомъ
 къ калиткѣ, я снова увидѣла мою преступ-
 ницу и поклонилась ей.

На этотъ разъ она не отвѣтила на мой
 поклонъ. Прикажались къ стволу березы,
 она неподвижно сидѣла, словно застывъ,
 очевидно, въ сотый разъ переживая свои
 фантастическія, но по-истинѣ жестокия
 муки раскаянія. Рядомъ спокойно дремала
 сидѣлка въ своемъ блѣдомъ гофрированномъ
 чепчикѣ.

Калитка отворилась служителемъ, и я
 вышла на волю.

Свѣжій предвечерній вѣтерокъ въ по-
 слѣдній разъ послалъ мнѣ свое душное
 вѣяніе. Я удвоила шаги. Вдали звенѣлъ
 трамвай. Уличные фонари глядѣли свѣт-
 лыми точками среди мягкаго полусумрака.

В. Волчъ.

Полдень.

Мутны волны рѣчки, опустились травы,
 Въ рошѣ истомленной воздухъ духовитъ,
 Приумолкли птицы — солнца лязгъ кро-
 вавый,
 Какъ пожаръ небесный, надъ землей
 Стоитъ.
 Тростники надъ прудомъ никнуть — не ко-
 лыхнутъ,
 На дугу отъ коневъ сѣна вѣетъ зной,
 Кажется, отъ солнца такъ сейчасъ и
 вспыхнутъ,

Какъ отъ заренной искры огневой.
 Вѣтерка не слышно, замирають звуки,
 Въ воздухѣ разлита тягостная тѣнь...
 У косцовъ безвольно опустились руки
 И лукаво манитъ сонъ въ лѣсную тѣнь.
 Это — грозный полдень, время сожалѣній
 О прохладѣ влажной ночи и утра.
 Это — часъ надежды, что въ порѣ томленья
 Создается жизни лучшая пора.
 Жаръ спадетъ палиціей, солнце жечь уста-
 нетъ
 И, расправивъ мощно ширь своихъ пле-
 чей,
 Какъ воскресшій витязь, вновь земля воз-
 станеть.

Гемма.

Три извода русской рѣчи.

(Не сказъ, а показъ).

1. Отрывокъ изъ объяснительной записки «Общества возрожденія художественной Руси», изданной при его учрежденіи.

«Общественное вниманіе къ родной ста-
 ринѣ стало въ послѣднее время вырастать
 до размѣровъ, позволяющихъ считать его
 уже не простымъ вниманіемъ только, но
 широкимъ общественнымъ движеніемъ. Съ
 его ростомъ, стали множиться и худо-
 жественныя книжныя изданія, черпающія
 изъ времени самобитной Руси богатый
 сокровища. Еще пять лѣтъ назадъ расхо-
 дилось не болѣе 400-500 оттисковъ сла-
 вянскаго языка, нынѣ же мы при-
 требующіе освобожденія отъ вліяній

существоемъ при отрадномъ явленіи усили-
 шейся къ нимъ чуткости русскаго об-
 щества, которая заставляетъ повторять
 ихъ иногда до трехъ разъ и забрасываетъ
 книжный рынокъ жадными запросами чи-
 тателя объ ожидающихся въ данной об-
 ласти новинкахъ. Последнее обстоятельство
 учитывается уже книжными предпріяти-
 ми, стремящимися удовлетворить всакій
 спросъ вообще, — и на ряду съ научными
 изданіями высокой цѣнности появляются
 также и такія, которыя, будучи рассчита-
 ны на простую прибыль, иногда безсозна-
 тельно, своимъ случайнымъ содержаніемъ,
 должно удовлетворять развивающуюся
 потребность общества въ изученіи родной
 старины.

Нынѣшнія военныя событія естественно
 должны были ускорить ростъ этой потре-
 бности, — и русское общество, пораженное
 внезапнымъ нравственнымъ одичаніемъ
 враждующихъ съ нами народовъ,
 которые долго ставились въ примѣръ и
 образецъ, невольно стало искать источ-
 никовъ своей духовной силы въ тѣхъ вѣ-
 ками славившихся историческихъ быто-
 выхъ началахъ древней Руси, которыхъ
 не могли стереть два слишкомъ вѣка
 иноземныхъ подражаній. Всѣ обратили
 взоръ внутрь своей страны, — и на ряду съ
 указаніями на необходимость пользоваться
 естественными богатствами родной земли,
 уже не простымъ вниманіемъ только, но
 теперь уже слышны голоса, напоминаю-
 щіе также о нашихъ сокровищахъ духо-
 венныхъ, о нашемъ забытомъ строительномъ
 и художественномъ древнемъ искусствѣ,
 которыя разбросаны на широкомъ пространствѣ го-
 лоса, слышны настоятельныя голоса,
 требующіе освобожденія отъ вліяній

послѣдняго времени на окружающую по-
 вседневную обстановку домашней жизни,
 полную попытокъ отразить образцы ино-
 страннаго искусства. Наконецъ, все громче
 и громче говорятъ объ очищеніи русской
 рѣчи, безцѣльно засоренной чужеземными
 словами и выраженіями. Всѣ эти знаменія
 времени даютъ полную вѣру въ дальнѣй-
 шій живительный ростъ вниманія со сто-
 роны мыслящаго и художественно чуткаго
 обывателя къ возрожденію русскаго духа.

2. Тотъ же отрывокъ, въ изложеніи лѣто-
писнымъ языкомъ начала XVII столѣтія.

Какое время живемъ? Не радовались ли
 подобаетъ намъ нынѣ, любующеся не
 единому, но двухъ токмо человекѣвъ, но
 изряднаго множества людей, и простецовъ
 и мудрыхъ и великомужныхъ, къ лѣтотѣ
 древности российскія, любовь не сытую.
 Къ ней же очей жадное взираніе и мыслей
 и сердце испытующее притеченіе не ска-
 редной струею сочтется, по велимъ не-
 устаннорастущимъ потокомъ любомудрія
 ся являеть.

А едино добро и другая благая потя-
 нетъ. Въ то же мѣсто и въ томъ же
 разулѣ почя нынѣ збо множитися и пе-
 чатное, и книжное дѣло, а все по той же
 стать: во еже бы лѣтоты тоя сыскати
 и совокуити и вся древлія сокровища па-
 ки запечатлѣти и въ харатьяхъ, и въ
 книжницѣхъ размножити, паче же въ лице-
 выхъ и цѣвчєныхъ, российскимъ людемъ
 умилєнія ради и наставленія. Аще ли
 не доброе сямъ творится, оно же ранѣ и
 въ сонныхъ мечтаніяхъ не зрѣлося? Въ
 недалнемъ времени, а и пяти годовъ
 нѣту, у книжнаго ларя сдѣлаецъ благо-
 дарственны молебны пѣль, аще за лѣ-
 то сотенъ пять сивцевыхъ по художе-
 ству книжечъ сторгуетъ. Нынѣ же ни-
 что же сходственна. Мнози того дѣла
 хитрецы по кождо книжницѣ заводу кто
 издѣвать, а кто и вѣстроить, а все то
 не все, — вси бо съ того дѣла сыты жи-
 вуть, а ларя порожи стѣять, новаго
 товара взыскующе.

А диаволу недремлющу, ипорядъ и на
 злое поворотъ виднѣтъ бываецъ. По его
 нечистаго наущенію опаднѣтъ книгозда-
 телъ любостыжаніемъ, въ несытости сво-
 ей скаредной Бога забудеть, а случится
 и безъ лукавства, на свѣху безъ догляд-
 ки, замѣсто добраго товара, всякое ба-
 ловство, и соръ, и невѣгласіе подъ доб-
 рое титло передичитъ, а чтець, просто-
 уменъ, того озорства не досмотрѣвъ,
 деньги платитъ. И съ того промыслу —
 брѣму сѣмени великое засореніе чинит-
 ся, а и чтецкой казнѣ дыра.

А сразу же и яное виднѣтъ: яко и

домъ для инвалидовъ.

Проектъ дома для инвалидовъ, сооружаемаго въ Сибири, въ гор. Ново-Николаевскъ. Зданіе сооружается Обществомъ по увековѣченію памяти героя отечественной войны, по проекту инж. В. М. Блажковскаго.

ИЗЪ ГЕРМАНСКАГО И АСТРІЙСКАГО ПЛѢНА.

Гралорщ. Н. Э. Виклейнъ, подпор. Н. Н. Поповъ и пралорщ. М. И. Ниселенко. Сестры: Ганова, Савицкая, Лазарева, Криворукина, Ефименко, Сергѣева, Потемнина, Грелень, Нурашъ, Апостолова, Слива, Умна, Григорьева, Школьникъ, Плохова, Блейвицъ, Олевичъ, Шенниковская, Кремская, Нуликова, Луколюнова, Будиловская, Шарова, Еньо Даровская.

Съ фот. А. Ф. Колесова.

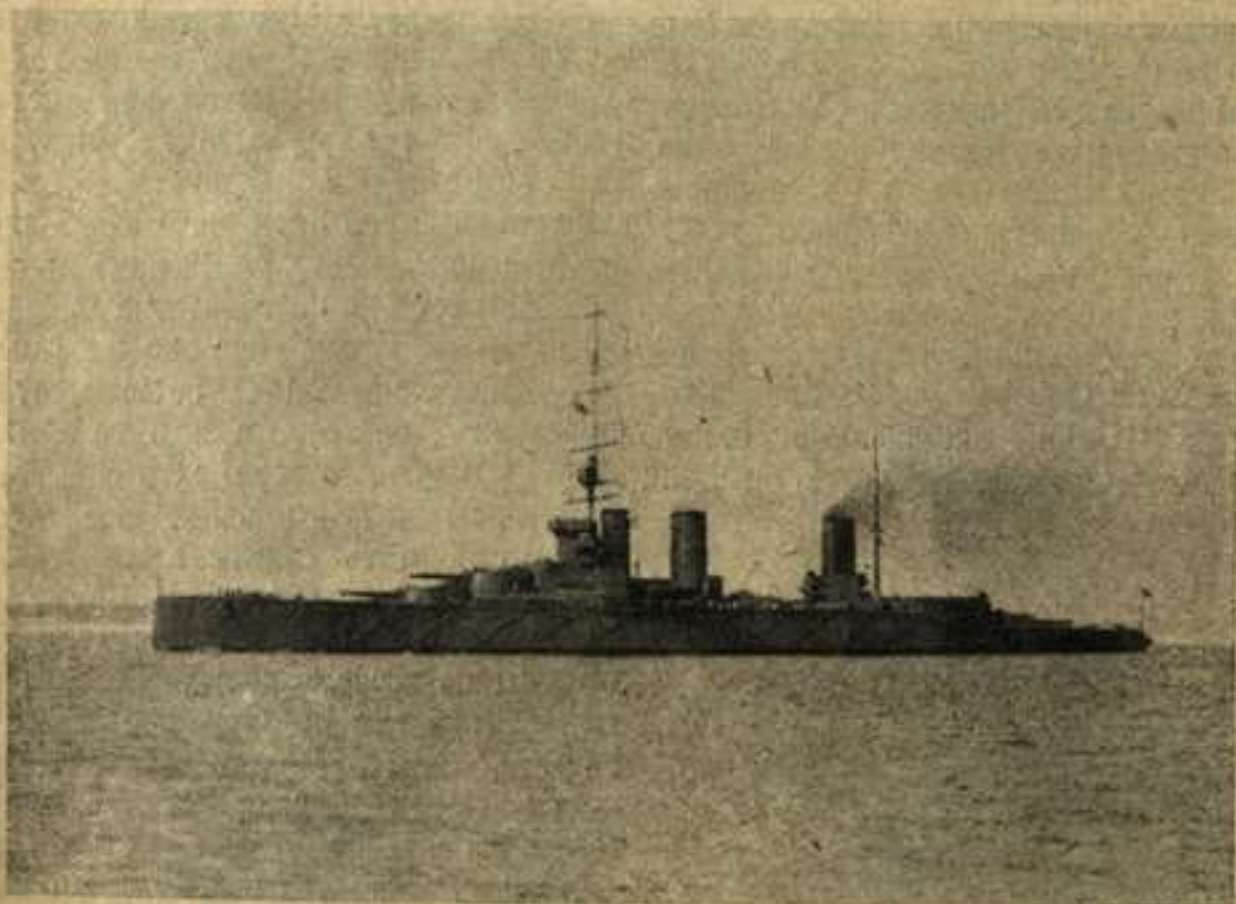
Елад. Андр. Балашевъ.

Помѣщикъ Тульской губ., статскій совѣтникъ, почетный мировой судья (3-е трехлѣтіе) по Крапивенскому уѣзду, бывший помощникъ уполномоченнаго общагродорной организации, а затѣмъ охотникъ 18-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго царя Михаила Феодоровича полка. Состоитъ на службѣ въ полку съ 1 июня 1915 г. и, по удостовѣренію командира полка, въ періодъ тяжелыхъ галиційскихъ боевъ, проявилъ неоднократно выдающуюся храбрость, за что и награжденъ георгіевскою медалью 4-й степени, а позднѣе—георгіевскимъ крестомъ. Несмотря на свои года, гренадеръ Балашевъ отличался юношеской энергіей и выносливостью въ перенесеніи всей тяжести военно-походной жизни. Поступивъ юнкеромъ въ Алексѣевское военное училище въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ знаменникомъ училища, нѣсколько дней назадъ В. А. Балашевъ былъ назначенъ прапорщикомъ, и теперь идетъ снова въ армію, въ свой полкъ.

какая злая и изъ доброе претворяется. А стѣпанскую землю, а съ тѣми Нѣмцами подобно. И чуда сего ради и взоры и крѣпче почаша взывать людіе къ русскому Господу на русскую землю: за великія гонѣнія и разоренія. И се внезапно веде чуждыя претрѣшенія наши, нераскаивныя, воздвиженія на ны съ западныхъ странъ нелюбье нѣмецкое великое и рать жестокая, ея же отъ міра стоянія людіе не въдаху. Тысячи тысячъ народовъ всякихъ, и Пруссовъ, и Цесарцевъ, и Угровъ, и Агарянь, и иныхъ нечистыхъ, солнца краснаго сіяніе затѣнивъ, лютѣе Тахтымышевой орды двинушася на хри-

и до животовъ и до домового обихода, всячески тиася аще бы отъ иноземцаны ся собности. А тутъ же со дня на день голосистѣе и крѣпче почаша взывать людіе къ русской рѣчи словесной очищенію. Это бо та рѣчь черезъ долгое время, паче же на послѣдяхъ, чужеземными словесы, яко земныхъ нѣдрахъ хороненныя, но и на духовныя, паче всего въ честныхъ православныхъ святыхъ сіяющія, а также и на иные, иже во многихъ образѣхъ и отъ зодчихъ, и отъ живописцевъ, а отъ всякихъ искусниковъ и дѣлюевъ по лицу Россійскаго Государства разметаны суть и знаменія—съ трепетнымъ упованіемъ выну петлѣины обретошася. А сіе даже зримъ ся: во множествѣ рудъ простира-

ВЪ ТРАПЕЗУНДѢ.

Англійскій броненосный крейсеръ «Queen Mary», погибшій въ бою съ германскимъ флотомъ въ Северномъ морѣ, у береговъ Ютландіи.

Крейсеръ былъ спущенъ въ 1912 году, водоизмѣщеніемъ 27.400 тоннъ, ходъ его 24½ узловъ, вооруженіе составляли 8 орудій 13½ дюймовъ и 16 4 д. Въ июль 1914 г. крейсеръ приходилъ въ Кронштадтъ, въ составѣ эскадры вице-адмирала Витти. Это судно выдержало на себѣ весь натискъ линейнаго германскаго флота, такъ какъ оно было самымъ большимъ и сильнѣйшимъ въ той англійской эскадрѣ, которая первая столкнулась съ Германцами и съ доблестью удержала непріятельскій флотъ до прибытія своихъ главныхъ силъ. Весь огонь германской эскадры былъ сосредоточенъ на «Queen Mary». Во время этого перааннаго бою крейсеръ вывелъ изъ строя одно большое непріятельское судно и потопилъ легкій крейсеръ, одинъ миноносецъ и 12 большихъ контръ-миноносцевъ. Погибая, съ помощью нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ орудій, онъ все-таки заставилъ правый флангъ германскаго флота сильно отдалиться отъ главныхъ силъ и попасть подъ сосредоточенный обстрѣлъ не только находившагося въ бою англійскаго отряда, но и подоспѣвшей уже въ это время эскадры адмирала Джеллико, нанесшаго Германцамъ тяжелый уронъ.

Мечеть Орта-Гисаръ, находящаяся въ центрѣ турецкаго квартала.

АВТОМОБИЛЬ-АЛТАРЬ.

Въ Бельгии позиція поощряет оригинальный «подвижной алтарь». Онъ устроенъ въ автомобиль въ 50 силъ, и въ течение 10 минутъ можетъ быть приготовленъ къ церковной службѣ. Священникъ и два причетника перевозятся съ алтаремъ.

Ген.-м. Еас. Вас. Зайцевъ, командиръ пѣхотнаго полка. Убитъ въ сраженіи съ неприятелемъ.

За свои выдающіяся отличія, выказанныя имъ въ текущую войну, онъ получилъ самыя высокія награды, какія только имѣлъ право получить: зинъ генерала-майора, орденъ св. Владимира 3 степ. съ мечами, Георгиевское оружіе и орденъ св. Георгія 4 степ.

юше на багряный восходъ радостныя зари воскресенія русской души и красоты російскаго древляго доброначалія.

3. Тотъ же отрывокъ, на языкъ XX столѣтія.

Въ ближайшую къ намъ историческую эпоху интересъ русской интеллигенціи къ національной старинѣ прогрессируетъ съ

такой интенсивностью, что принимаетъ характеръ серьезной социальной эволюціи.

Параллельно съ этимъ интересомъ мобилизовалась солидная серия художественныхъ изданій, базирующихся на богатыхъ матеріалахъ русской античной оригинальности. Пять лѣтъ тому назадъ нормальный гиражъ продуктовъ прессы въ сферѣ художества не превышалъ 400—500 экземпляровъ конкретнаго изданія. Нынѣ же мы аплодируемъ совершенно иной ситуаціи: въ массѣ художественныхъ книжекъ доминируетъ повторная репродукція, и на книжной биржѣ коэффициентъ симпатіи къ этому сорту изданій приближаетъ ее къ ажіотажу.

Трагическому факту весьма логично корреспондируетъ котировка этой симпатіи издательской антрепризой, по коммерческой натурѣ своей игнорирующей директивныя эстетическаго качества спроса. Въ результатѣ, на ряду съ солидными научными изданіями, на книжныхъ витринахъ фигурируетъ комплексъ такъихъ увражей, которые, будучи расчитаны преимущественно на дивиденды, благодаря случайной интерпретаціи дежурныхъ въ данный моментъ темъ, фальсифицируютъ рационально отбиты на спросъ.

Политическій конфликтъ съ центральными европейскими имперіями, реализовавшийся нынѣ въ катастрофическихъ военныхъ перипетіяхъ, натурально сыгралъ свою роль и въ метаморфозѣ отношенія ко всему національному. Публика не могла остаться индифферентной къ сюрривизу этического декадентства той самой тевтонской расы, традиціи которой систематически инсценировались намъ въ качествѣ модели гуманности и доаяности.

Социальная масса самыхъ дифференциальныхъ тенденцій реагировала на такой моральный дефектъ цѣлой націи энергичнымъ протестомъ. Volens nolens, поиски обществомъ новыхъ идеаловъ и новыхъ ресурсовъ для своего спиритуального прогресса базировались на тѣхъ объективныхъ фрагментахъ русской античной цивилизаціи, которые остались не деформированными, несмотря на двухсотлѣтнюю нивелировку ея подъ общеевропейскіе горизонты.

Любознательность солидной части публики сконцентрировалась на ретроспективныхъ объектахъ національной продуктивности, какъ матеріальной, такъ и интеллектуальной. Настоячимъ директивамъ къ мобилизаціи натурального русскаго матеріальнаго фонда теперь гармонично аккомпанируетъ тенденція къ штудированію историческихъ рельефовъ объективна-

Автомобиль-алтарь въ раскрытомъ видѣ. Устроенъ онъ во имя св. Елизаветы, имя которой носитъ обожаемая народомъ Бельгійская королева.

го проявленія русскаго гениа: русской архитектуры, пластическихъ искусствъ и реликвий культуры, въ колоссальной массѣ публицизированныхъ по гигантской русской территоріи.

Съ прогрессирующей энергіей провагандируется нынѣ эмансипація аксессуаровъ домашней жизни не только отъ иноземныхъ провенансовъ, но и отъ репродукцій ихъ. Идентичная реакція кристаллизуется и въ сферѣ русской національной лингвистики, абберация которой отъ своего славянскаго прототипа успѣла уже совершиться подъ хроническимъ прессомъ западныхъ шаблоновъ.

Въ результатѣ, всѣ элементы діагноза иллюстрированной выше эволюціи рельефно гравированы намъ импозантными перспективами близкой реализаціи эстетическаго и этического ренессанса русскаго національнаго духа.

В. Положенъ.

К. М. Ивановъ.

Къ рисунку на 202 стр.

22 мая 1916 г. въ Петроградѣ скончался классный художникъ, декораторъ Им-

ператорскихъ театровъ Константинъ Матвѣевичъ Ивановъ, оставившій глубокой слѣдъ въ исторіи русскаго театра и декорационной живописи въ Россіи. Обнаруживъ съ дѣтства большія способности къ живописи, онъ, выдержавъ конкурсный экзаменъ, поступилъ студентомъ въ Императорскую Академію Художествъ, гдѣ очень успѣшно шель по классу исторической живописи. Любя театръ и увлекаясь имъ, въ дальнейшемъ онъ перешелъ въ классъ декорационной живописи, руководимый профессоромъ М. А. Шинковымъ. Онъ изучилъ законы перспективы и блестяще усвоилъ технику декорационныхъ красокъ, и это дало ему преимущество передъ другими художниками-декораторами, въ большинствѣ очень отдаленно знакомыми съ перспективой; онъ сталъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ профессора, предаказавшаго ему блестящую будущность.

Окончивъ Академію Художествъ однимъ изъ первыхъ по классу декорационной живописи, К. М. поступилъ на службу въ дирекцію Императорскихъ театровъ въ 1883 г. помощникомъ профессора Шинкова, занимавшаго должность декоратора. Послеъ выдающейся самостоятельной работы—декорации къ балету «Волшебныя Пилюли», имѣвшей крупный успѣхъ у публики и прессы, обратившихъ вниманіе на молодого художника и давшихъ о немъ лестный отзывъ, К. М. былъ назначенъ декорато-

СЪ НАВКАЗСКОЙ АРМІЕЙ.

Пѣхотные 28 пѣх. полка въ бою подъ Трапезундомъ. Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

Поручикъ Н. А. Петрашевичъ. Награжденъ орд. св. Георгія 4 степ.

ромъ въ 1888 г. Съ этого времени постоянный успѣхъ въ произведеніяхъ его мѣсти неизменно сопровождалъ художника въ теченіе всей его дѣятельности, а декорацией къ балету «Спящая Красавица» (спальня Авроры) онъ широко прославилъ свое имя, и на него обратила вниманіе иностранная пресса. Нѣтъ возможности перечислить всего множества исполненныхъ имъ работъ и написанныхъ декораций, всѣхъ египей и эпохъ, для драмы, оперы и балета. Эти декорации отличались соблюденіемъ всѣхъ

законовъ перспективы, вследствие чего Ивановъ могъ избѣгать построекъ, задерживающихъ и усложняющихъ постановку, изображая все на плоскости и достигая на этомъ полнѣйшей иллюзии. Въ драмѣ сильное впечатлѣніе дали его декорации къ «Правительницѣ Софьѣ» (Полевого). До того времени декорации писались въ ложно-русскомъ стилѣ, далеко отъ исторической вѣрности. К. М., какъ большой знатокъ русскаго стили, находилъ это явленіе ненормальнымъ, и когда, по указанію профессора Шишкова, ему были поручены декорации къ этой исторической пьесѣ, то онъ рѣшилъ приступить къ выполнению иначе, чѣмъ это дѣлалось до него. Онъ уѣхалъ въ Москву для собиранія историческаго матеріала на мѣстѣ. Эту задачу онъ выполнилъ удачно и, работая вмѣстѣ съ проф. Полевымъ, собралъ богатый матеріалъ въ московскихъ архивахъ, музеяхъ, палатахъ и Троицко-Сергіевой лаврѣ. Императорская сцена впервые увидѣла исторически вѣрный русскій стилъ. Реформа, произведенная молодымъ художникомъ, обратила на себя вниманіе покойнаго Государя. Памятна декорация К. М. для балета «Спящая красавица» (Чайковскаго) — «спальная Авроры». Она поражала смѣлостью своего замысла. Мотивъ этой декорации, показанный въ Вѣнѣ въ 1892 г. на международной выставкѣ, былъ признанъ художественнымъ жюри «выигъ конкурса», а художникъ получилъ дипломъ и большую золотую медаль съ пальмами «за искусство». К. М. вѣчно стремился къ приобрѣтенію всевозможныхъ знаний, полезныхъ для усовершенствованія театральной техники. Благодаря тщательному изученію и знанію хеміи, еще въ бытность помощникомъ проф. Шишкова, покойнымъ были изобрѣтены составы декорационныхъ красокъ, имѣющихъ то преимущество, что все написаннаго ими декорации до настоящаго времени сохраняютъ свѣжесть своихъ красокъ. Въ техникѣ декорационной живописи среди многихъ введенныхъ имъ усовершенствованій слѣдуетъ отмѣтить искусственныя стекла, которыя, будучи написаны на полотнѣ и пронитаны изобрѣтённымъ имъ составомъ, даютъ прозрачность настоящихъ, и разсѣивающая лампа. Кроме того, К. М. съ покойнымъ А. Н. Чиколевымъ разрабатывали проектъ новой электрической театральной лампы. За смертью А. Н. Чиколёва проектъ дальнѣйшаго движенія не получилъ.

Несмотря на шумный успѣхъ, сопровождавшій появленіе его декораций передъ публикой, К. М., отличавшійся повышенной скромностью, какъ бы боялся извѣстности, стараясь даже не появляться на вызовы публики. Еще при жизни заслуги К. М. Иванова передъ русской декорационной живописью были признаны, имя его, на ряду съ профессоромъ М. А. Шишковымъ и академикомъ М. И. Вочаровымъ, упоминается въ энциклопедическихъ словаряхъ и исторіи искусствъ. Скончался К. М. 57 лѣтъ отъ роду, отдавъ лучшую половину своей жизни и силъ на служеніе родному искусству и родному театру.

АУКЦИОННЫЙ ЗАЛЪ.
Полезна распродажа коллекцій дяди Сама.

Конгрессы:—Ну, ребята,—теперь идетъ въ продажу весь этотъ хламъ. Говорите сами цену!

Литературныя замѣтки.

Неживой звѣрь *

Вышла новая книга Тэффи. Форма разсказовъ обычная для этого автора — небольшія повеллы, то пѣжко-смѣшныя, то трогательно-печальныя, безупречныя созданія языка и стили. Книга называется по первому изъ помѣщенныхъ въ ней разсказовъ «Неживой звѣрь».

Разсказъ этотъ можно считать синтезомъ всей книги, въ которой почти исключительно говорится о «неживой» жизни старухъ, уже отжившихъ людей, о еще неизвѣдавшихъ жизни дѣтлахъ и о звѣряхъ, никогда ея не знающихъ.

Какъ жалобно здѣсь сокрушается и бьется надъ своимъ игрушечнымъ бараномъ маленькая дѣвочка Катя: «Не живучъ баранъ. Погибнетъ. Мочала выльзеть, и капуть. Хотя бы какъ-нибудь, немножко бы могъ ѣсть!» Она достала съ подоконника сухарь, сунула барану подъ самую морду, а са-

* Тэффи. «Неживой звѣрь», Петроградъ. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

ма отвернулась, чтобы не смущать. Можетъ онъ и откуситъ немножко.. Пождала, обернулась, гдѣтъ — сухарь не тронутый.

— А вотъ я сама надкушу, а то ему можетъ быть начинать совѣстно. Откусила кончикъ, опять къ барану подкунула, отвернулась, пождала. И опять баранъ не притронулся къ сухарю. — Что? Не можешь? Неживой ты, не можешь!

А шерстяной баранъ, неживой звѣрь, отвѣчалъ всей своей мордой, кроткой и печальной: — Не могу я! Неживой я звѣрь, не могу!»

Кромѣ «Неживого звѣря», какъ лучшіе разсказы въ сборникѣ, можно отмѣтить слѣдующіе: «Лѣсная идиллія», «Ваня Щеголекъ», «Тихая заводь», «Заяць», «Звѣрь», «Парь» и «Явдох».

Въ двухъ первыхъ авторъ поражаетъ какимъ-то удивительнымъ проникновеніемъ въ природу. Вотъ лежитъ человѣкъ въ тѣсу среди мховъ и букашекъ: «червячекъ-землемѣрь поползъ до моего локтя, призадумался, взвился гибкимъ зеленымъ тѣльцемъ и поползъ назадъ. Видно, сбился съ счета и рѣшилъ сдѣлать повѣрку.

«Четыре... пять... семь... — помогаю я ему. Перебѣрѣхъ, запишемъ, будемъ

знать, сколько въ землѣ мѣста пригото- вить. Нужно, чтобы на всехъ хватило... десять... одиннадцать...» («Лѣсная идиллія»).

Вотъ мечется въ бреду на лазаретной койкѣ раненый солдатъ, Ваня Щеголекъ.

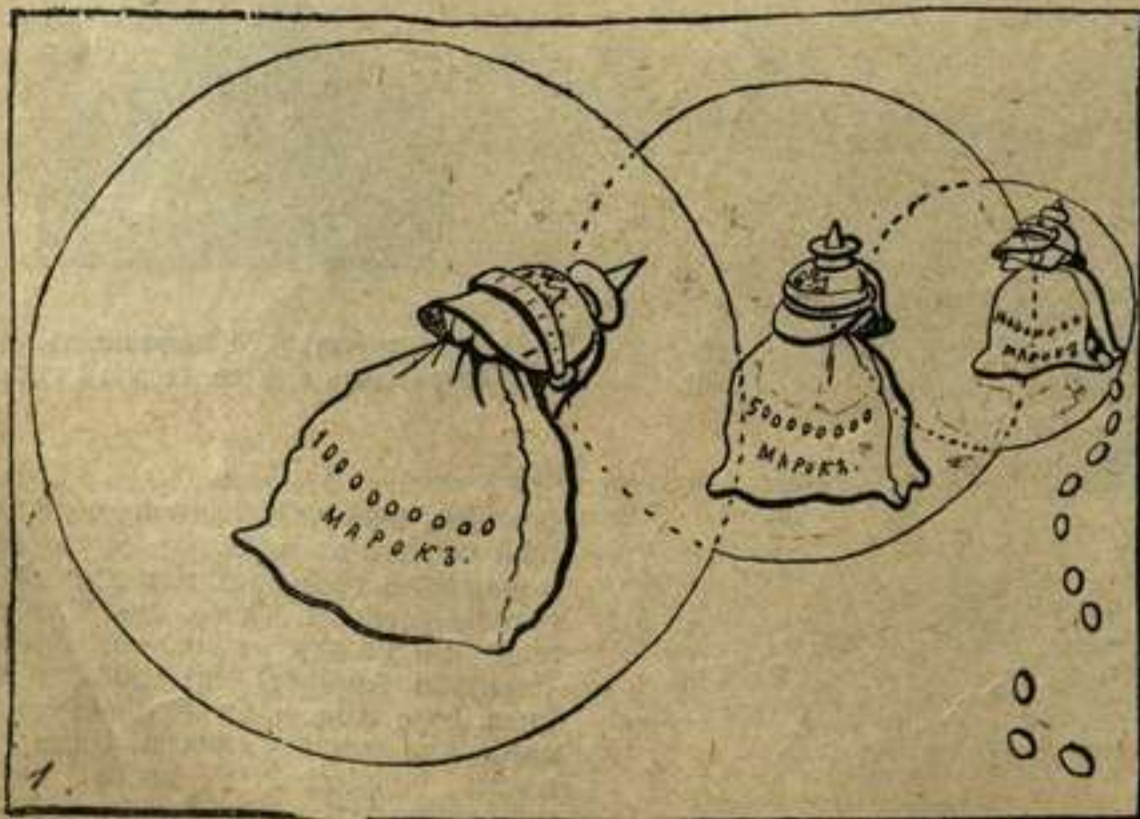
— А видела ты, сестрица, какъ лебеди пьютъ?! Дикіе лебеди. У насъ въ Сибири много. Нужно съ подвѣтру тихо подойти, камышь не рунуть — ти-хо. Онѣ вѣдь не человѣкъ, онѣ гордый, близко не подпуститъ. Тихонько смотри. А онѣ грудью на воду ляжетъ, а той воды, что все видятъ, да все знаютъ, пить не станутъ. Онѣ ударить клювомъ вправо, влево, размечетъ брызгами, разобьетъ гладь — да въ самую въ сердцевину, въ нетронутую, въ невиданную, въ незнамую, голову окунетъ. А ты смотри, не дыши. Онѣ — не человѣкъ, онѣ гордый, онѣ не подпуститъ. Ты не видала? Я видала. А ты говоришь — помирать!

— Пущай смерть! всугою бѣжить, — утеку. Я, Ваня Щеголекъ, первый бѣ- гуить, первый игрунокъ. Мнѣ некогда, мнѣ еще надо на полянку ходить, ведмѣ- дя смотреть. Луна свѣтитъ, томно ему. Лежитъ на спинѣ, брюхо мохлато, лапы задралъ, пиную корягу цапаетъ. Бронь- каетъ гнилье, шепчется — брррнъ. А вѣд- медь цапнетъ, да слушаешь и урлить — уррр... Поетъ — идрывается. А зимой въ мерлогѣ тихо у его. Тепло. Лапу сосетъ и сны спитъ. Спитъ, быдто лапу-то въ медъ запустилъ. Сосетъ. Сладко. А пче- лы кругомъ такъ и звенятъ, такъ и гу- дятъ, заливаются. Шевельнулся, про- сунулся, — ахъ и не пчелы, а собаки, немъ человѣчьи надъ мерлогой брешутъ, лаютъ, заливаются. Страхъ въ животѣ подступилъ. Вскочилъ — и гдѣтъ ничего. И все самъ насытил. Обидится, уляжот- ся, опять лапу сосетъ: ведмѣйкой покой до весны сладокъ. А весной выльзотъ, — худой, шерсть могаеся, шкура-бура бол- таеся, — смѣхота. А ты говоришь — поми- рать!».

Въ «Тихой заводѣ» деревенская ста- руха рассказываетъ о томъ, какъ каж- дое Божье твореніе свои именины празд- нуетъ. И лошади, и коровы, и птицы, и пчелы, — все въ какой-нибудь день «про- здравляется».

— «А въ Духовъ день — земля именин- ница. Въ Духовъ день землю никто без- покойно не смѣетъ. Ни рыть, ни копать, ни цвѣтовъ рвать, — ничего нельзя. По- койничковъ зарывать нельзя. Грѣхъ вели- кій землю въ ейныя именины обидѣть. Звѣрь понимающий, — и тотъ въ Духовъ день землю когтемъ не скребнетъ, копы- томъ не ступнетъ, лапой не ударитъ. Во- локій грѣхъ. Каждая тварь именины по- нимаетъ. Червякъ, — и тотъ подъ Ивана Купалу празднуетъ. Огоньки вздуетъ, — ангелу своему молится. А вотъ придетъ святой день Акулины — Красныя Ягоды, — тутъ тебѣ и клубника, и малина, и лѣс- ная земляника, и клюква, и поллинка, и брусника, и смородина, и всякая мелочь лѣсная именины свои празднуетъ. На Акулину-Красныя Ягоды ни волкъ, ни лиса, ни заяць, на ягоду лапой не па- ступятъ. На что медвѣдь, — и тотъ опа-

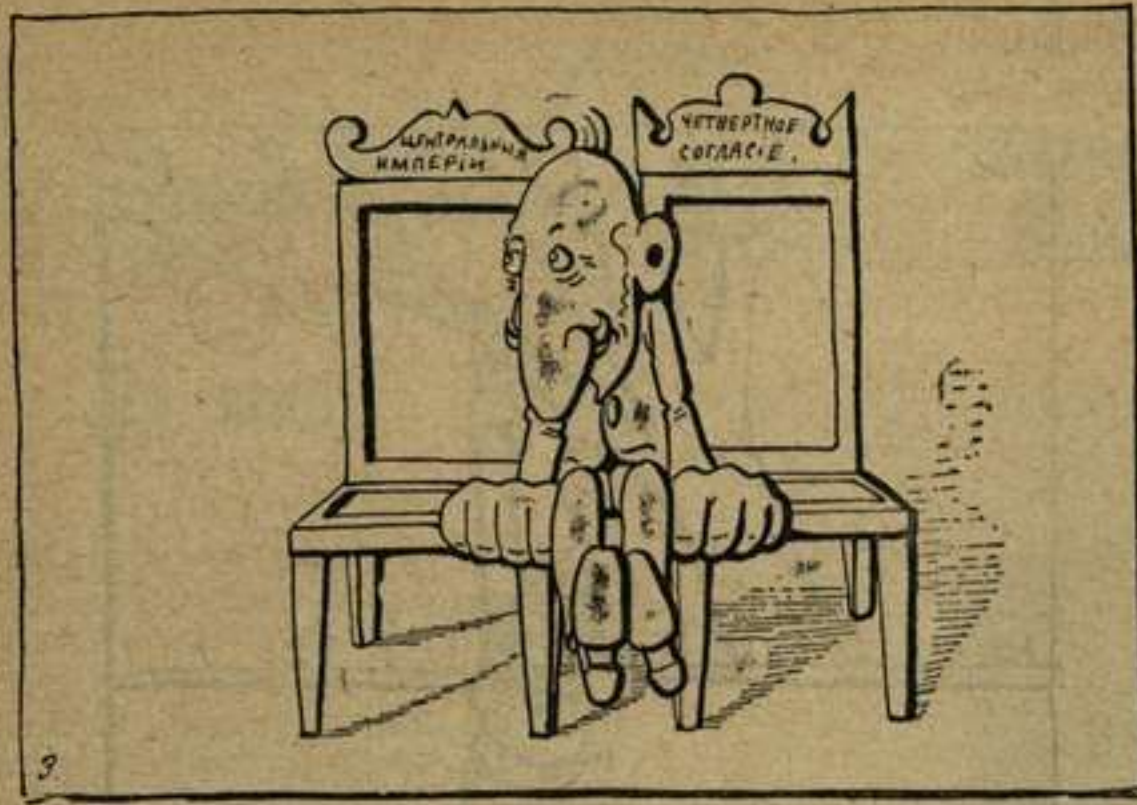
FEBRIS GERMANOPHILIS.
Новая, принимающая эпидемическую форму, болѣзнь на Балканахъ.
Ея признаки и способы леченія.

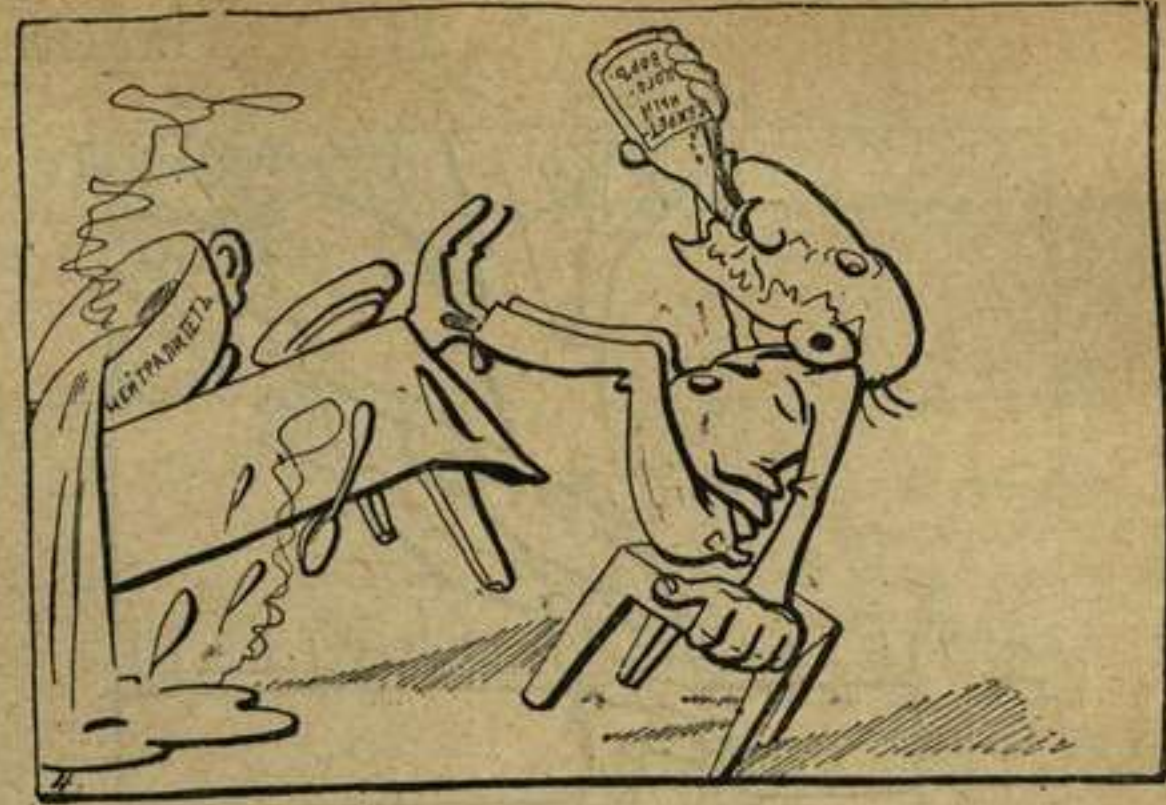
Вибрионъ Febris Germanophilis, уменьшенный въ 10000000 разъ. Видимъ и невооружен- нымъ моноклемъ глазомъ.

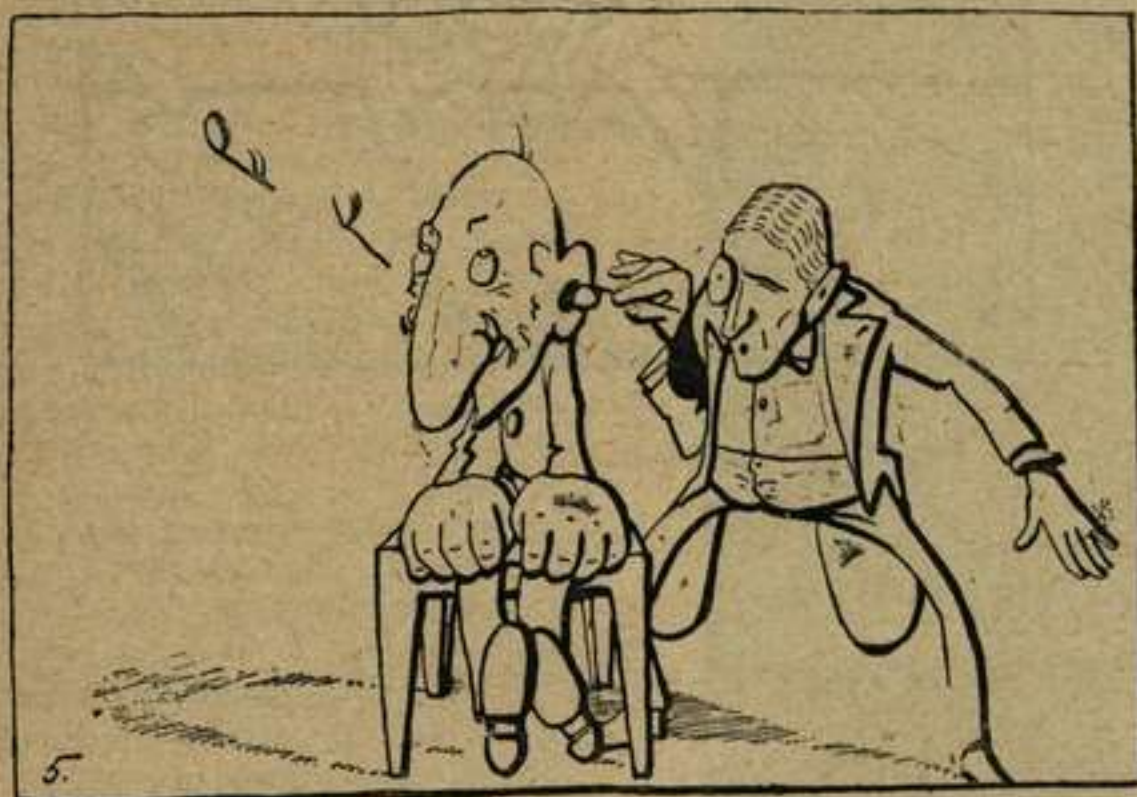
1-й фазисъ болѣзни. Сильно увеличенный аппетитъ на одно кушанье въ связи съ тайнымъ потребленіемъ привознаго возбуждающаго напитка.

2-ой фазисъ. Появленіе замѣтныхъ странностей, выражающихся въ желаніи сидѣть сразу на двухъ стульяхъ.

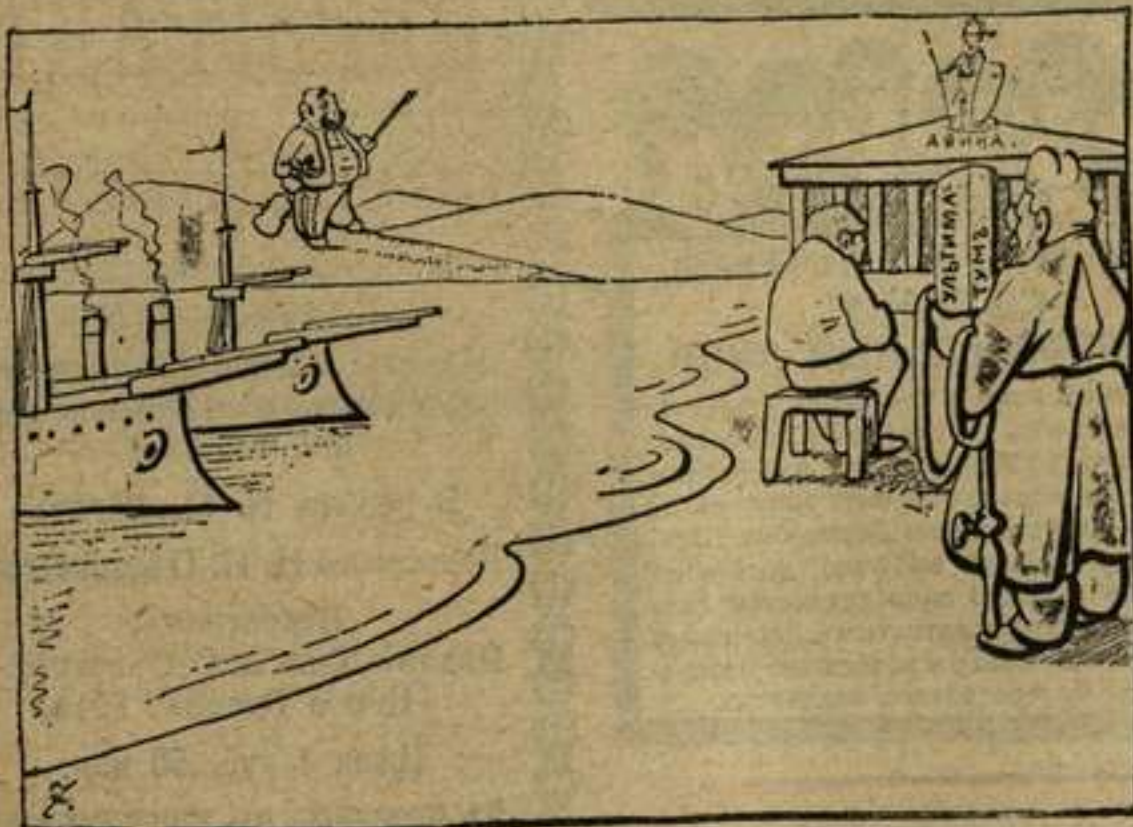
3-й фазисъ. Больной начинаетъ отказываться отъ преиже любимаго кушанья и открито оливаеъ возбуждающимъ напиткомъ.

Гомеопатическое леченіе, въ формѣ пусканія въ ухо больного капсюль пота дипломатиса,—отнюдь не можетъ быть примѣняемо, такъ какъ въ лучшемъ случаѣ капсюли все-таки выхоятъ изъ другою уха.

Обычно подобный способъ леченія вызываетъ всегда печальный исходъ.

Поэтому, при первыхъ признакахъ этой болѣзни необходимо обращаться къ знающему и опытному аллопату, съ примѣненіемъ сильно дѣйствующихъ средствъ, причемъ, въ виду заразнаго характера болѣзни, немедленно изолировать больного.

Если же и эти средства не помогутъ,—пригласить, не теряя ни секунды, хирурговъ.

Рис. Энз—Эрв.

сается. Носомъ траву поросль, иѣтъ ли чего, не нажать бы бѣды, а потомъ шагъ шагнотъ».

Въ прелестномъ разсказѣ «Заяцъ», прѣстудшная баба Матрена, подобрала на дорогѣ подбитаго кѣмъ-то зайца, говорила съ нимъ, «какъ съ деревенскимъ дурачкомъ Гринюшкой,—громко и толково, чтобъ лучше понималъ». А когда заяцъ ускакалъ отъ нея въ лѣсъ, захвативъ съ собою, разумеется, безъ злого умысла, все ея состояніе—десять рублей, завязанные въ узелокъ платочка,

которымъ она перевязала ему лапу, — бѣдная баба долго бѣжала за нимъ и упрашивала:

— Василька! Голубчикъ ты мой! Деньги-то отдай! Деньги отдай! Ангелъ Божій! Въѣдь, десять рублей! Деся-яты! А потомъ вдругъ какъ заголоситъ: — Кормилецъ! Голубчикъ ты мой ласковый, свѣча негасимая! И на кого-о ты насъ... Чтотъ те подъ первымъ кустомъ лопнутъ!»

Разсказы «Звѣрь» и «Парь» посвящены психологій животныхъ, и кажется, никто со времени чеховской «Каштанки»

не проникалъ такъ глубоко въ душу маленькой преданной собачки, какъ это сдѣлала Тэффи со своей Тяпкой («Парь»). Что же касается разсказа «Явдохъ», то это безспорно одинъ изъ лучшихъ бытовыхъ разсказовъ нашего времени. Написана книга Тэффи великолѣпнымъ, чистымъ русскимъ языкомъ, и только разсказъ изъ древне-арабской жизни «Шамашъ», строго выдержанный въ библейскомъ стилѣ, не подходитъ къ общему тону.

Въ заботахъ дня, гдѣ жизни свѣтъ и тѣни Тревожатъ умъ, врываются въ него— Душа во мнѣ, склонившись на колыни, Изъ суеты не видитъ лица. Одно предъ нею—кроткій ликъ Маріи, Съ него не хочется глазъ она отвести И просить, просить, чтобы силы злыя Тому, кто дорогъ, зла не смѣли вѣсти.

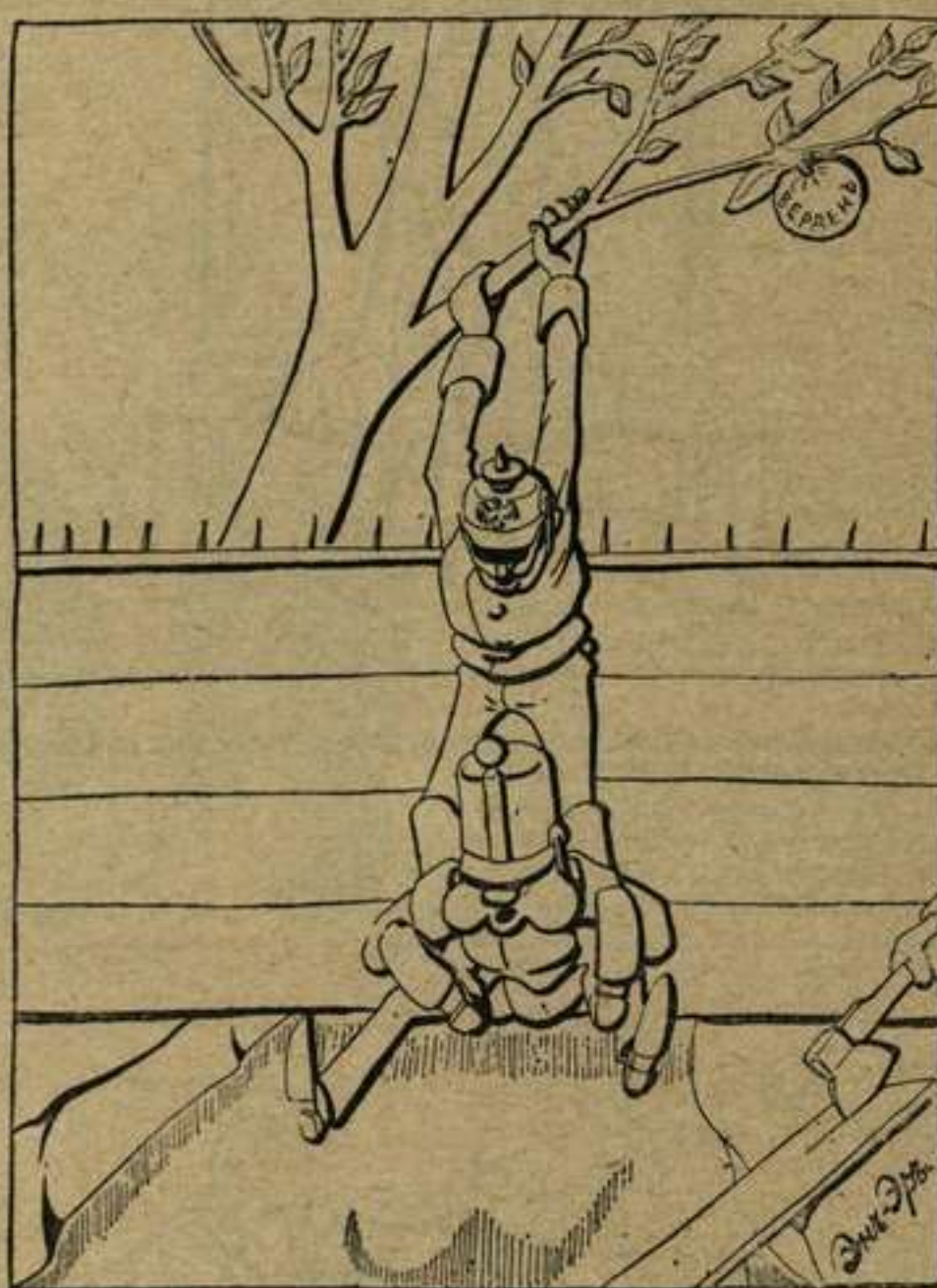
Вѣра Рудичъ.

К. Т. О.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

До русскаго наступленія.
— Охъ, какъ далеко!

Послѣ русскаго наступленія
— Еще дальше!

ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ

НЕ МЕНѢ

500.000 СИГАРЪ ГАВАНСКИХЪ, ГОЛЛАНДСК., ШВЕЙЦАРСК. и ПР.
20.000 ФУН. АНГЛО-АМЕРИКАНСК. ТРУБОЧНАГО ТАБАКУ.
1.000.000 ЕГИПЕТСКИХЪ и ДРУГ. ПАПИРОСЪ.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

Обширѣйшій въ Россіи и Финляндіи
СКЛАДЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТАБАКОВЪ, СИГАРЪ и ПАПИРОСЪ

АРИСТОТЕЛЕСЪ КАЛОГЕРОПУЛО.

Контора и оптовый складъ: Петроградъ, Ждановская наб., 3. Тел. 153-98.
Оптовое-розничные магазины: 1) Куоккала, противъ здания вокзала. Тел. 16.
2) Теріоки, Большая дорога, д. Богомолова, возлѣ аптеки.

Гг. ОФИЦЕРАМЪ
ЭЛЕКТРИЧ. ФОНАРИ,
исбывало СВѢТЛО и ДОЛГО горячіе.
Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.

ЭТИ ПРЕКРАСНЫЯ,
СВѢЖІЯ,
ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЯ ЛИЦА,
этотъ юный видъ и бархатистость кожи
получается отъ употребленія Дермозона
Д-ра Антона Мейеръ. Въ ближайшей
аптекѣ Вы можете получить банку въ 30
граммъ полукрѣпкаго Дермозона. Вти-
райте его на ночь въ лицо кончиками
пальцевъ и Ваше лицо сдѣлается свѣ-
жимъ, юнымъ и бархатистымъ. Дермозонъ
Д-ра Антона Мейеръ абсолютно безвре-
денъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Поступила въ продажу новая
книга:

ЦАРЬГРАДЪ
и
ОКРЕСТНОСТИ.

Историко-художественное
описаніе А. Барта.
248 стр. съ 58 рисунками и
чертежами, въ художествен-
ной обложкѣ.

Перевелъ Н. М. Лаговъ.
Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ.
Петроградъ.
Изданіе Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время». 1916.

Цѣна 1 руб. 50 коп.
Въ продажѣ въ книжныхъ ма-
газинахъ «Новаго Времени»
(Петроградъ, Москва, Харьковъ,
Саратовъ и др.) и въ книжныхъ
шкапахъ желѣзнодорож. станцій.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Панорама
Царьграда.—II. Царьградъ вблизи.
—III. Изъ прошлаго.—VI. Со-
оруженіе Св. Софіи.—V. Св. Софія
въ наши дни.—VI. Другіе хра-
мы.—VII. Развалины дворцовъ
и водопроводы.—VIII. Городскія
стѣны и монументы.—IX. Въ
древнемъ Царьградѣ.—X. Ме-
чети турецкой постройки.—
XI. Серай.—XII. Новыедворцы, ба-
зары, фонтаны и пр.—XIII. Клад-
бища.—XIV. Окрестности.

НОВАЯ КНИГА:

В. П. ОПОЧИНИНЪ

ВѢКЪ
НЫНѢШНІЙ

КНИГА РЪЗКАЗОВЪ.

Цѣна 2 рубля.

Изданіе Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время».

СЛАБЫМЪ И НЕРВНЫМЪ
ЖЕНЩИНАМЪ

Я ВЫСЫЛАЮ ДАРОМЪ ПРОБУ
ПИТАТЕЛЬНОГО СРЕДСТВА **АЛЬБУКОЛА.**

рекомендуемаго какъ укрѣпляющее и питательное средство при исто-
щеніи и ослабленіи организма. По произведеннымъ химическимъ из-
слѣдованіямъ питательное средство «АЛЬБУКОЛА» содержитъ въ
себѣ бѣлковыя вещества, фосфорно-кислыя соли натрія, кальція и
железа—элементы, дѣйствующіе благоприятно при истощеніи и укрѣ-
пляюще разслабленный организмъ.

Пробную дозу препарата «АЛЬБУКОЛА» я высылаю совершенно
даромъ каждой женщинѣ, сообщившей свое имя, отчество и фамилію,
а также свой точный адресъ.

РИТА НЕЛЬСОНЪ. Москва, Фуркасовскій пер., 6. Отд. 43.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14469

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 18 ЮНЯ (1 ЮЛЯ) 1916 ГОДА.

№ 1446

Въ тылу.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ далъ сына Наталье Павловнѣ, жизнь ея сдѣлалась болѣе содержательной и радостной. Появились цѣли, маленькія и скромныя, но въдѣ и сама Наталья Павловна не была великой. Теперь съ каждымъ дыханіемъ, съ каждымъ биеніемъ сердца въ душѣ ея шевелилась забота о томъ, чтобы ребенокъ былъ сытъ, здоровъ, умытъ, одѣтъ, обутъ. Роща ребенокъ, росли и заботы и радости. Какъ на лентѣ кинематографа, замелькали: зубки, дыбки, баюшки и ладунки, ванночки, пѣсенки, а тамъ и азбука, рисунки, елки, пасхи, сказки, игрушки, курточки, сапожки, тулупчикъ, салазки, коньки, прогулки съ Арапкой, лодка, кораблестроительство изъ коры и щепки, брюшной тифъ, молитвы о сохраненіи дорогой жизни, пробужденіе ненасытимой жажды къ чтенію, Майнъ-Ридъ, Куперъ, Вальтеръ-Скоттъ, увлеченіе ребусами и стихотворствомъ, первая исповѣдь, длительный коклюшъ, гимназія, товарищи, похвальные листы, изданіе гимназическаго журнала «Заря» со стихотвореніями и беллетристичкой пригодишкой, выписываніе бразильскихъ, сіамскихъ и японскихъ марокъ для коллекцій, уроки музыки, живописи, танцевъ и французскаго языка, увлеченіе фотографіей и велосипедомъ, воспаленіе легкаго, поѣздка за границу, нѣкоторое одолженіе духомъ праздности, лыжный спортъ, мандолина, волненія и радости первой, чистой, раздѣленной любви, глядизнь, — гимназіи конецъ. Она отходитъ, скрывается, исчезаетъ, а на мѣстѣ ея выступаетъ университетъ, — благодѣй, сынъ перета!...

По несчастію, именно въ моментъ появленія этого величаваго зданія, Наталья Павловна овдовѣла. Личное горе ея осложнилось чувствомъ глубокой жалости къ осиротѣвшему мальчику, лишившемуся отца въ такую пору, когда всего дороже его участіе и дружба. Что дѣлать! Жаль было сына и страшно за него. Пришлось Наталье Павловнѣ убѣдиться въ томъ, что женщины вообще хоть и неизбежное, но немалое зло. Если кой-какія изъ нихъ и вылетаютъ шиллеровскія небесныя розы въ земную жизнь, то большинство прилетаетъ къ этимъ розамъ немалое чертополоха, бурьяна и плевель, годныхъ только на сожженіе въ печи. Отъ страха за сына Наталья Павловнѣ все эти жены, обманывающія хорошихъ мужей, дѣвушки, обманывающія хорошихъ матерей, казались жалкими обезьянами, которыя только притворялись женщинами. О, если бы сынъ женился! Если бы поскорѣе пришла та спасительница, та благодѣтельница, которую Наталья Павловна будетъ такъ любить, такъ беречь и ласкать!...

Мечты объ этой будущей невѣсткѣ поддерживали Наталью Павловну въ ея одиночествѣ. Материально поддерживалъ ее ея трудъ. Овдовѣвъ, она посидѣла изучить массажъ и врачевную гимнастику и принялась усердно прирабатывать къ своей небольшой пенсіи, массируя больныхъ или преподавая гимнастику и въ частныхъ домахъ, и въ казенныхъ учрежденіяхъ. Каждую весну наступала все та же страда: усиленные молитвы матери и усиленные волненія сына по поводу университетскихъ экзаменовъ. Но пришелъ конецъ и имъ. Университетъ исчезъ, какъ исчезла гимназія. Сданъ послѣдній экзаменъ, получены дипломы, получено и мѣсто. Ступивъ на первую ступень служебной

дѣстницы, ведущей къ чину и окладамъ генерала, молодой человекъ уже вздѣтъ ежедневно съ портфелемъ въ свое ведомство, ежемѣсячно получая двенадцатого числа жалованье. Минъ возделанный насталъ; оконченъ трудъ многолѣтній. Остается найти спутницу жизни и предложить ей свить уютное, теплое гнѣздышко. Тогда Наталья Павловна можетъ умереть спокойно.

Прежде, чѣмъ ей удалось умереть спокойно, неожиданно скончался насильственной смертью наследникъ престола Австро-Венгрии, заклятый врагъ Россіи. Возгорѣлась война. Безпрятственно наводившіе Россію нѣмецкіе шпіоны запыгали, какъ блохи, закопошились, какъ пруссаки и тараканы, и безпечная, долго зѣвавшая Россія, почесавъ въ затылѣ, увидѣла, что если не передать эту нечисть, то, чего добраго, она забѣдетъ до смерти. Надо встать и выкурить ихъ основательно.

И вотъ Наталья Павловна любитъ блестящими, на диво стройными гвардейскими полками, двинувшимися къ нѣмецкой границѣ. У нея одинъ только сынъ; все говорятъ, что его не призвуютъ, что до него не дойдетъ. А если бы въ концѣ концовъ и призвали, то въдѣ не иначе, какъ для внутренней службы. Однако, сердце матери не

совсѣмъ спокойно. Ей снится сонъ. Она видитъ себя въ большой-большой залѣ, гдѣ въ землю и цѣлуютъ ее, какъ икону. На стѣнѣ виситъ хорошо знакомая ей картина Рейтерна: «Жертвоприношеніе Исаака». Все по-очереди подходятъ къ этой картинѣ, кланяются ей въ землю и цѣлуютъ ее, какъ икону. Вслѣдъ за другими подходятъ и Наталья Павловна и видитъ близко-близко и лицо, и блѣдное тѣло отрока съ кривко связанными руками и страшный ножъ въ рукахъ родного отца. О, какое испытаніе!

Смущенная этимъ сномъ, Наталья Павловна начинаетъ усердно развѣдывать о возможности и срокахъ новыхъ призывовъ. Одни говорятъ такъ, другіе иначе. А пока она занимается этими разслѣдованіями, сынъ самостоятельно поступаетъ вольноопредѣляющимся въ полкъ, сдаетъ экзаменъ на прапорщика, ѣдетъ съ матерью на могилу отца и, принявъ его благословеніе, уходитъ съ полкомъ на фронтъ. И происходитъ все это съ такой быстротой, что бѣдная мать не успѣваетъ и опомниться. Она только хлопочетъ о томъ, чтобы все было готово во-время, а какъ только все готово, она остается одна, со старой Григорьевной, которая утѣшаетъ ее, горю:

— А что-жъ подѣлаешь?.. Надо идти, и сестрицей завязываются основательныя

А. Брусиловъ

Генераль-адъютантъ Алексѣй Алексѣевичъ БРУСИЛОВЪ.
Съ фот. Ксем. Глыбовской.

Всѣ идутъ. Вонъ у нашей прачки четыре сына; всѣхъ, какъ есть, угнали. Начисто! Грустно и жутко.

Наталья Павловна усиленно работаетъ. Сверхъ обычныхъ занятій она беретъ на себя безвозмездно массажъ въ военныхъ лазаретахъ. Ей хорошо тамъ: все точно поближе къ фронту. Тяжелѣе тамъ, гдѣ не помнятъ о войнѣ. Тамъ очень больно. Дома она шьетъ для складовъ, ночью молится и живетъ отъ вѣсточки до вѣсточки.

Сначала вѣсти эти часты и утѣшительны, потомъ становятся все рѣже и совсѣмъ прекращаются. Что случилось? Думай, что хочешь, справляйся, гдѣ хочешь, — ничего не узнаешь...

Старуха Григорьевна утѣшаетъ бариныю:

— Потерпѣть надо. Богъ терпѣннѣе любитъ.

Наконецъ приходитъ сообщеніе: привезли раненаго въ лазаретъ номеръ такой-то. Видѣть можно ежедневно съ двухъ часовъ.

Наталья Павловна сбѣгаетъ по указанному адресу и находитъ своего больного въ просторной, свѣтлой палатѣ хорошо оборудованнаго лазарета. Онъ раненъ въ плечо — легко, и тяжело — въ ногу. Прѣстоитъ операція, слава Богу, что не ампутація.

— Что же ты не плачешь?

— До того ли было!

И молодой инвалидъ, лежа въ кровати и опершись на подушку локтемъ здоровой руки, рассказываетъ о пережитомъ. Онъ былъ захваченъ въ плѣнъ при... но, переодѣтый, бѣжалъ отсюда со своимъ солдатомъ. Не умѣя плавать, онъ переплылъ рѣку Сань, — это было что-то сверхъестественное, и до сихъ поръ онъ не можетъ постичь, какъ онъ не утопнулъ. Плали они подъ градомъ берега и какимъ-то чудомъ остались живы. Благополучно выкарабкавшись на другой берегъ, они нашли свою часть, и черезъ два дня снова двинулись въ бой. Тутъ онъ былъ раненъ и подобранъ санитаромъ. Да, съ ногой придется еще порядочно повозиться. Но, говорятъ, хирургъ здѣсь очень хорошій. И сестры славныя.

Вообще, хорошо!
Мать была ошарашена уже тѣмъ, что они снова емѣсть и что здѣсь ему уже не грозятъ опасности.

II.

Операція прошла, слава Богу, благополучно. Всѣ три сестры были внимательны къ инвалиду, и Наталья Павловна не преминула подружиться съ ними. Старшая сестра была пожилая и толстая, вторая — среднихъ лѣтъ, худощавая, дѣльная и превосходно дѣлала перевязки, третья — молодая, веселая Нина Владиміровна, была добра и миловидна, а въ работѣ не отставала отъ старшихъ. И Наталья Павловна спокойно убавкала изъ лазарета, зная, что за сыномъ хорошій уходъ и что ему не скучно.

Нина Владиміровна всегда привѣтствовала ее съ особенно веселой улыбкой, а Наталья Павловна не безъ нѣжности поглядывала на хорошенькое личико, скромно окутанное близослѣпной косышкой милосердія, и думала: ужъ не «она» ли?.. Что-жъ? Дѣло молодое: можетъ быть, и придетъ къ лучшему изъ всѣхъ хорошихъ концовъ. Видно, не бывать бы счастью, да несчастье помогло.

Все яснѣе было, что между больнымъ и сестрицей завязываются основательныя

Награжденные за храбрость
Георгиевским оружиемъ.

Поручикъ А. И. Осиповъ.

Подполк. Н. И. Соколовскій.

Полковн. Л. Л. Ширинскій.

Шт.-кап. Николай Боголюбовъ.

Подпоруч. В. Д. Травинъ.

Кап. В. А. Ершовъ-Павловичъ.

Шт.-кап. Н. Н. Щербинскій.

Команд.—ополч. легкаго батал.
А. Н. Надвоинъ.

Полковн. А. И. Кавтарадзева.

Поручикъ В. Д. Инфантшевъ.

дружескія отношенія. Наталья Павловна была такъ увбрена въ томъ, что, поправившись, сынъ уже не пойдеть на войну, а вернется къ прежней службѣ, что и не заговаривала объ этомъ. Она была ошеломлена, услышавъ, что онъ собирается снова на позиціи.

— Да что ты, голубчикъ? Да кто же тебя возьметъ съ такой ногой?..

— Что нога? У меня есть голова и руки.

— Для войны этого мало.

— Для пѣхотинца, можетъ быть. Я побѣду летчикомъ.

Наталья Павловна поняла тогда, почему за послѣднее время было такъ много разговоровъ о цепеняхъ, о парсифахъ, о томъ, что новые дирижабля поднимаютъ большее количество взрывчатыхъ веществъ, чѣмъ прежніе, что конструкция моторовъ совершенствуется въ виду того, что всѣ донныя существующіе не были гарантированы отъ порчи. Наталья Павловна думала: дались ему эти моторы. Что ему до авіаціи?.. Оказалось, что за все время леченія сынъ только и думалъ о томъ, какъ бы сбѣжаться летчикомъ, все узналъ, все устроивъ, хлопоталъ, слисался, учился и рѣшительно заявилъ матери, что, какъ только поправится, сейчасъ же примется за новое дѣло.

Летчикъ, летчикъ,—самое слово не пріятно рѣзало слухъ Натальи Павловны. Ей казалось, что она всегда ненавидѣла аэропланы и ихъ изобрѣтателей.

Когда она стала отговаривать сына, онъ сказалъ твердо и рѣшительно:

— Перестань. Подумай сама, что я скажу моимъ дѣтямъ, когда они спросятъ меня, гдѣ я былъ, когда защищали Россію? Почему я не участвовалъ въ боахъ?..

Мать замолчала и перестала противорѣчить.

Молодой человекъ поправился, снялся вдвоемъ съ матерью, снялся вдвоемъ съ Ниной Владиміровной, разцѣловалъ обѣихъ—и улетѣлъ. Летчикъ!

III.

И вотъ снова жизнь отъ вѣсточки до вѣсточки. Наталья Павловна переписывалась теперь и съ Ниной Владиміровной. Часто видѣться имъ было некогда; обѣ были заняты. Но, получая письма съ войны, онѣ сейчасъ же дѣлились вѣстями. Нѣкоторое время все было благополучно, затѣмъ снова перерывъ писемъ, и наконецъ ужасное сообщеніе о воздушномъ боѣ. Аэропланъ, на которомъ находился сынъ Натальи Павловны, поврежденъ выстрѣлами нѣмецкаго пулемета. Пилотъ убитъ. Сынъ ея пропалъ безъ вѣсти.

Какъ онъ могъ пропасть безъ вѣсти? Онъ погибъ при катастрофѣ? Живъ или погибъ? Гдѣ узнать? Какъ узнать?..

Ни днемъ, ни ночью Наталья Павловна не могла теперь безъ ужаса взглянуть на небо. Звѣзды казались ей оскорбленными и униженными дерзостью, съ которой рѣяли въ заоблачной высь орудія человѣческой вражды, съя смерть и разрушеніе. О, проклятые, проклятые! Жадные волки, вампиры, вурлаки, сорокъ лѣтъ готовившіе на своихъ адскихъ заводахъ все, что можетъ подсказать дьяволъ, все, что можетъ измыслить человеческая злоба для избіенія мирныхъ сосѣдей, для истребленія ближнихъ, которыхъ намъ геновѣдано любить, какъ самихъ себя!

Добрые, честные нѣмцы!.. Такъ мы звали ихъ когда-то,—когда братски и дружески свободно пропускали ихъ въ свою

страну. Добрые, честные нѣмцы, да вѣдь вдовъ и сиротъ, проклинающихъ великаго вы отреклись отъ Христа, вы замѣнили Его заповѣди наставленіями Ницше: *Подаю-щю толки!*.. Слабаго задуши, нужное тебѣ отними, раненаго задави, доврчиваго обмани... Добрые, честные нѣмцы, можетъ быть, вы еще и до сихъ поръ существуете гдѣ-нибудь, но что-то не видно васъ за клубами удуш-ливаго дыма, не слышно васъ за сатанинскимъ ревомъ и гуломъ ору-дій! Мы видимъ и слышимъ только злыхъ, безчестныхъ, безчеловѣчныхъ, трубухъ и жестокихъ нѣмцевъ, обезсла-вившихъ свою собственную страну, на-вѣкъ опозорившихъ ее такими преступ-леніями, какъ потопленіе «Лузитанія», какъ потопленіе «Португалія»! Злые, жесто-кие нѣмцы, гордитесь ли вы вашей славною побѣдой надъ не готовившейся къ нашествію Бельгіей, надъ не въ чемъ непо-винной, мирно процвѣтавшей труженицей-Бельгіей? Гордитесь ли вы побѣдами надъ стойкой, маленькой Сербіей, исто-ченной пятью годами непрерывной вой-ны, и надъ крохотной, героической Чер-ногоріей?.. Не гордитесь такими побѣ-дами: онѣ слишкомъ похожи на по-бѣду лодоѣда надъ заблудившимся въ лѣсу дѣтми, которыхъ онъ зарѣ-залъ, чтобы полакомиться ихъ нѣж-нымъ мясомъ. И, зарѣзавъ дѣтей, лодоѣдъ гордо сталъ въ позу побѣдителя на триум-фальной колесницѣ, запряженной парой крѣпко взнузданныхъ, покорныхъ коней, именуемыхъ *Турціей и Болгаріей*. Куда вашъ бѣгъ, бѣдные, слѣпые кони? Куда вашъ бѣгъ? Прочтите ли вы своего пове-лителя, новаго Аттилу, черезъ всю вселен-ную, или рухнете вмѣстѣ съ нимъ въ цар-ствѣ океанѣ слезъ несчастныхъ матерей,

германскаго завоевателя, одолѣвшаго ма-ленькую Бельгію, маленькую Сербію, ма-ленькую Черногорію... Вотъ ужъ подлинно, по русской пословицѣ: «Молодецъ противъ овецъ!..» Добрые честные нѣмцы!.. Откуда ваша вражда къ человечеству? Что оно вамъ сдѣлало?..

И подумать, что Петруша, дорогой Петруша, который еще такъ недавно, ка-жется матери, пѣлъ въ голубой руба-шечкѣ чистымъ дѣтскимъ голоскомъ:

Ночью въ колыбель младенца
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ...—
подумать, что онъ въ рукахъ этихъ зло-дѣевъ, этихъ изверговъ? Боже, Боже!..

IV.

Пропалъ безъ вѣсти. Сынъ пропалъ безъ вѣсти. А уже вѣсть весной и тепломъ. Люди читаютъ газеты, говорятъ, живутъ. Никакихъ, никакихъ извѣстій!.. Наталья Павловна не можетъ забыть и во снѣ. То ей слынится какой-то голосъ, говоря-щій: «Удачный полетъ! Сбитъ непріятельскій самолетъ! Двадцать девять ты-сячъ километровъ!..» То ей снится Петру-ша, онитса маленькимъ мальчикомъ, снит-ся взрослымъ, и во снѣ она не можетъ по-нять, который же изъ нихъ летаетъ? И который изъ нихъ у нѣмцевъ?..

Проснувшись въ Троицынъ день, она вспомнила, что онъ пропалъ безъ вѣсти, и заплакала.

А солнце сіяло такъ ласково, такъ пріятливо, точно жаждало осушить всѣ слезы на землѣ, жаждало согрѣть, обла-скать, развеселить и утѣшить всѣхъ то-лящихъ.

— Съ праздникомъ!—сказала толстая Григорьевна, входя утромъ въ спальню.— Съ праздникомъ! Погодка-то какава! Воро-

бушки за окном так и чирикают. Кофе сейчас пить будете?

— Не могу, Григорьевна, не хочется. Лучше я сейчас в черновы схожу.

— Что же, хорошее дѣло. Лучше, чѣм печалиться. Печаль грѣхъ. Какого хотите батюшку спросите, великій вамъ скажетъ, что печаль грѣхъ. И еще кабы сказали: убить! Ну, убить!.. А то не говорить, значить—не убить!..

Наталья Павловна прошла въ соборъ. Службы еще не было, но въ соборѣ были молящіеся. Передъ иконой Спасителя стояла стройная сестра милосердія. Наталья Павловна знала, что мужъ этой дамы пропалъ безъ вѣсти еще въ началѣ войны. До сихъ поръ она ждетъ его и надеется. Она ѣздила въ Саровъ, тамъ молилась на могилѣ св. Серафима, молилась и плакала. Подходить къ ней старичокъ, похожій на св. Серафима, и говоритъ ей: «Не плачь! Твой мужъ живъ. Молись о немъ, какъ о живомъ!»..

И вотъ она все стоитъ и молится. И Наталья Павловна тоже молится всей душой о томъ, чтобъ сыну было хорошо, гдѣ бы онъ ни былъ, и чтобъ Богъ не оставлялъ его.

Подкрѣпившись молитвой и выйдя на улицу, Наталья Павловна думаетъ, не пойти ли еще на могилу мужа? Она уже поворачиваетъ въ сторону кладбища, но что-то заставляеть ее передумать. «Зайду лучше сначала домой,—думаетъ она,—скажу Григорьевнѣ, чтобъ задержала Ниночку, если она пріѣдетъ».

Поднявшись къ себѣ на лѣстницу, Наталья Павловна видитъ, что дверь квартиры не затворена. Что это съ Григорьевной? Или Ниночка уже пріѣхала?

Въ передней Наталья Павловна видитъ всѣспую шинель и фуражку. Сердце на

минуть останавливается, затѣмъ начинаетъ биться въ груди съ страшной силой. Вѣсти, вѣсти о сынѣ! Боже! Что ей скажутъ?!

Дверь открывается, на порогѣ самъ Петруша, похудѣвшій, потемнѣвшій, постарѣвшій, измѣнившійся, хромающій. Но онъ идетъ къ ней навстрѣчу съ веселой улыбкой и говоритъ: «Не ожидала?... Съ рыданиями она падаетъ на его плечо.

Успокоившись, идутъ въ столовую, гдѣ Григорьевна успѣла уже накрыть и установить яствами столъ.

— Ну, садись, садись, кушай. А вина-то пить и достать теперь негдѣ!..

— Не бѣда. Не надо. Григорьевна говоритъ, вы тутъ трусили и горевали?

И онъ рассказываетъ, какъ было дѣло. Моторъ былъ поврежденъ неприятельскимъ снарядомъ, пилотъ убитъ, повеселись на землю трагически. Последней мыслью Петруши было, что смерть неминуема. Потомъ онъ потерялъ сознание и боли ушибовъ точно и не чувствовалъ. Спустились они въ очень неспокойную минуту. До сихъ поръ онъ не знаетъ, кто подхватилъ его, десканинаго замертво, и унесъ куда-то, гдѣ его долго не могли привести въ чувство. Чонемвожку онъ началъ охать и стонать; потомъ вернулось и сознание. Но долго еще пришлось отлеживаться; расшибъ и болѣзную ногу. Онъ и не знаетъ, что его считаютъ пропавшимъ, и не приходило въ голову давать о себѣ знать. Когда поправился настолько, что могъ, ковыляя, держаться на ногахъ, онъ посѣшилъ явиться начальству. Въ результатѣ отпустили на мѣсяць провѣтриться и поправиться.

— А черезъ мѣсяць? — А черезъ мѣсяць обратно. — И опять летать?

— Летать и воевать, воевать и летать. До побѣды!

Въ передней звонятъ, и Григорьевна выпускаетъ Нину Владиміровну, пораженную и обрадованную не менѣе Натальи Павловны.

Чтобы не мѣшать молодымъ, мать сѣлится, подъ предлогомъ хозяйственныхъ распоряженій, уйти къ Григорьевнѣ, которая говоритъ:

— Говорила я, не убить, такъ и не убить. Не убить вѣдь!

— Не убить, не убить,—растерянно бормочетъ Наталья Павловна, и снова заливается слезами.

— Такъ чего же плакать? Кабы убить, я понимаю. А то, слава те Христосъ, на мѣсяць баринъ пріѣхалъ, а вы плачете!..

— Да я не плачу. Это такъ только. Слушай, что на обѣдъ-то съѣдаемъ? Все закрыто. Ничего не достанешь. А закусокъ нѣтъ у насъ. Селедки есть... За виномъ можно сходить къ Еленѣ Андреевнѣ. Авось хоть бутылку дастъ. Раньше она предлагала... Ты подумай только, Григорьевна, сколько матерей сейчасъ ничего о своихъ дѣтяхъ не знаютъ, у сколькихъ искалѣчили, у сколькихъ они въ плѣну сидятъ... А мой пропалъ и нашелся... А мой здѣсь, у насъ, съ нами... Прямо не вѣрится; точно сонъ.

— Чего не вѣрится. Послушайте, какъ хохочутъ. Еще, гляди, повѣщаются.

— И пускай, и пускай... Какъ хотять, пусть и дѣлаютъ. Хоть завтра!..

— Ну, куда торопиться! Отдохнуть съ дороги надо.

— Отдохнуть, поправится... Мѣсяць... Что у насъ сегодня, какое число?... Такъ селедки есть, грибы есть, сыр... За виномъ я схожу сама. За мѣсяць поправится.

— А не поправится, можетъ и дольше позволять!..

— Ну, нѣтъ! Надо будетъ ѣхать. Поправится... Тогда пусть ѣдетъ, пусть воевать, пусть летаетъ... До побѣды!..

В. Макуличъ.

Вторая.

Нѣтъ, наша первая—не полная любовь!

Нѣтъ, полная любовь—сторая.

Изъ сердца первая уносится, играя, Легучей искоркой, едва зажевленной кровью.

Логки плаги ея,—и нѣтъ отъ нихъ слѣдовъ, Надъ ней не стелются сомнѣній злыхъ туманы,

Она не вѣдаетъ страданій таинской раны, Не сожалеетъ словенныхъ годовъ.

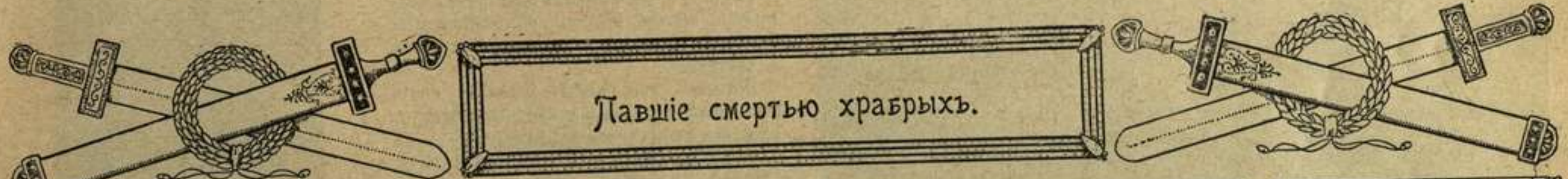
Вторая медленно подходитъ къ намъ, не вдругъ,

Съ ней часто борются, она—болѣзнь внушенья,

И тотъ, кто вымеченъ,—съ остаткомъ разрушенья,

Огнь въ глубинѣ талтъ ея недугъ.

И. Вильде.

Шт.-нап. Н. І. Валицій.

Прапорцъ. В. В. Минаевъ.

Ротм. Р. Э. Нуммантъ.

Подпоруч. Иннон. И. Васильевъ.

Прапорцъ. Н. В. Голге ямъ.

Прапорцъ. С. Э. Зельтень.

Прапорцъ. В. М. Волковъ.

Подпоруч. Г. Ф. Элерцъ.

Прапорцъ. Г. И. Веселовскій.

Нап. С. А. Суховъ.

Полковн. Сергѣй Петр. Зиновъ,
командир коннаго полка.
За боевыя отличія полк. Зиновъ
имѣетъ нѣсколько наградъ, въ томъ числѣ орд. св.
Георгия 4-ой степ.

Попочка.

Разсказъ Н. Чернасова.

I.

Старый адвокатъ Димитрій Петровичъ Турлаевъ, сидя за утреннимъ чаемъ, просматривалъ мѣстную провинціальную газетку. Его жена, молодая и миловидная

НА ЮГО-ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ.

Гонятъ!

Рис. А. Пржецлавскій (участникъ войны).

НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Сторожевой постъ на вершинѣ горы для наблюденія за австрійскими аэропланами, нападающими на итальянскіе города.

размѣра, съ большимъ хохломъ, весь одѣтый въ бѣлыя перья съ нѣжно-розовымъ отливомъ. Онъ когда-то былъ въ циркѣ, гдѣ выучился разнымъ штукамъ: подражалъ ржанью лошади, крику поросенка, скулилъ по-собачьи, плакалъ по-дѣтски, дѣлалъ гимнастическія упражненія на стулѣ, какъ на трапеціи, и въ довершеніе всего говорилъ человѣческимъ языкомъ,—говоришь, правда, немного, всего нѣсколько фразъ, но внятно и отчетливо, хотя слеза и картавилъ.

Показавъ свои таланты адвокату, попугай прижался головой къ груди хозяйки и, ласкаясь къ ней, что-то зашепталъ.

Хозяйка назначила за попугая вмѣстѣ съ клеткой 85 рублей. Турлаевъ, не торгуясь, тотчасъ же заплатилъ ей деньги, послѣ чего молодая дама посадила попугая въ клетку и покрыла ее чернымъ платкомъ. Она сказала, что нужно всегда такъ дѣлать, когда Попочка пора спать, или когда онъ надобѣтъ своимъ крикомъ: Попочка думаетъ, что наступаютъ ночь, и тотчасъ умолкаетъ.

Поручикъ Н. Г. Кузнецовъ.
Награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ.

НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Какъ приходится втаскивать на позиціи тяжелыя орудія, и исполненіе прожекторовъ и т. п.

Ген.-м. В. Н. Токаревъ, палъ смертельно раненый на полѣ битвы 14 июня 1915 г.
Къ годовщинѣ геройской смерти генерала.

женщина, сидѣла тутъ же за столомъ и пила кофе, взглядывая по временамъ на мужа. Пробѣжавъ текстъ газеты, Турлаевъ началъ просматривать объявленія и вдругъ его строгое лицо съ высокимъ гладкимъ лбомъ озарилось улыбкой.

— Есть что-нибудь интересное?—спросила жена.

— Ничего нѣтъ,—отвѣтилъ мужъ.— Налей мнѣ еще чаю.

Онъ сказалъ неправду: въ газетѣ его заинтересовало объявленіе: «Говорящій попугай по случаю отъѣзда недорого продается». У старика явилось желаніе купить попугая и подарить женѣ, сдѣлать ей, такъ сказать, сюрпризъ. Вотъ обрадуется-то! Въ самомъ дѣлѣ интересно: птица—и вдругъ говорить человѣческимъ языкомъ!

Въ назначенное въ объявленіи время Турлаевъ отправился смотрѣть попугая. Продавицей оказалась молодая дама, которая сказала, что убѣждаетъ въ Кіевъ къ мужу, куда везти съ собой попугая въ настоящее время крайне затруднительно. Попугай былъ изъ породы какаду, крупнаго

СЪ СВЕРСКИМИ ДРАГУНАМИ.—Первые Арабы на биваке полка на границе Месопотамии.

Рисун. А. Пржецлавского (участника войны).

Сестра милосердія
княгиня А. С. Андронникова.
Послѣда на госпитальномъ
суднѣ „Португалія“.

Поручикъ Н. В. Евтуховичъ.
Нагр. орд. св. Георгія 4-ой степ.

Димитрій Петровичъ взялъ кѣтку и на-
правился къ выходу, не замѣтивъ, какъ у
молодой женщины блеснули на глазахъ
слезы.

И.

— Вотъ тебѣ, Катенька, подарочекъ,—
говорилъ Турлаевъ, съ трудомъ втаскивая
въ гостиную большую мѣдную кѣтку.

— Что такое?

— А вотъ сейчасъ увидишь.

Онъ поставилъ кѣтку на стулъ, снялъ
черный платокъ и, открывъ дверцу, по-
звать:

— Попочка, Попочка!

Попугай, увидавъ свѣтъ и людей, тотъ-
часъ отозвался:

— Попочка, Попочка, милый голубчикъ,
спать пора!

И мужъ и жена весело засмѣялись.

— Это—какаду, преннтересный экзем-
пляръ,—говорилъ Димитрій Петровичъ.—
Подожди, онъ осмотрится, выйдетъ изъ
кѣтки и начнетъ показывать разные фо-
кусы. Ручной совершенно, къ тебѣ
ласкаться будетъ.

И, дѣйствительно, Попочка осторожно,
слегка покачивая хохлатой головой, вы-
шла изъ кѣтки и прыгнула на спинку
подставленнаго ему вѣскаго стула. Вѣро-
ятно, онъ подумалъ, что находится на аренѣ
цирка, гдѣ надо представиться поттеп-
лѣйшей публикѣ. Хохолъ на головѣ у него
поднялся и сталъ похожъ на пышную ко-
рону, перья на шеѣ распушились. Попочка
захлопала крыльями и вдругъ заржалъ:

— И-го-го!.. И-го-го!..

Затѣмъ мигомъ опрокинулся внизъ го-
ловой и, качаясь, какъ на трапещи, проп-
зительно закричалъ поросенкомъ.

— Да онъ презабавный,—сказала жена.

— Презабавный,—повторилъ съ улыб-
кой мужъ.

Попочка продолжалъ много разныхъ
штукъ и спокойно усѣлся на спинкѣ сту-

ла, горделиво поглядывая на своихъ по-
выхъ хозяевъ. Молодая женщина подошла
къ нему и осторожно погладила его по шеѣ
и по спинѣ. Попочкѣ только этого и надо
было: онъ тотчасъ прижался головой къ ея
груди и даже отъ удовольствія закрылъ
глаза.

— Ахъ, ты милый!—проговорила она,
чувствуя къ попугаю что-то въ родѣ ма-
теринской вѣжности.—Попочка, милый!
Попугай тотчасъ зашебеталъ:

— Попочка, милый голубчикъ!..

Потомъ онъ съѣлъ къ ней на руку, по
рукѣ пробрался къ ней на плечо и сталъ
головой прижиматься къ ея волосамъ.

— Ой, Попочка, больно!—вскрикнула
молодая женщина, почувствовавъ, какъ
кости попугая словно иглами вживались
въ ея тѣло.—Димитрій Петровичъ, сними
его!

Мужъ взялъ попугая въ руки, но тотъ-
часъ, ескрикнувъ, бросилъ на полъ: Попоч-

ВЪ ОКОПАХЪ СРЕДИ ТИФЛИСЦЕВЪ.

Протопресвитарь военнаго и морскаго духовенства о. Георгій Іоан. Шавельскій на пере-
дovýchъ позиціяхъ.

на, рассерженный его внимательством, клюнул старика в руку, да так, что на руке осталась сангетая мятка.

— Ах, чорт его возьми, как больно укусила!—сказала Турлаева, дунув себя на руку.—Оказывается, Катюша, с ним надо быть осторожными, а то, чего доброго, он и глаз выклюет. Ну, делать нечего, пусть живет. Насыпь ему в клетку кукурузы и дай чистой воды. Ему, пожалуй, и спать пора.

Екатерина Михайловна вычистила клетку, положила в нее кукурузы и посадила попугая. Попочка поела кукурузы, попила водички и взобрался на среднюю жердочку на ползет.

— Попочка, спать пора! Милый голубчик, спать пора,—зашептала она.

Молодая женщина прислушивалась к шопоту попугая, и в ее сердце пробуждалась жалость к этой одинокой птичке.

— Спи, спи, милый голубчик!

III.

Екатерина Михайловна полюбила Попочку. Она заботливо ухаживала за ним, сама чистила клетку, давала ему кукурузу и меняла воду. Попочка, в свою очередь, быстро привык к ней и доверчиво прижимался к ее груди, как старый знакомый. При появлении посторонних лиц — по большей части клиентов Турлаева — Попочка оживлялся, кричал на все лады, совершал салто-мортале на трапеции. Когда же оставался один, то по целым часам сидел, как извядшее, на спинке стула, от времени до времени печально посвистывая иволгой. Если в гостиной сидела за книгой или за работой Екатерина Михайловна, то попугай со стула на стул приближался к ней и ласкался.

Жизнь Екатерины Михайловны была не сладка. Она выросла в бедной семье, испытала много горя и знала, что такое нужда. Она была недурна собой и приглянулась старику адвокату, у которого умерла жена. Турлаев говорил своим знакомым, что ему необходимо жениться: есть дом, обстановка, хозяйство, — и нет хозяйки. И он посватался за Екатерину Михайловну. Разумеется, мать и другие родные настоятельно советовали ей выходить за столь завидного жениха, и она вышла. Любви, конечно, к старому мужу она не питала, но мало-помалу привыкла к нему и освоилась со своим положением, хотя в первое время ей было очень тяжело. Муж оказался жестоким, раздражительным, страдающим различными недугами, и в довершение всего — ревнивым. Жениться было слова сказать ни с кем из мужчин, чтобы он не сделал ей сцену. Благодаря этому, все знакомые Турлаева перестали бывать у него, а Екатерина Михайловна совершенно не стала выходить из дому. Несмотря на это, муж продолжал ревновать ее и относиться к ней подозрительно. Весьма часто перед своим он прикидывался осматривать всю квартиру, заглядывая под диваны и кровати, в углы комнаты и в гардеробные.

— Что ты нищешь, Дмитрий Петрович?—спрашивала жена.

— Смотрю, не забрался ли к нам... вор, — отвечал он.

Екатерину Михайловну это и обижало и возмущало, но она терпеливо переносила все, ибо больше ей ничего не оставалось делать.

Лаская попугая, она говорила иволга: — У нас с тобою, Попочка, много общего. Тебя люди привезли из далекой родины, где ты гулял на свободе, и посадили в неволю. Меня тоже, Попочка, люди посадили в клетку.

IV.

Что касается до Дмитрия Петровича, то ему попугай скоро надоел и совершенно перестал интересоваться его.

из альбома проф. влад. егор. маковского.

«Независимый». — Рис. В. Е. Маковского.

Съ фот. Кем. Глыбовской.

— Глупая птица, — говорил он, — крикнул старик жене, и когда она зазубрила бессознательно несколько сыла с его плеч попугая, Турлаев, фразы и повторяет их ни к чему, ни дрожа от гнева и боли, проскрежетал: — Я проучу сейчас этого мерзавца! — Я проучу сейчас этого мерзавца! — Он бросился в переднюю и тотчас вернулся оттуда с хлыстом в руках. Он хотел ударить попугая, но жена защитила его руками, удар припал на ее руку.

И в душе старика начало пробуждаться к попугаю чувство неприязни и даже злобы.

Однажды в веселую минуту он остановился перед попугаем и начал внимательно оглядывать его со всех сторон.

— Ну, что ты, дурак? — громко обратился он к попугаю. — И-го-го!..

— И-го-го! — весело заржал Попочка.

— Ну, иди ко мне на руку. Хочешь? Ну, скорей!

Дмитрий Петрович подставил руку попугаю, и тот смело съел на нее, а затем направился по ней к плечу хозяйки. На старик был драповый халат, через который ногти попугая не проникали до тела. Старик думал, что Попочка будет ласкаться и к нему, как ласкался к жене, но вышло другое. Попочка, взобравшись на плечо, увидел широкий затылок, покрытый пухом седых волос, и совершенно гладкую макушку головы. Почему-то ему пришла фантазия попробовать прочность этой блестящей поверхности, и Попочка, недолго думая, клюнул старика в голову. Старик вскрикнул и подпрыгнул от боли, а попугай, чтобы удержаться, крепко вцепился сильными и острыми когтями в его плечо и уже с ожесточением клюнул его еще раз и еще.

Екатерина Михайловна, услышав в кухне отчаянные вопли мужа, вбежала в гостиную. Старик вертелся по комнате, вставив голову в плечи и закрывая ее руками, а попугай, сидя у чалы, — она привыкла к Попочке, него на шею и размахивая крыльями, он являлся для нее единственным развлечением, и ей было тяжело разстаться с ним.

— Сними этого чорта с меня! —

— Недолго, Попочка, ты пожил у нас, — говорила она, лаская и гладя его рукой по спине. — Хозяин не влюбил тебя и хочет продать тебя. Ну, что же, может быть, у других тебя лучше будет. Я бы очень желала этого, Попочка...

Покупателей на попугая не находилось. Новых публикаций Турлаев не помещал, и Попочка жил по-прежнему. Но жизнь его теперь сделалась очень скучна: по большей части все наступало ночи и ночи, вопреки закону вращения земли вокруг своей оси, и хочешь не хочешь — спи. Между тем на дворе пробудилась весна, ярче заблестало солнышко, деревья стали одеваться зеленью, и душа Попочки начала наполняться жизнерадостным чувством. Екатерина Михайловна в отсутствие мужа давала Попочке полную свободу и возможность порезвиться и вдоволь накричаться. Но едва с улицы раздавался звонок, она торопливо садилась попугая в клетку и закрывала черным платком.

— Спи, Попочка!

Но удержать Попочку в клетке не всегда было возможно, — иногда Екатерина Михайловна, занятая хозяйством, просто забывала про него. В таких случаях он стаскивал клювом черный платок, отворял дверцы клетки и выходил на волю, оглашая весь дом радостным криком, словно торжествуя освобождению из плена. Весною его голос сделался звонче и сильнее и еще больше раздражал Турлаева. Последний выбегал в гостиную и старался перекричать попугая, звал жену.

Екатерина Михайловна бросала все дела и спешила в гостиную водворять порядок.

Однажды она, сидя в гостиной у полуоткрытого окна, читала книгу. Муж в кабинет составлял какое-то прошение. Он уже отвык от работы, и она у него не спорилась, что его очень раздражало. Попочка, молча, сидел на стуле вблизи Екатерины Михайловны. Солнце близило к закату, и его лучи заиграли на противуположной стене стеллажа и на толчке. В это время перед окном заиграла шарманка «камеринскую»; веселые звуки каскадом ворвались в комнату. Попочка восторженно, расправив свой ярко-розовый хохолок и, взмахнув крыльями, крикнул радостное приветствие шарманке. И вдруг его чуткий слух сквозь звуки музыки уловил отрывистый крик на его родном языке. Тогда, вив себя от восторга, Попочка перепрыгнул на другой стул ближе к окну и, напрягая все свои голосовые средства, так закричал, что стекла зазвенели в рамах. Екатерина Михайловна, взглянув в окно, увидела на шарманке другого попугая с тем же наго, который, подняв голову вверх, прислушивался к голосу Попочки и подавал ответные реплики.

Звук шарманки, неистовый крик невинного попугая взбесили и без того раздраженного Турлаева. Окнуив столь блуждающим взглядом, он схватил попавшуюся ему на глаза тяжелую стальную линейку и бросился в гостиную.

— Замолчишь ли ты, проклятый! — крикнул он на попугая.

Екатерина Михайловна рванулась было на помощь к Попочке, но было поздно: Турлаев изо всей силы ударил плашмя линейкой по голове попугая. Попочка грузно грохнулся на паркет. Его ноги слабо задвигались, крылья затрепетали, а голова в судорожной корчи стала запрокидываться к спине.

Молодая женщина бросилась к нему, взяла на руки, осторожно прижала к груди.

— Попочка, что с тобой? Милый, Попочка, что с тобой?

Увы! Попочка Турлаев...
нейкой в р...
сдых вол...
жену с ка...
нием.
Молодая...
годующие г...
зимою गरे...
— Одна...
бь помъша...
И быстре...
ной.
На улици...
ринскую».

Вряд ли...
убежденный...
социалистич...
Эрве, могъ...
часть, когда...
тель» и те...
любовью и...
отечественн...
фельдмарша...
торасе вои...
веннаге мо...
моря всегда...
лосомъ гра...
Кровь...
Бельгидца...
эффектный...
литизма, а...
французска...
вой энерги...
Эрве не з...
Обмокнуто...
та», оно в...
грубо оскм...

Не такъ...
из париж...
не крупны...
ни покойн...
своего ро...
убдительно...
ся фигура...
дементаль...
строга дла...
атру спрос...
Хладнокр...
шой запа...
сти, на пе...
сознание и...
ский расче...
къ ей дост...
ра того Ки...
первых ра...
стью сказа...
обществе...

Мальчи...
леко не в...
особенно...
Школьный...
дался буду...
массъ. При...
царю, даб...
ских учес...
отъ родит...
ривыности...
раженную

Смерть...
ла на нег...
тость, нео...
подъбили...
скоро три...
Китченера...
Вульвичъ...
ташинок, ...
усердиемъ...
Франко...
стала Кит...
отецъ же...
на вакац...
строе рь...
гаеть доб...
къ пол...
рала III

ИЗЪ АЛЬБОМА ПРОФ. ВЛАД. ЕГОР. МАКОВСКАГО.

Увы! Попочка не отвѣчалъ. Турлаевъ стоялъ посреди комнаты съ лилейкой въ рукахъ, съ торчащимъ хохломъ съдыхъ волосъ на головѣ и смотрѣлъ на жену съ какимъ-то злораднымъ выраженіемъ.

Молодая женщина подняла на него неподходящіе глаза и проговорила съ невыразимою горечью:

— Одна была у меня радость, и та тебѣ помѣшалась!

И быстрыми шагами вышла изъ гостиной.

На улицѣ шарманка доигрывала «камаринскую».

Н. Черкасовъ.

Лордъ К. of К.

Врядъ ли до 1914 г. такой страстный и убежденный предстатель французской социалистической мысли, какъ Поль-Луи Эрвье, могъ себѣ представить, что близокъ часъ, когда онъ, пламенный «разрушитель» и ненавистникъ меча, станетъ съ любовью и уваженіемъ рисовать своимъ соотечественникамъ портретъ англійскаго фельдмаршала, суроваго солдата, для котораго воинскій долгъ до послѣдняго жизненнаго момента въ волнахъ Съвернаго моря всегда служилъ непререкаемымъ голосомъ гражданской совѣсти.

Кровь первого павшаго за родину Бельгійца смыла съ чуткаго Эрвье весь эффектный, но непрочный налетъ космополитизма, а грохотъ разрушенія перваго французскаго жилища вызвалъ его къ новой энергичной работѣ за родину. Перо Эрвье не знаетъ съ тѣхъ поръ устали. Обожнутое въ чернилахъ «защитнаго цвѣта», оно всецѣло посвящено интересамъ грубо оскверненной Нѣмцами земли.

Не такъ давно Эрвье собралъ въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ рядъ фактовъ, не крупныхъ, но характерныхъ, изъ жизни покойнаго лорда Китченера. Получился своего рода фотографическій документъ убѣдительнаго свойства. Ясно намѣчается фигура типичнѣйшаго англійскаго джентльмена, чуждаго сантиментальности, строго дѣловаго, умѣющаго во время и въ мѣру спросить и съ другихъ, и съ себя. Хладнокровіе уравновѣшиваетъ большой запасъ жизненной стремительности, на первомъ планѣ всюду и всегда сознание намѣченной цѣли и методическій расчетъ при использованіи средствъ къ ея достиженію. На выработкѣ характера того Китченера, какимъ сталъ онъ въ первыхъ рядахъ англійскаго народа, полностью сказались вся закалка британской обществѣнности.

Мальчуганомъ Гербертъ Китченеръ далеко не всегда радовалъ своихъ родителей, особенно нѣжно имъ любимую мать. Школьный режимъ не сразу и не легко дался будущему организатору миллионныхъ массъ. Пришлось отправить его въ Швейцарію, дабы одинъ изъ тамошнихъ англійскихъ учебныхъ пансіоновъ, въ отдаленіи отъ родительскаго дома, умѣрилъ порывистость и нѣсколько повышено выраженную самостоятельность Герберта.

Смерть матери потрясающе подѣйствовала на него. Разомъ надвинулась замкнутость, необщительность, мальчика словно подымали. Отецъ вызвалъ его домой, и скоро тринадцатилѣтній сынъ полковника Китченера поступилъ въ военную школу въ Вульвичѣ. Теперь это образцовый воспитанникъ, прекрасный ученикъ, съ особымъ усердіемъ изучавшій математику.

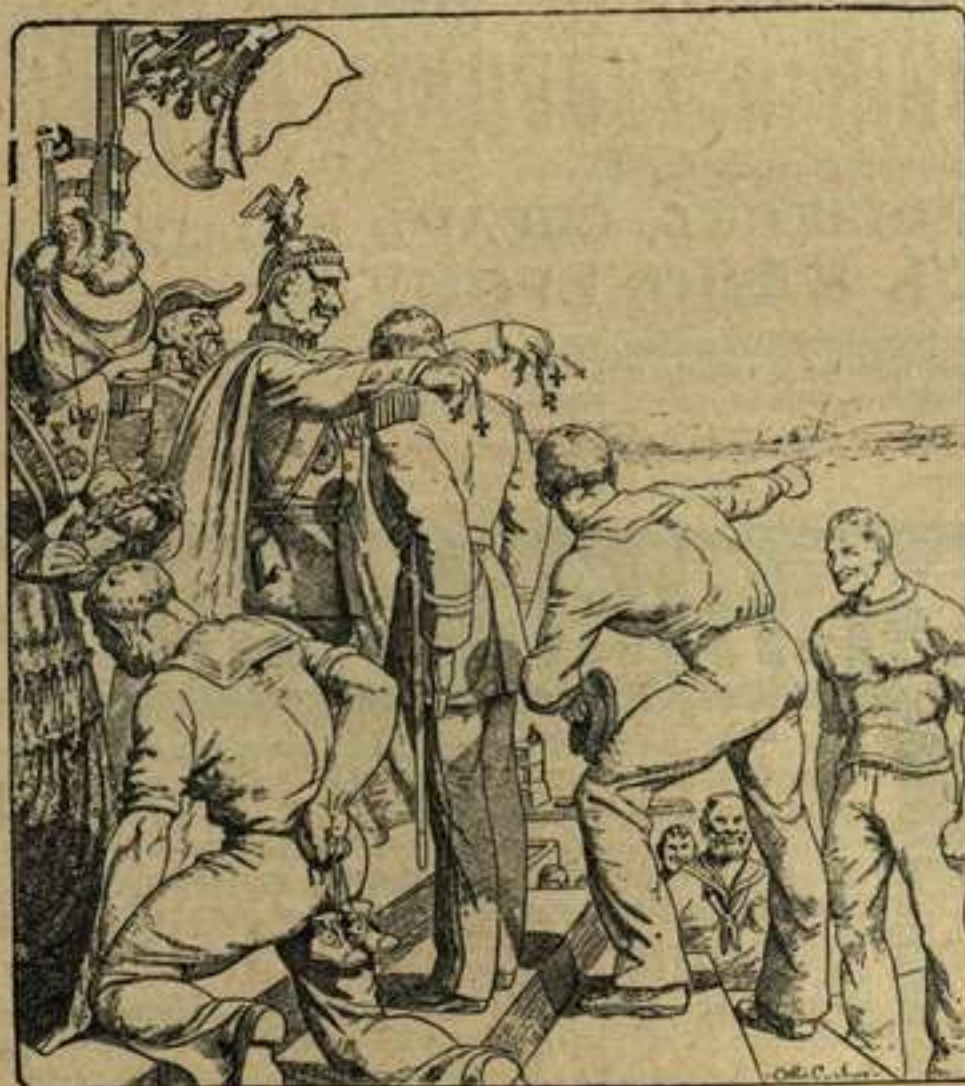
Франко-прусская война 1870 года застала Китченера съ его родителями—отецъ женился вторично—въ Бретани, на вакаціяхъ. Короткое колебаніе, быстрое рѣшеніе—и Китченеръ уже шагаетъ добровольцемъ-рядовымъ въ одномъ изъ полковъ луарской арміи генерала Шанзи. Онъ продвѣлалъ рядъ

«Волжскіе типы».—Рис. В. Е. Маковскаго. Съ фот. Ксен. Глыбовской.

сложныхъ и опасныхъ развѣдокъ, со- было практически укрѣпить полученныя вершины отвѣтственное путешествіе на имъ теоретическія свѣдѣнія въ области воздушномъ шарѣ, по вынужденъ былъ военныхъ наукъ скоро прервать службу, такъ какъ въ слѣдующемъ году Китченеръ вышелъ заболѣвъ тяжелою формою воспаления лейтенантомъ въ инженерныя войска. Легкихъ. Съ большимъ трудомъ приняли Прослуживъ три года въ Аальдершотъ, онъ его обратно въ Вульвичскую школу, внявъ предложеніе отправиться въ Пателью оригинальному объясненію молодости, для работъ по своей специальности челоѣкомъ его самовольства. По сти. Тамъ онъ пробылъ восемь лѣтъ и толкованію Китченера, ему необходимо успѣлъ зарекомендовать себя стойкимъ,

«KINDERMÖRDER».

ДѢТООУБИЦАМЪ ОТЪ ИХЪ ВОЖДЯ

никогда не теряющимся офицеромъ, съ большими способностями къ организаціи новыхъ предпріятій. Особенно одѣнилъ Китченера лордъ Кромеръ, пригласившій его въ Египетъ, гдѣ и началась карьера будущаго лорда Хартумскаго. Китченеръ принялъ участіе въ военной экспедиціи къ верховьямъ Нила, былъ затѣмъ назначенъ губернаторомъ Суакима, провѣлъ суданскій походъ и, ставъ въ 1898 г. во главѣ египетской арміи, разбилъ на голову мятежныхъ махдистовъ при Омдурманѣ. Послѣдній крупный успѣхъ доставилъ Китченеру лордство, благодарностью отъ имени англійскаго парламента и очень значительную денежную «премію».

Около этого же времени разыгрались памятные всѣмъ намъ осложненія съ полковникомъ Маршаномъ въ Фашодѣ. Выдержка и самообладаніе Китченера, лично встрѣтившагося съ Маршаномъ, въ сильной степени способствовали мирному разрѣшенію инцидента.

Въ 1899 г. Китченеръ, въ должности начальника штаба фельдмаршала Робертса, отправился въ Южную Африку. Борьба съ Бурами затянулась. Черезъ два года престарѣлый главнокомандующій, передавъ свои обязанности Китченеру, вернулся въ Англію.

— Ну, теперь мы начнемъ созвать по настоящему!

Это были первыя слова Китченера, едва Робертсъ покинулъ Африку. И, дѣйствительно, военныя событія пошли инымъ темпомъ. Воля Китченера не знала никакихъ невозможностей, не терѣла противорѣчій. Вотъ образецъ его способа распоряжаться.

Встрѣчается ему надобность спѣшно выѣхать изъ Преторіи въ отдаленный участокъ фронта. Китченеръ на вокзалѣ.

— Сколько времени потребуетъ мой проѣздъ туда-то?

— Тридцать шесть часовъ, генераль,— отвѣчаетъ желѣзнодорожное начальство.

Холодный взглядъ Китченера и краткая, отрывистая реплика:

— Я выѣзжаю завтра въ три часа дня и намѣренъ прибыть на мѣсто не черезъ тридцать шесть часовъ, а черезъ сутки, не болѣе. Поняли?

И къ назначенному времени Китченеръ уже сходилъ съ поѣзда.

Послѣ бурскія войны Китченеръ принялъ на себя высшее командованіе индійскими войсками, но не поладилъ съ вице-королемъ лордомъ Керзономъ и ушелъ въ отставку.

Июльскія событія 1914 г. застали Китченера въ Дуврѣ. Здѣсь онъ получилъ спѣшную телеграмму Асквита, вызывавшую его въ Лондонъ уже военнымъ министромъ. Первая его встрѣча съ членами кабинета произошла при довольно своеобразной обстановкѣ.

— Мы вамъ будемъ очень благодарны за всѣ совѣты, которые вы намъ дадите,— сказалъ кто-то изъ министровъ, привѣтствуя Китченера.

— Совѣты?! Ну, нѣтъ. На нихъ я не мастеръ. Я привыкъ только приказывать.

Краткій, но выразительный отвѣтъ! Новый военный министръ немедленно перенесъ въ министерство, устроилъ себѣ спальню рядомъ со служебнымъ кабинетомъ—и закипѣла работа. Быстрая, спорная, рѣшительная, безъ суеты и лишннихъ словъ. Вся на виду, вся доступная для здоровой критики, чуждая рутинности и формализма, она принесла цѣнные плоды.

Китченеръ погибъ не старымъ челоѣкомъ. Военная служба поглотила всѣ его юношескіе и зрѣлыя годы, не давъ ему времени подумать о бракѣ. Къ тому же онъ порядочно недолюбливалъ прекрасный полъ, считая его весьма вреднымъ для людей военной профессіи. Китченеръ нисколько не скрывалъ своего предубѣжденія противъ женатыхъ офицеровъ, охотно выдвигая не связанныя семейными узами, какъ болѣе, съ его точки зрѣнія, подходя-

щих и къ условіямъ солдатскаго долга.
Однажды покойная королева Викторія
задала на этотъ счетъ Китченеру щекотли-
вый вопросъ:

— Правда ли, что вы ненавидите жен-
щинъ?

— Да, государыня, всѣхъ, кромѣ одной.

— Кто же это?— заинтересовалась ко-
ролева.

— Вы, ваше величество!— галантно от-
вѣтил Китченеръ.

Лордъ Китченеръ далеко не былъ вооб-
ще лишенъ остроумія. Пришлось ему разъ
посѣтить работы по сооруженію новаго
форта въ очень серьезномъ мѣстѣ. Оказа-
лось, что фортъ строится въ ближайшемъ
сосѣдствѣ съ господствующею надъ нимъ
высогою. Китченеръ, ничуть не прерывая,
сознакомился съ объясненіями главнаго
инженера и разомъ убилъ ихъ простымъ
вопросомъ:

— Все это хорошо. А когда вы начнете
переносить въ другое мѣсто вонъ ту гору?

Какой-то честолюбивый отецъ писемно
предлагалъ крупную сумму въ пользу
государства за офицерскій дипломъ для
своего сына.

Резолюція Китченера:

— Приберегите деньги для вашихъ до-
черей. Если вашъ сынъ малый путный,
онъ получитъ патентъ даромъ.

СУДЬ ПАРИСА.

Лордъ К. of К., какъ запросто звали долго хранила его отъ ножа и яда, но не
Китченера его соотечественники (Kitchener of Khartoum), нѣсколько разъ под-
котораго онъ ненавидѣлъ больше всего на
вергался покушеніямъ на его жизнь. свѣтъ: отъ Нѣмцевъ.
Вражьи руки предательски нащупывали
война въ разныхъ частяхъ свѣта. Судьба

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

В. Анд-ль.

ДЛЯ ПОХОДА И БИВАКОВЪ.
Непромок. пальто, накидки, сапоги,
мѣшки, спальи, подушки надувн., свѣт-
ляки электр., огниво карман., флаги „Тер-
мъ съ“, куртки и брюки кожан., шини,
т. з. и складные, спасательные пояса.
Поставщикъ Двора Его Величества

Конст. Мальмъ.
Петроградъ, Морская, 34.

КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ
имѣется сейчасъ на складѣ. Независимой
аптеки В. Кресса, въ Петроградѣ.
Цѣна 1 фунта — 3 руб., 1 пуда 120 руб.
съ посудой.

Высылаются немедленно по полученіи
стоимости. Расходы по пересылкѣ по та-
рифу.

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪЕМНЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при нервастеніи, истеріи, невралгій, старче-
ской дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер.,
туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ
безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣя-
тельности, общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэн-
цы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪЕМНАЯ ВЫТЯЖКА
лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается **БЕЗПЛАТНО.**
ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕЗПЛАТНО.
Одинъ флаконъ съемной вытяжки въ продажѣ стоитъ
пересылка—40 к., пересылка свыше одного фла-
кона—**БЕЗПЛАТНО.** 2½-ый почтовый сборъ за на-
ложенный платежъ всегда за счетъ заказчика.
Адресъ: **Органотерапевт. лабораторіи Д. КАЛЕНИЧЕНКО,** Москва,
Козловскій пер. соб. д. 10, кв. 33. Телер. адр. Москва, Калефлюидъ.

3 руб.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка изъ съемныхъ
железъ изготовляется ес-
тественнымъ путемъ безъ
огня и химическаго реак-
цій и ничего общаго не
имѣетъ съ химически из-
готовленными суррогатами.

Westminster Tobacco Co. Ltd London

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ:
ТРУБОЧНЫЕ ТАБАКИ ВЫСШ. КАЧЕСТВА
АНГЛІЙСКІЯ и ТУРЕЦКІЯ ПАПИРОСЫ.

Съ требованіями обращаться въ
СКЛАДЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТАБАКОВЪ, СИГАРЪ и ПАПИРОСЪ.
АРИСТОТЕЛЕСЬ КАЛОГЕРОПУЛО.

Контора и оптовый складъ: Петроградъ, Ждановская набер. № 3. Телефонъ 153-98.
Опдово-розничные магазины: 1) Куокнала, противъ зданія вокзала. Телефонъ 16.
2) Теріоки, Большая дорога д. Богомолова, возлѣ аптеки.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕБЕНКИ.
Электрич., безъ красокъ, 15 р.
только силою въ нихъ тока.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗобрѢТЕНІЙ
Петроградъ, Морская, 33.

ЗАСТАРѢЛЫЕ
ХРОНИЧЕСКІЕ ЗАПОРЫ
несвареніе желудка вызываютъ
газы, тошноту, изжогу и давленіе подъ
ложечкой. Надежное и постоянно одинаковое
дѣйствіе оказываетъ Стомоксигенъ Д-ра Ан-
тона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ
желудокъ легко, нормально и пріятно. Онъ
абсолютно безвреденъ и отпуск.
изъ всѣхъ апт. по рец.ар.

ЗАПОРЫ
РАДІЕВЫЕ ПРЕПАРАТЫ
ДЛЯ ЛЕЧЕБНЫХЪ ЦѢЛЕЙ

продаются въ конторѣ, Петроградъ,
В. О. 15 линія, д. 48 и высылаются
наложеннымъ 1 коробка 8 руб., 1/2
коробки 4 р. 50 к. платежомъ, и въ
аптекахъ въ Ессентукахъ, Кисло-
водскѣ и Пятигорскѣ. Желающимъ
Контора высылаетъ проспекты.

НОВАЯ КНИГА:
В. П. ОПОЧИНИНЪ

ВѢКЪ
НЫНѢШНІЙ
КНИГА РКЗКАЗОВЪ.

Цѣна 2 рубля.

Изданіе Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время».

СѢДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натураль-
ный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, кото-
рый постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ воз-
вратить имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ
одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радо-
стью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно не присылайте ни денегъ, ни марокъ!
Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.
Лабораторія **КАЛЪТОКО,** МОСКВА. Отд. 109Х.

Земля зоветъ.

Земля зоветъ къ себѣ настойчиво и властно,
Она сулитъ блаженство дѣтскихъ дней,
И свѣжесть чувствъ, и радости полноты
Тому, кто зовъ ея услышитъ не напрасно.
Богатство нивъ своихъ, и сочные плоды,
И лень, сіюшій лазурью яркой неба,
Она отдастъ тому, кто ищетъ только хлеба,
О хлѣбъ чьи заботы и труды.
Влачимъ жалко дни окущая, оцѣпленнымъ
Надъ грудой золота, надъ искрами каменной,
Она блеснетъ въ глаза игрой живыхъ огней
Сокрывающъ, созданныхъ ея могучимъ гломъ.
Но ты счастливѣй всѣхъ, восторженный поэтъ!
Ты—баловень земли и жнешь, чего не съялъ...
Вѣдь это для тебя весенній вѣтеръ вѣялъ,
Несъ вдохъ ея груди и лазурный привѣтъ!
Не скрыты отъ тебя причудливыя грезы
Ея загадочной и царственной души,
Подъ кровомъ сумрака молящейся въ тиши,
И утренней росы тебѣ понятны слезы.
Журчанье робкое пожеманого ключа,
Цвѣтовъ и травъ медвяныхъ ароматы,
Гранитныхъ скалъ сѣбящие скалы,
Болотный огонекъ, горящій какъ свѣча,
И маковъ пламенныхъ пылающія пятна,
И ширь степей, и горъ тяжелый гнетъ—
Все это для тебя, земля тебя зоветъ!
И скорбь твоя, и радость ей понятны.
Ты избранъ ей, мечтатель и пѣвецъ!
Иди же къ ней, прими ея даренья
И пѣсней радостной, въ порывѣ вдохновения,
Гони тоску озлобленныхъ сердецъ.

Гемма.

Мадонна съ Младенцемъ.

(Рубенсъ или Ванъ-Дейкъ?).

Въ Румянцевскій музей доставленъ былъ бѣженцемъ изъ Варшавы холстъ размеромъ 58 × 47 сант. съ изображеніемъ Мадонны съ Младенцемъ, съ просьбой опредѣлить имя мастера. Реставраторъ Румянцевскаго музея художникъ Юхневичъ перевелъ картину на новый холстъ, снявъ старый лакъ и поздѣйшія записи. Очищенная картина представляла значительный интересъ и приписывается однимъ кисти Рубенса, другимъ кисти Ванъ-Дейка. Мнѣнія знатоковъ расходятся по той простой причинѣ, что очень трудно вообще что-либо окончательно утверждать относительно старыхъ картинъ.

Первое мнѣніе основывается на сходствѣ Мадонны и Младенца съ женой и сыномъ Рубенса, второе на изысканности некоторыхъ деталей и тонкости пальцевъ рукъ Богоматери... Но и то и другое мнѣніе можетъ быть невѣрно, если предположить, что картина написана кѣмъ-либо изъ подражателей великихъ мастеровъ...

Вообще «непогрѣшимыхъ» знатоковъ стараго искусства нѣтъ и быть не можетъ: самый внимательный и серьезный исследователь произведеній художниковъ старыхъ школъ можетъ ошибиться въ опредѣленіи

МАДОННА СЪ МЛАДЕНЦЕМЪ
Рубенсъ или Ванъ-Дейкъ?

мастера по ненаписанному, ранѣе неизвѣстному холсту, что нерѣдко и случается. Какъ въ творчествѣ художниковъ, такъ и въ способахъ подѣлокъ и подражаній есть много недостатковъ выиспанное, но легкое вводящее въ заблужденіе жадныхъ до «новыхъ» холстовъ старыхъ мастеровъ. Все же нельзя отрицать, что вновь открытый холстъ представляетъ въ художественномъ отношеніи интересъ: произведеніе, конечно, не заурядное, заинтересовавшее коллекционеровъ, и однимъ изъ нихъ (г. Второвымъ) приобретенное за 20 тыс. руб.

Искусство имѣетъ отечество.

Фр. Функъ-Бреганно *.

Говорятъ, что у искусства есть отечество, мы не хотимъ сказать, что одинъ народъ долженъ отказываться отъ преклоненія передъ художественными произведеніями другого народа только потому, что это творенія чужія; но всякій народъ долженъ съ ревнивой заботливостью и благоговѣніемъ культомъ оберегать и разрабатывать свое національное искусство.

Искусство имѣетъ цѣнность лишь тогда, когда является выраженіемъ національ-

* Авторъ этой статьи, написанной для «Новаго Времени»,—извѣстный французскій писатель-историкъ, Фр. Функъ-Бреганно. Извѣстные его изслѣдованія архивовъ Бастиліи. Бреганно владѣетъ русскимъ языкомъ и хорошо знаетъ Россію.

что въ царствованіе Франциска I и въ царствованіе Генриха II Французъ отказался отъ восхитительнаго искусства, создаваемаго у нихъ, граціознаго, изящнаго, тонкаго и чарующаго, французскаго до мозга костей, чтобы перейти къ неуклюжему подражанію итальянскимъ художникамъ. Прелестная Турская школа, прославленная Жаномъ Фуке, была заброшена для громоздкихъ произведеній Фонтенбло, гдѣ господствовало имя Примахитчио.

То же произошло и въ концѣ XVIII вѣка, когда искусство, выдвинувшее самыхъ очаровательныхъ художниковъ, когда-либо существовавшихъ прежде: Ватто, Ландре, Шардена, Фрагонара, было заброшено подъ вліяніемъ античнаго міра для тяжелыхъ и искусственныхъ созданій Луи Давида и его учениковъ.

Одно изъ благодѣяній войны заключается въ томъ, что Французъ вернется теперь къ самимъ себѣ: прежде всего въ области музыки, а затѣмъ философіи, гдѣ вліяніе Нѣмцевъ отзывалось на Франціи особенно губительно. Французъ не могъ добиться постановки своихъ произведеній на сценѣ Парижской оперы, если онъ не былъ болѣе или менѣе близокъ германскому искусству. Парижская опера превратилась въ храмъ Вагнера и Рихарда Штрауса. Забудьте при этомъ, что Парижская опера единственная большая лирическая сцена, существующая во Франціи. Какъ же могла развиваться современная французская музыка, когда произведенія ея композиторовъ никогда не могли увидѣть свѣтъ, или въ лучшемъ случаѣ, давались, проходя незамѣченными, въ провинціи, въ условіяхъ, гдѣ неминуемо гложетъ ихъ талантъ?

Но вотъ разразилась война, и неожиданно, хотя общія условія были наименѣе благоприятны, мы увидѣли на сценѣ нашей національной музыкальной академіи удивительный расцвѣтъ французской музыки. Французъ не желалъ больше Рихарда Вагнера, ни Рихарда Штрауса. И мы услышали произведенія, полныя силы или очарованія, авторы которыхъ не были даже извѣстны широкой публикѣ: «Le Roi Arthur» Шоссона, «Les Girondins» Фердинанда Ле-Горна, «Le Chant de guerre» Члорана Шмитта, «L'Étanger» Венсана д'Энди, и сколько еще другихъ!

Въ шесть мѣсяцевъ войны Жанъ Руссе, новый директоръ оперы, хотъ и лишенной въ виду военнаго времени большей части своей публики и самыхъ цѣнныхъ своихъ сотрудниковъ—артистовъ, поставилъ болѣе новыхъ французскихъ произведеній, нежели его предшественники за шесть лѣтъ мира.

И французская публика наконецъ убѣдилась, что у Франціи есть музыканты, а сколько чудесныхъ твореній—чисто национальных по духу—остались безвѣстными въ силу того, что молодому французскому музыканту большая французская сцена была, можно сказать, недоступна.

Въ своей просвѣщенной и великодушной дѣятельности Жанъ Руссе, новый директоръ оперы, пошелъ еще дальше. Онъ вновь поставилъ на подобающее ей почетное мѣсто старую французскую музыку въ ея великомъ и славномъ прошломъ.

Въ афишахъ театровъ появились имена: Гейне, Бюссе, Гедрона, а на дневныхъ концертахъ Сорбонны стали исполнять Клемана, Жанекена и Кладена младшаго. Фран-

дузы съ удивленіем увидѣли, что пѣсни Русскимъ у нихъ дома, какъ картины о битвѣ при Мариньяно Клемана Жане-Пуссена и Клода Лоррена въ галереяхъ Эрмитажа.

И въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы вы- что въ области «изобразительной» музыки сказать по этому поводу пожеланіе: въ еще четыреста лѣтъ назадъ старый французскій маэстро былъ предшественникомъ Вагнера, не сказавшаго здѣсь ничего новаго.

Мы надѣемся, что и въ области мысли дѣло пойдетъ тѣмъ же порядкомъ. Мы надѣемся, что французская философія оброститъ съ себя разъ навсегда сковывавшую ее свинцовую броню тяжеловѣсной, неясной и шлоппивой эмпирической мысли: въ Сорбоннѣ и другихъ высшихъ школахъ до сихъ поръ слѣпо преклонялись передъ Кантомъ, Гегелемъ, Фихте, Шопенгауэромъ и прочими туманными мечтателями.

Тогда какъ сама Германия постепенно освобождалась отъ смутныхъ мечтаній Канта и его школы, въ Вѣнскомъ университетѣ мнѣ пришлось слышать лично, какъ профессоръ философіи развивалъ научныя фантазмагоріи кенигсбергскаго мыслителя,—у насъ, во Франціи, запутанныя глубокомысленныя теоріи Канта продолжали служить магнитомъ для учащейся молодежи. Будемъ надѣяться, что въ философіи, какъ и въ музыкѣ, реакція, вызванная войной, приведетъ къ счастливому результату и вернетъ Францію къ изученію французской мысли, столь блистательно выраженной Декартомъ, Паскалемъ, Мальбраншемъ, Монтескье и Огюстомъ Контаномъ.

Замѣйте, однако, что я высказываю эти взгляды отнюдь не подъ вліяніемъ узкаго патриотизма, того, что мы называемъ во Франціи «шовинизмомъ».

Я хочу лишь сказать, что всякая страна должна развивать свое національное искусство и національный гений: только на этомъ единственномъ пути народъ можетъ создать произведенія, дѣйствительно достойныя поклоненія.

Сколько разъ, выходя съ мигренью изъ театра, послѣ тяжеловѣсныхъ вагнеровскихъ оперъ, «Мейстерзингеровъ» или «Сумерокъ боговъ», я слышала отъ убѣжденныхъ вагнеристовъ такое замѣчаніе:

— Превосходное исполненіе, не правда ли? Но если бы вы слышали эту вещь въ Байрейтѣ!

Вотъ и прекрасно! И побуждайте слушать Вагнера въ Байрейтѣ; а насъ въ Парижѣ оставьте въ покоѣ. По двумъ причинамъ: потому что, загромождаемая спешу иностранными произведеніями, вы мѣшаете постановкѣ нашихъ, национальныхъ оперъ, и потому, что, постоянно отводя иностранцамъ самое почетное мѣсто на нашей первой лирической сценѣ, вы отравляете ихъ вліяніемъ французскія произведенія.

О, Монсеньи, ясный и очаровательный гений Монсенья, гдѣ его преемники?

При постановкѣ русскихъ произведеній въ Парижѣ мы влѣбли иное, именно при блестящемъ представленіи «Бориса Годунова» и столькихъ извѣстныхъ и великолѣпныхъ балетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, русскія произведенія исполнялись въ Парижѣ русскими артистами въ русскихъ декорацияхъ, при работѣ русскаго персонала. Словно уголокъ Петрограда или Москвы переносился на нѣсколько недѣль на берегъ Сены: остроумный способъ позволить парижанамъ, при наименьшихъ расходахъ, побывать въ подлинной Россіи. Не Французы ѣхали въ Петроградъ, а кусочекъ Петрограда пріѣзжалъ къ нимъ. То же можно сказать про Михайловскій театръ въ Петроградѣ. Михайловскій театръ не претендуетъ замѣнить собою русскій театръ или вліять на него. Это тоже уголокъ Франціи, доступный

Катюша.

(Разсказъ).

Ну, конечно, какъ всегда, какъ и во всемъ ты права и на этотъ разъ, моя милая, безцѣнная Лидя. Ты уже, разумеется, догадалась, въ чемъ именно ты права, и каково приблизительно будетъ содержаніе этого письма, вѣрите этой исповѣди твоей безразсудной и хотя добродѣтельной, но сейчасъ, увы, глубоко несчастливой Китти.

Мнѣ очень совѣстно за упорное молчаніе на всѣ твои очаровательныя открытки изъ Неаполя, на длинныя письма, на прозрательныя намеки, на проповѣди о «соблюденіи основъ» нашего семейнаго очага, совѣты одуматься, взглянуть на «него» трезво, а не съ вѣтромъ пригнанаго влюбленности, помянуть о Сергѣй Степановичѣ, пожалѣть Котика и т. д., и т. д.

Но весь кодексъ благоумія, которымъ ты тѣпиво хотѣла охладить мою закружившуюся голову, не находилъ ни малѣйшаго отклика въ моей душѣ.

Ахъ, Лидя, что значить эти прекрасныя слезы, когда заговорить сердце, когда заволнуешься врозь..

Пожалуйста, не строй испуганной маны и не расширяй еще больше твоихъ холодныхъ сѣрыхъ глазъ,—здѣ я не даромъ назвала себя добродѣтельной; черты я не переняла, Сергѣю Степановичу не измѣтила, Котика не бросила, и врозь нѣсколькихъ недозволенныхъ поцѣлуевъ (простятъ ли мнѣ ихъ боги и твой суровый судъ?) явѣмъ не забыла чести нашего стариннаго рода, а если... разбилось мое сердце, потеряла краски моя жизнь, я вся я точно постарѣла душой на десять лѣтъ за одинъ этотъ мѣсяць,—то все это понятія отвлеченныя для Сергѣя Степановича и тебя, не имѣющія, пожалуй, болюшой цѣнности въ вашихъ глазахъ, и юридической отвѣтственности за нихъ никто не подѣлится.

Ужасно много хочу сказать тебѣ, хочу хоть въ письмѣ излить свою изстрадавшуюся душу, причѣмъ непремѣнно надо это исполнить сегодня же; я знаю, что уже завтра я не смогу быть такой же откры-

венной, какъ сегодня... сейчасъ, пока еще не высохли слезы, не улеглось первое волненіе въ груди, не завала эта вѣлка бѣлой акаціи, которую нервно терсѣли Алексѣй нѣсколько часовъ назадъ и злобно отбросилъ на козере, при моемъ послѣднемъ рѣшительномъ «нѣтъ»... и къ которой я жадно припадалъ губами, едва за ними закрылась дверь.

Я сохранила ее вмѣстѣ съ розой изъ моего свадебнаго букета, съ гвоздикой изъ бутоньерки, которую ты мнѣ приколола въ день гимназическаго акта, съ имортелью, сорванной на пашинной могилѣ... вѣдь это все грани... грани моей жизни!..

Бросаю на минуту перо: няня зоветъ перекрестить Котика; онъ что-то плачетъ, капризничаетъ... Иду! иду!

Вмѣсто нѣсколькихъ минутъ провела въ дѣтской почти-часъ.

Лидя, если у тебя будетъ ребенокъ, вспомни мои слова, что дѣти гораздо наблюдательнѣе и гораздо болѣе чутки, чѣмъ мы, взрослые, это предполагаемъ. Знаешь, что мнѣ сказалъ сейчасъ Котикъ? Онъ по обыкновенію крѣпко прижался къ моей груди, свернувшись калачикомъ, когда я ездила его въ одной рубашенкѣ къ себѣ на колѣни, и ни за что не хотѣлъ сразу отъѣхать, почему мнѣ была недозвольна няня. Но я заставила его признаться,—оказалось, что вѣрный вечеръ онъ потихоньку ломалъ всѣ игрушки, подаренныя ему Алексѣемъ Алексѣевичемъ.

«Не люблю этого дядю,—сказалъ онъ,—я хочу папу, моего папу. Мамошка, пусть намъ не надо дядю!»

Вѣрный ребенокъ! Вѣдь этотъ мѣсяць я совсѣмъ забыла о немъ. Я гнала его, когда онъ подходилъ ко мнѣ при Алексѣѣ, я сѣдила вырваться отъ него, когда вечеромъ на минутку забѣгала въ дѣтскую, и я могла наивно думать, что дурда игрушекъ, которыя привозилъ Алексѣй изъ города, займутъ его, отвлечь отъ меня!..

Вотъ онъ, въ жалкихъ обломкахъ лежать въ дальнемъ углу дѣтской и няня сердито перебираетъ ихъ, ворча на Котика, а мой мальчикъ уже сладко засыпаетъ, крѣпко обнявъ полинялаго ослика, котораго подарилъ ему на именины Сергѣй Степановичъ.

... «Пусть намъ не надо дядю!»... Ну, что-жъ, Котикъ, ты побѣдилъ: дяди не будетъ, и ты снова воцаришься, маленькій деспотъ!

Вотъ я, хотя и невольно, но солгала сейчасъ, а вѣдь я общала тебѣ исповѣдь, моя Лидя, значитъ, буду безпощадна къ себѣ; да и къ чему драпироваться въ чужія мантіи!..

Нѣтъ, не Котикъ побѣдилъ, не онъ удержалъ меня, а вѣчто другое... Однако, я все теряю нить разсказа, но такъ трудно быть послѣдовательной, когда столько разнородныхъ чувствъ, мыслей и настроеній горячей волной нахлынутъ заразъ.

Вѣдь, когда три недѣли назадъ ты была у меня, пробѣдомъ за границу, и вмѣсто обычно обрадованной твоимъ посѣщеніемъ Китти нашла Китти разбѣянную, озабоченную, которую, каюсь, даже немного стѣснилъ твой пріѣздъ, когда я покраснѣла и растерялась при появленіи на террасѣ Алексѣя Алексѣевича, когда я сѣдила вполголоса наговориться съ нимъ у окна, едва ты взялась за газету, когда на другой вечеръ въ ложѣ онъ тихонько-пожималъ мнѣ руку, а ты внезапно обернулась и смутила насъ, какъ школьничковъ,—словомъ, когда ты наблюдала эту увертюру любви, то я была знакома съ Алексѣемъ всего лишь одну недѣлю. А черезъ два дня послѣ своего пріѣзда ты уже не выдержала и «отчитала» меня.

Въ отвѣтъ на мое признаніе, что я люблю его безумно, что, кажется, и онъ меня любитъ такъ же, что я стою на распутьѣ, что это чувство должно перевернуть всю

Лѣто.

У перельска дѣтскій слѣдъ,
Свѣжо утоптана дорожка;
Я знаю: носить здѣсь обѣдъ
Косцамъ малютка-босоножка.
Порой оглянется съ межи
Своими дѣтскими глазами,—
Они синѣютъ изъ ржи,
Какъ васильки межъ васильками.

Н. Вильде.

Генералъ Робертсонъ, начальникъ британскаго имперскаго генеральнаго штаба, предполагаемый преемникъ лорда Китченера.

мою жизнь,—ты холодно разсмѣялась и сказала: «Вздорь! Вздорь! Это—не любовь, это... корь! Ты потеряла голову, онъ увлекъ тебя и чуть-чуть увлекся самъ. Но вѣдь я-то давно знаю Алексѣя Алексѣевича, я постоянно встрѣчаюсь съ нимъ въ обществѣ въ Петербургѣ... Это человекъ красивой фразы... карьеристъ... неглубокий, но... должно быть страстный, а страсть заразительна. Берегись, Китти, вспомни Сергѣя Степановича!.. А это ваше увлечение — корь, корь, не больше! Черезъ шесть недѣль все пройдетъ... ты одумаешься... но пока не забудь границъ, чтобы не плакать потомъ». Я не забыла границъ, у меня, по твоему опредѣленію, была «корь» въ легкой формѣ, потому что она длилась даже не шесть недѣль, а только мѣсяць, но я горько плачу о своемъ потерянномъ счастьѣ; мнѣ такъ жаль его, что въ будущемъ не свѣтитъ ни одинъ лучъ, и вся жизнь представляется тяжелымъ, непосильнымъ долгомъ.

Помнишь, Лида, какъ недавно ты спросила меня: «Ну, разсказывай, гдѣ ты познакомилась съ своимъ Ромео, и чѣмъ онъ околдовалъ тебя?» Твоя прощія показалась мнѣ обидной, я что-то смущенно пробороздила въ отвѣтъ и перемѣнила разговоръ. Но ты продолжала его своимъ взглядомъ, и твои глаза, твоя насмѣшливая улыбка до тѣхъ поръ преслѣдовали меня, пока не попытали признанія; связного же разсказа о моемъ увлеченіи ты такъ и не добила. Я не берусь за него и сейчасъ; вѣдь недаромъ кто-то изъ писателей сказалъ, что перо—это такой холодильникъ, черезъ который ни одно чувство не можетъ пройти не остывнувъ; значитъ, вѣрнаго представленія о моей любви ты все равно не составишь: она остынетъ вслѣдствіе передачи на бумагу—разъ и вторично будучи подвержена твоему безпощадному анализу. Но все же я хочу набросать тебѣ нѣсколько наиболее яркихъ мгновеній, которыя не забываются.

Итакъ, милый докторъ, значитъ, серьезной любви, т. е. по вашему серьезной болѣзни не было. Все это только корь, которую, говорятъ, надо пережить всякому, и чѣмъ раньше она придетъ, тѣмъ лучше. Ну, что-жъ, не большому судить о правильности диагноза врача. Корь — такъ корь.

Разскажемъ ея теченіе, или вѣрнѣе, симптомы.

Первая встрѣча? О, да, конечно, я вижу ее, какъ сейчасъ, едва закрою глаза... Боже, какъ хороша была вечеръ! Какъ прѣжно догоралъ закатъ, какъ мягко ложился тѣни, какъ ясно зажигались первая звѣзды и... какъ уже билось мое сердце!

Да, да, не удивляйся, или, если хочешь, возмущайся, осуждай, но увижу тебя, что уже послѣ какого-нибудь часа разговора съ Алексѣемъ онъ мнѣ сталъ безконечно дорогъ, хотѣлось вотъ всегда такъ быть вездѣ него, какъ тогда въ сумракѣ аллеи, слушать музыку его рѣчей, чувствовать на себѣ его взглядъ, видѣть котораго я не могла при всемъ желаніи, потому что темнѣло съ каждой минутой.

«Что же?—слышу я твоей негодующей вопросъ,—ужь не хочешь ли ты мнѣ сказать, что ты, двадцатичетырехлѣтняя замужняя женщина, влюбилась съ первой встрѣчи, какъ влюбляются въ юнкеровъ институтки?»

Именно это я хочу сказать.

Я не знаю, какъ влюбляются институтки, но я влюбилась такъ. Ты ничего не понимаешь изъ этихъ словъ, ты понимаешь плечами, ты недоумывающе покачиваешь головой?

Но какъ же иначе, Лида?

О, какъ смѣшны мнѣ вы, «положительные люди», подходящіе съ правиломъ, съ аршиномъ въ рукахъ, къ неспостижимой умомъ, неизмѣримой никакой мѣрой, но

Командиръ Кавказскаго армейскаго корпуса генералъ-отъ-артилеріи Владимиръ Александровичъ Ирмановъ. Онъ былъ избранъ въ почетные старшины станицы Преградной Кубанскаго казачьяго войска. Казаки этой станицы пополняютъ Хоперскій казачій полкъ, входящій въ составъ этого корпуса.

Стихи генерала Ирманова на фотографіи, подаренной имъ Хоперскому полку:

Казакъ природный—кошный воинъ,
Я на конѣ всю жизнь прожилъ,
Такъ казакомъ я быть достоинъ,
Къ тому-жъ я это заслужилъ
Въ боихъ лихихъ побѣдной кровью.
И вотъ въ Преградной казаки
И съ простотою, и съ любовью,
Меня избрали въ старики.
И загорѣлся вновь въ восторгѣ
Военный жаръ въ моей груди:
О, да пошлетъ Святой Георгій
Всѣмъ намъ победу впереди!

В. Ирмановъ.

21 апрѣля 1916 года.

прекрасной, какъ солнце, и вѣчно юной царичѣ-любви!

Но ты, пожалуй, думаешь, что я исключение?

По твоему необходимо сначала приглядѣться къ человеку, изучать его взгляды, характеръ и, отбѣивъ ихъ отбѣткой не ниже 4, вручить ему свое сердце?

Боже мой, что я говорю однако? Прости, дорогая! Вѣдь какъ разъ такъ поступила ты относительно твоего Поля. Ты была невѣстой два года, ты спокойно наблюдала, анализировала своего жениха, ты съ удивительнымъ безпристрастіемъ разсказывала мнѣ о его хорошихъ и дурныхъ сторонахъ и, взвѣсивъ все «за» и «противъ», величественно дала согласие, а когда твоя сестра въ негодонаніи воскликнула: «И это называется любовью?» ты невозмутимо отвѣтила: «А развѣ она необходима въ бракъ? Но... все же права я: такъ иногда выходятъ замужъ, а любить вначе. Однако надо идти ближе къ цѣли, а то я со своими лирическими отступленіями нарисовала тебѣ нашу встрѣчу внѣ времени и пространства, и ты въ правѣ быть недовольна мною.

Это было 1 мая.

Сергѣй Степановичъ уѣхалъ наканунѣ

смотреть фейерверкъ съ одной изъ боковыхъ аллей парка.

Я согласилась, и общество разбилось на двѣ группы: молодежь отправилась къ курзалу, люди пожилые рѣшили не выходить изъ парка.

Алексѣй пошелъ въ первую группу, я—во вторую.

Но не прошло и полчаса, какъ онъ вернулся въ намъ.

— Скучно! — словно оправдываясь отъ, — пыльно... жару масса... а музыку и отсюда слышно.

Его приходъ на минуту прервалъ серьезный споръ о превосходствѣ заграничныхъ курортовъ передъ нашими, в такъ какъ я не принимала участія въ этомъ спорѣ, то мы были предоставлены занимать другъ друга.

Я уже писала тебѣ о впечатлѣніи этого разговора, но о чемъ мы болтали—не помню.

На другой день Алексѣй былъ у меня съ визитомъ, а вечеромъ я зашла къ соседкѣ за книгой (честное слово, она была мнѣ нужна!) и засидѣлась до темноты.

Вотъ этотъ второй разговоръ я очень хорошо помню. Онъ былъ двойной: словами Алексѣй объяснялъ мнѣ различіе крѣпостей и полевой артилеріи, а глазами говорилъ мнѣ о своей любви и спрашивалъ, люблю ли я его? А я, волнуясь, отвѣчала ему взглядомъ «да», и голосъ мой дрогнулъ и прервался, когда я спросила его что-то о горныхъ орудіяхъ, въ которыхъ я ровно ничего не понимала.

Что было потомъ? Греза? Сказка? Для него, можетъ быть, даже навѣрное хорошо знакома, для меня открывалась область невѣдомаго.

Мы стали видѣться ежедневно, но по подумай, что мы назначали свиданія, бѣтъ это выходило какъ-то само собою.

Я встрѣчала его всюду: въ паркѣ, на улицѣ въ курзалѣ, въ гостяхъ (онъ быстро перезнакомился со всѣми, кого знала я) и, пожалуй, рѣже всего заходилъ ко мнѣ.

Въ развитіи своего чувства мы, какъ на крыльяхъ, летѣли впередъ... Но прошло и недѣли, какъ онъ уже подолгу задерживалъ въ своей рукѣ мою руку, цѣловалъ ее съ «неофициальной» стороны, т. е. въ ладонь, порой смотрѣлъ на меня жаднымъ, нехорошимъ взглядомъ своихъ огромныхъ свѣтлыхъ глазъ, но я еще не смѣла коснуться курчавой шапки его каштановыхъ волосъ и поцѣлуй казался намъ, или мнѣ только,—невозможнымъ, преступнымъ счастьемъ.

О любви своей онъ говорилъ свободно, хотя и горячо, какъ о вещи понятной, въ которой я не могла сомнѣваться.

Разъ онъ заговорилъ даже о любви... какъ бы это выразиться?... ну, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, и, когда я со страхомъ прошептала: «Какъ можете, какъ смѣете вы мнѣ такъ говорить?»—онъ отвѣтилъ, хотя и не совсемъ спокойно, но твердо, увѣренно:

— Да помилуйте, Екатерина Арчадьева, что иначе и не можетъ быть. Вѣдь я люблю васъ, было бы даже неестественно любить женщину, такую женщину, какъ вы, и не стремиться къ счастью обладать ею.

— Но вы отлично знаете, что это невозможно! Что этого никогда не будетъ!—съ жаромъ воскликнула я.

— Нѣтъ, я не знаю этого,—тихо и раздѣльно произнесъ Алексѣй, глядя въ сторону, потомъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и спокойно заговорилъ о какихъ-то пустякахъ.

Въ такомъ періодѣ былъ нашъ романъ, когда ты пріѣхала ко мнѣ на три дня.

Не правда ли, ты теперь великодушно простила неособенно гостеприимную хозяйку? Впрочемъ, твое участіе ко мнѣ, твои

письма красноречиво говорить о твоей снисходительности.

Мы оба проводили тебя на вокзал, потом пошли домой и... день твоего отъезда был днем нашего первого поцелуя.

И словно ждала его, предчувствовала и боялась, ужасно боялась в то же время! Помню, как мы вернулись на террасу...

Забытый самовар стоял еще на столе, чашки, конфеты, вазы с черешнями в беспорядке окружали его; и опустевший третий стул, на котором только-что сидела ты, смотрел на нас еще живым укором...

И я, будто стесняясь его, машинально налила остывшего чая себе и Алексею и села далеко от него через стол.

Помнишь, день был довольно прохладный, а к вечеру еще похвляло, и я зябко куталась в белый оренбургский платок и растирала покрасневшие пальцы.

Алексей долго молча наблюдал меня, смотря мне прямо в глаза.

— Катюша!.. — неожиданно произнес он так тихо, что я едва расслышала его.

Я так привыкла к своему англизованному имени, что первое мгновение даже не поняла этого слова.

— Катюша? — точно в слух прошептала я, — как славно ты сказала это...

замужем, у меня есть сын, и я не знала такой простой вещи, что поцелуй может опьянить, что при одном воспоминании

В ЦАРСКОЙ СТАВКЕ.

Государь Император с Наследником Цесаревичем у поезда головного отряда Красного Креста В. М. Пуришкевича напутствовать один из славных полков, направляющийся на южный фронт.

мешал мне и, может быть, именно потому, что он постоянно мелькал передо мной в своей белой матроске то на террасе, то в саду — я совсем не думала о нем, но о Сергее Степановиче думала много...

Помнишь мою свадьбу, Лида?

Каким я была еще ребенком в свои 18 лет!

Именно только в нашей образцовой семье, только при всем старании матери, бабушки и доброй мисс — закрыть мои глаза на действительную жизнь, только при их дружной совместной работе — и мог создаться тот титан дѣвочки-адептшей, какою была я при окончании гимназии и, право, если бы оторосить здесь багаж гимназической программы и знание языков, то в остальном мой душевный мир мало чѣм отличался от дѣвочки-подростка.

После выпуска я не успела и месяца поиграть на даче в крокет в веселом обществе двух юнкеров и кадета, как мама торжественно объявила мне, что Сергей Степанович, тот солидный и серьезный Сергей Степанович, который два года под-ряд играл с ней в пре-

Но по силе я отважно пускалась путешествовать с феей в далекие края, — теперь, на яву, чувство безотчетного страха за себя, за будущее, за любовь Алексея преследовало меня всюду, едва я осталась одна.

Лида! Я хочу осветить тебе еще один темный уголок моей души. Ты знаешь меня давно, знаешь всю нашу глубоко нравственную, патриархальную семью, знаешь все хорошие честные воззрения, которые прививали мне с детства, знаешь, что и я сама никогда не была испорченной натурой, значит, казалось бы надежды с своей совестью я должна была бы испытывать жгучий стыд, да?.. Ну вот, Лида, у меня его не было... и сейчас! Почему — я не знаю, я сама себя не понимаю. Опять-таки в детстве, если сдѣлаешь что-нибудь, что разумно запрещали родители, то хотя и наслаждаешься своей шалостью, но вѣдь ни секунды не перестанешь чувствовать, что это дурно, и даже большею частью знаешь — почему, а теперь... разума и сознания, что это грѣх, душой — итѣ! Постороню, часто, очень часто, мне становилось страшно, но стыдно никогда! Предоставляю тебе самой разобраться в психологии этого вопроса, ты вѣдь и старше, и умнее меня, я же складываю оружие.

Но что же я думала о муже? О сыне? Котик часто раздражал меня, много

Член Государственной Думы Влад. Митр. Пуришкевич.

ферансь, а со мной разговаривать только об уроках, — просить моей руки.

Право, предложение китайского императора не менѣе удивило бы меня.

Когда я, разыгрывая взрослую и разду-

Разборка книг для библиотеки в вагон-столовой поезда Головного отряда Красного Креста.

— Повтори! Повтори! — вдруг громко наню о нем можно испытывать сладость и радостно воскликнул Алексей. — Ты ную дрожь, что от него может закружиться голова, и совсем не в переносном смысле, а в самом прямом смысле этого слова.

И в тот же миг опять был поданомь, а в самом прямом смысле этого слова. И в тот же миг опять был поданомь, а в самом прямом смысле этого слова.

Повторь, что я не сопротивлялась... Да, Лида, я — женщина, я шесть лет

Итѣ, я лучше скорѣе оставлю точку на этой сценѣ: ты уже лавровое смѣшься и, пожалуй, легче слѣбному объяснить все цвета радуги, чѣм тебе, моей безстрастной Лидѣ, толковать о поцѣлуях и, о ужас, нелегальных! Но не думай обо мне хуже, чѣм я есть на самом дѣлѣ. Не думай, что страсть уже окончательно усыпила во мне и голос совѣсти, и голос разсудка, хотя отчасти... конечно — да!

Тут я подхожу къ наиболее сложному вопросу: что же происходило тогда в моей душѣ? А то, что случается во силѣ, когда приносится совсем незнакомая, волшебная, сказочная страна... Со мной так бывало в дѣтствѣ, когда, начитавшись домысла Андерсена, я засыпала в мамином креслѣ. Все было прекрасно, все необычайно в странѣ моего сна, но я не удивлялась никаким чудесам, никаким превращеніям феи (замѣтила ли ты, что во силѣ вообще ничему не удивляешься, как будто бы все, что снится, так и должно быть, так нужно?).

Главный врач С. С. Лазоверт, заведывающий медицинской частью отряда.

ВАГОНЪ-АПТЕКА, безвозмездно снабжающій медикаментами части передовыхъ линій. 29 мая Его Императорское Величество Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ изволилъ подробно осматривать стоявшій на железнодорожной станціи въ Царской Ставкѣ поѣздъ Краснаго Креста. Государь Императоръ, выслушавъ докладъ о дѣятельности поѣзда и оставивъ вполне довольнымъ всѣмъ видѣннымъ, изволилъ благодарить В. М. Пуришкевича и главнаго врача, заведывающаго медицинской частью отряда, С. С. Лазоверта, за ихъ полезную дѣятельность.

ась въ ду... большая, с... мать... то... обдумала... ситѣся. Ставъ з... старался и... лый дожд... вещей сын... доставляло... онѣ почти... рилъ, то т... выми фраз... даже моего... было говор... значить о... дѣвущку... пась было... стояніе. Осенью... могла быт... жалось въ... же идеях... Оттого... на девяти... гораздо ш... его ровна... по я всег... старшему... восходном... живѣ мен... тась обо... меня есть... любви. Вотъ я... четыре го... го чувств... или прип... да, по пр... этотъ во... зли о м... когда яви... ма рѣшил... И какт...

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ.—Подвозъ раненыхъ по «дековильтѣ»,—узскоколейной желѣзной дорогѣ съ боковой лошадиной тягой,—на передовой перевалочный пунктъ.
Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

ясь въ душѣ, что, значитъ, я совершю большую, отвѣтчаю, что «я должна подумать»... то оказалось за меня уже все обдумано и мнѣ надо было только согласиться.

Ставъ женихомъ, Сергій Степановичъ старался исполнять всѣ мои прихоти; цѣлый дождь цвѣтовъ, конфетъ, золотыхъ вещей сыпался на меня и, конечно, это доставляло мнѣ удовольствіе, но о любви онъ почти не говорилъ, или если и говорилъ, то такими безукоризненными мертвыми фразами, которыя не могли тронуть даже моего юного сердечка. Да и къ чему было говорить? Разъ человекъ женится—значитъ онъ предпочитаетъ именно эту дѣвушку всѣмъ другимъ, къ тому же у насъ было только довольство, у него—состояніе.

Осенью мы обвѣнчались, и... моя мама могла быть спокойна: воспитаніе продолжалось въ тѣхъ же правилахъ, въ тѣхъ же идеяхъ...

Оттого ли, что мой мужъ старше меня на девятнадцать лѣтъ, оттого ли, что онъ гораздо шире образованъ, или вслѣдствіе его ровнаго характера и холодной натуры, но я всегда относилась къ нему, какъ къ старшему другу, какъ къ существу превосходному, а онъ, развѣвая мой умъ, окружилъ меня полнымъ комфортомъ и заботился обо мнѣ во всемъ,—забылъ, что у меня есть сердце, и мужемъ не далъ мнѣ любви.

Вотъ я и прожила на свѣтѣ двадцать четыре года въ блаженномъ кевѣдннн этого чувства, считая его выдумкой поэтовъ или принимая свое замужество за любовь; да, по правдѣ сказать, я и не вникала въ этотъ вопросъ. Вѣдь всѣ мои родные кричали о моемъ счастьѣ, знакомые тоже, и когда явился на свѣтъ Котикъ, то я и сама рѣшила, что судьба дала мнѣ все...

И какъ же было не закрыжиться моею

бѣдной головѣ, когда Алексѣй открылъ мнѣ то что же Алексѣй? Были ли у него отъ новыи миръ—миръ сладкихъ грезъ, волнующихъ, радостныхъ вострѣчь, безпричинныхъ ренія?

Слезъ и безумныхъ поцѣлуевъ! Не знаю! Говорилъ онъ только о любви, при чемъ, маала ни о чемъ, кромѣ этого новаго мира, съ каждымъ днемъ становясь смѣлѣе, на-

меками и даже безъ нихъ доказывать, что наше счастье неполно, что я должна ему отдаться, что это бесполезная ломка и бесполезныя муки.

Но, уступая ему во всемъ, послѣдняго шага я не дѣлала и оставалась непоколебимой.

Одинъ вечеръ никогда не изгладится изъ моей памяти.

Цѣлый день шелъ дождь, и я не видѣла Алексѣя. Не знаю—случайно ли ему помѣшалось что-нибудь, или онъ хотѣлъ этимъ меня подразнить, но только я тщетно прождала его до сумерокъ.

Измученная безплодными ожиданіями, истомленная тоской, сидѣла я на террасѣ, и никогда ни до, ни послѣ, не было мое сердце такъ полно имъ, какъ въ тотъ вечеръ!

Въ комнатахъ зажгли лампы; изъ сада потянулъ легкій вѣтерокъ... дождь пересталъ, и сквозь разорвавшіяся тучи такъ и сямъ заигнали звѣзды... Совсѣмъ стемнѣло...

Я тихонько спустилась въ садъ, вышла на улицу... никого; тогда, придерживая шлейфъ и храбро перескакивая черезъ лужи, я почти добѣжала до сосѣдняго сада.

Вотъ и калитка; заржабившая задвижка еле поддавалась моимъ усиліямъ, но закрыть ее я не сумѣла... Все равно! Впередъ! Впередъ!

Господи, какъ стучало мое сердце! Садъ былъ большой, дача стояла въ глубинѣ, а мнѣ надо было пройти длинную аллею.

Тонкія туфли уже наполнились водой, а задѣтая мною вѣтка цѣлымъ дождемъ забрызгала мое лицо, шею, плечи.

Вотъ и окно его комнаты... Есть свѣтъ! Очъ дома!.. И штора не спущена!..

Ген.-отъ-инф. Гадко Дмитріевъ на фонѣ карты военныхъ дѣяствъ того района, въ которомъ участвовала въ бояхъ предводима генераломъ армія.
Рис. съ натуры, илнзу автографу генерала.

Къ тому же эти маленькіе телескопы не без остроумія вѣданы въ трости, бонбоньерки и табакерки, такъ можно было одновременно смотрѣть и нюхать табакъ, то есть получать двойное удовольствіе.

Рядомъ, въ большой витринѣ—страшныя маски сіамскихъ актеровъ, потомъ вырѣзанныя изъ картона или дерева «китайскія тѣни» стариннаго русскаго театра, а на длинномъ столѣ, воспроизведенная въ миниатюрныхъ размѣрахъ, обстановка комнаты Вильяма Шекспира въ Страфордѣ. Его скамья, кресло, крошечный пошитръ съ прикованной на цѣпи Библией.

Надъ столомъ виситъ портретъ Гаррика въ роли Гамлета.

Потомъ опять свое родное, русское, — портреты, статуэтки, рукописи, реликвии...

Невозможно перечислить въ этомъ бѣломъ очеркѣ хотя бы сотую часть собраннаго здѣсь сокровища.

Въ библиотекѣ, оставленной В. В. Протопоповымъ, болѣе пяти тысячъ книгъ о театрѣ, и среди этихъ книгъ есть рѣдчайшіе экземпляры на всѣхъ языкахъ, начиная съ XVII вѣка.

Много надо было любви къ театру, знанія, вкуса и энергіи, чтобы собрать этотъ первый въ Россіи музей, отданный теперь вдовой В. В. Протопопова, согласно выраженному имъ желанію, въ даръ городу Петрограду.

Изъ достоверныхъ источниковъ извѣстно, что В. В. Протопоповъ хотѣлъ это сдѣлать еще задолго до своей кончины, но онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы для его коллекцій было отведено подходящее помѣщеніе, и повидимому это послужило препятствіемъ для принятія городомъ щедратаго пожертвованія.

Теперь, когда вдовой В. В. Протопопова былъ снова поднятъ вопросъ о передачѣ музея, на него отозвался директоръ Императорскихъ театровъ В. А. Теляковскій, нашедшій и время заняться этимъ дѣломъ, и мѣсто въ домѣ, принадлежащемъ театральному вѣдомству (Театральная ул., д. 3), гдѣ можно отлично размѣстить коллекцію В. В. Протопопова.

Такимъ образомъ эта сокровищница будетъ скоро открыта для всѣхъ желающихъ и ляжетъ краеугольнымъ камнемъ въ основаніе русскаго театральнаго музея, первая комната котораго будутъ именованы В. В. Протопопова.

Г-жа Протопопова за свой даръ городу Петрограду удостоена Высочайшей благодарности.

Мюрингъ.

Корабль.

Приволень, легокъ путь
Уляки-корабля.
Ему что бури жуть?
Что дальняя земля?

И моря весель шумъ,
И парусъ, какъ мечта...
Но страшень черный трюмъ,
Гдѣ мышь суета,

Гдѣ дрожь усталыхъ стѣнъ,
Гдѣ отгулъ злыхъ зыбей,
Гдѣ плачетъ чай-то плѣнь
Подъ скрипъ и лягъ цѣней.

А. Бурнакинъ.

Мелочи.

Кайзеръ въ Иерусалимѣ.

Одинъ изъ англійскихъ журналовъ помѣстилъ очень любопытныя воспоминанія журналиста Гюджа, касающіяся знаменитаго паломничества Вильгельма II въ Святую Землю. Это путешествіе кайзера вызвало столь большое любопытство

НАИВНЫЕ.

— Мы пришли посмотрѣть на нашъ побѣдоносный флотъ.
— Назадъ, назадъ! Входъ всѣмъ воспрещенъ!

Григоръ.

во всей Европѣ, что болшіе журналы поторопились отправить своихъ корреспондентовъ въ Палестину. Въ числѣ ихъ оказался и Гюджъ. Обходимъ молчаніемъ его путевыя впечатлѣнія отъ Лондона до порта Хайфы, гдѣ собрался всѣ журналисты въ ожиданіи прибытія императора. Тихій восточный портъ былъ незнакомъ и Гюджъ. Обходимъ молчаніемъ словъ для выраженія своего восхищенія

ПОСЛѢДНЯЯ НАДЕЖДА.

— Вилли, брось ты войну съ этими сосѣдями! Лучше иди домой: можетъ быть, тутъ что-нибудь путное изъ тебя еще выйдетъ.

Рисов. Р. Вильямс (R. Williams).

гредь грандіозными приготовленіями въ честь кайзера. Однако, авторъ замѣчаетъ иронически, что вся эта помпа, столь ослѣпившая жадныхъ къ зрѣлищамъ Германцевъ, была создана стараніями чисто англійской и всемірно извѣстной фирмы братьевъ Кукъ. Дѣйствительно, Хайфа представляла необычное зрѣлище въ эти дни. Улицы разукрашены были флагами и коврами, гарнизонъ былъ усиленъ почти вчетверо въ цѣляхъ доставленія Вильгельму II достойнаго его сану эскорта. Братья Кукъ позаботились объ обстановочной части предстоящаго зрѣлища. Аборигонныя для слѣдовавія за кортежомъ «туземныя племена» являли самое живописное зрѣлище. «Туземная кавалерія» г-а Кукъ состояла изъ восьмисотъ муловъ, тысячи лошадей и десятисто семи колясокъ, нѣкоторыя изъ которыхъ имѣли несомнѣнно болѣе ста лѣтъ. Лошади, собранныя наскоро, имѣли достаточно жалкій видъ: то худыя, съ длинными, вытянутыми какъ у жирафы шеями, то приземистыя, съ опущенными до самой земли головами.

Въѣздъ кайзера въ Хайфу былъ настолько помпезно театраленъ, что любая кинематографическая фирма съ удовольствіемъ использовала бы его. Когда яхта «Гогенцоллернъ» стала на якорѣ въ виду берега, съ фортовъ раздались пушечныя салюты и театралный кортежъ братьевъ Кукъ заволновался на набережной. Одинъ острякъ Французъ, коллега Гюджа по профессіи, утверждалъ впоследствии, что кайзеръ пытался добратъся пѣшкомъ до берега и, не успѣвъ въ этомъ, замѣтилъ съ неудовольствіемъ:

— Теперь я вижу, что хожденіе по водамъ не истина, а простая сказка.

Высадка императора, императрицы и всей его громадной свиты потребовала немало времени, и Гюджъ увѣряетъ, что кортежъ братьевъ Кукъ напоминалъ ему скорѣе выходъ Ноя изъ ковчега или въѣздъ импрессаріо Барнума въ Лондонъ, нежели прибытіе государя XX вѣка.

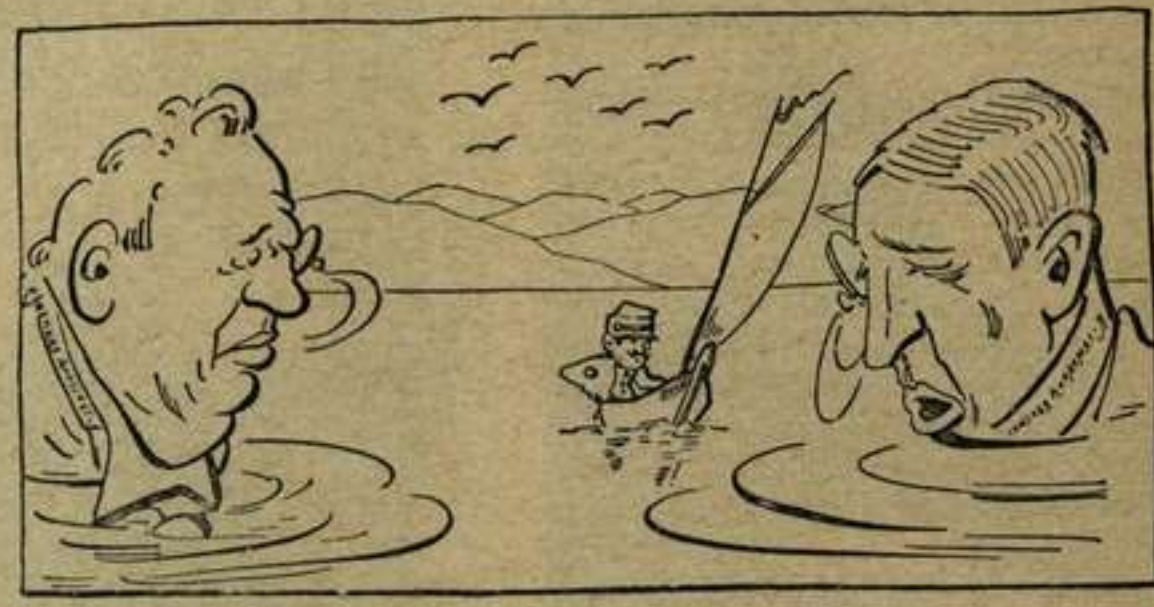
Не менѣе театраленъ былъ, по словамъ Гюджа, и въѣздъ кайзера въ Иерусалимъ 29 октября 1898 года. Тотъ же французскій журналистъ увѣряетъ, что Вильгельмъ II въѣхалъ въ древній городъ верхомъ на ослицѣ, причемъ мѣстные жители бѣжали рядомъ, махали пальмовыми вѣтвями и кричали: «Осанна!» Во всякомъ случаѣ острякъ этотъ былъ недалеко отъ истины. Въѣхавъ въ Иерусалимъ въ коляскѣ показавшись Вильгельму смѣшномъ простымъ и вульгарнымъ. Оставивъ экипажи въ распоряженіи императрицы и ея дамъ, кайзеръ въѣхалъ впередъ на бѣломъ конѣ въ бѣломъ шелковомъ плащѣ крестоносца поверхъ своего мундира. Театральность этого зрѣлища невольна вызвала улыбку на устахъ иностранцевъ, только върноподанные Вильгельма II были въ восторгѣ отъ импозантной фигуры своего государя въ этомъ экзотическомъ костюмѣ. Обыкновенно путешественники въѣзжаютъ въ Иерусалимъ изъ Кесаріи черезъ Иффскія ворота. Но, обусловливая церемоніальность своего путешествія, кайзеръ выразилъ желаніе въѣхать черезъ специально выстроенныя для него ворота. Турецкое правительство, внимательное къ капризамъ царственнаго друга Абдуль-Гамида, не задумалось разрушить съ этой цѣлью часть древней Иерусалимской стѣны. При этомъ мелкія дѣвочки, ютившіяся въ тѣни ея, были безжалостно сънесены, а торговцамъ внушили отправиться искать себѣ другое пристанище. Этотъ поступокъ вызвалъ ропотъ среди мѣстнаго населенія, недружелюбно встрѣтившаго царственнаго актѣра.

Быть можетъ, самымъ любопытнымъ эпизодомъ этого паломничества является проповѣдь кайзера въ одной изъ лютеранскихъ церквей Иерусалима. Иностранцы журналисты получили приглашеніе билеты на это безпримѣрное торжество. Турецкія войска стояли шпалерами вдоль улицъ, весь экипажъ «Гогенцоллерна» собрался въ церкви задолго до прибытія императора. Вся германская колонія Иерусалима была, конечно, налицо. Около полудня звуки трубъ возгласили приближеніе императорскаго кортежа. Вслѣдъ за этимъ у входа въ церковь раздались звонъ шпоръ, громкій голосъ императора, и хоръ матросовъ съ «Гогенцоллерна» встрѣтилъ его привѣтственнымъ гимномъ: «Радуйтесь, дочери Сиона, ибо царь вашъ среди васъ». Эта кощунственная выходка польстивши видимо кайзеру, и съ самодовольной улыбкой онъ прошелъ на приготовленное ему мѣсто. Послѣ богослуженія на кафедрѣ вышелъ мѣстный пасторъ и произнесъ привѣтвенную рѣчь. За нимъ послѣдовалъ придворный капелланъ, рѣчь котораго была длиннѣе и витѣватѣе проповѣди его заолустаннаго коллеги.

ОДИССЕЯ.
(Новый ее переводъ).

Пѣсни сиренъ.

Сцилла и Харибда.

Затѣмъ при гробовомъ молчаніи присутствовавшихъ кайзеръ всталъ со своего кресла, прослѣдовалъ торжественно и медленно по церкви, шестею по каменному полу шелкомъ своей длинной мантии крестоносца. Взойдя на кафедру, онъ щелкнулъ шпорами, оглядѣлъ внимательно свою замершую аудиторию и началъ длинную проповѣдь. Надо было видѣть лица офицеровъ его свиты въ это мгновение. Разсѣянные и скучающіе во время проповѣдей пастора и капеллана, они зѣвали, принимали небрежныя позы, поглядывали на часы... Теперь же всѣ они точно преобразились: подтянулись, замерли и выразили на лицахъ глубочайшее вниманіе и вдохновенный восторгъ. Только одно лицо во всей церкви не казалось потрясеннымъ громовой рѣчью императора. То была императрица. На ея усталомъ отъ дороги и безконечныхъ пріемовъ и аудіенцій лицѣ, казалось, написано было: «Ахъ, этотъ Вильгельмъ! Ему правится подобныя выходы. Наслушалась я по мало этихъ рѣчей и дома».

Волшебница Цирцея и превращенные ею въ животныхъ люди.

Чары Цирцеи, положившия конецъ странствованію хитроумнаго Улиса, превращеннаго ею въ соответствующее животное.
Рис. Энн-Эрн.

А рѣчь кайзера гремѣла подобно словамъ команды на парадѣ. Говорилъ онъ на свою излюбленную тему: о священномъ значеніи дисциплины, о красотѣ повиновенія, о величій Германіи и объ ожидающемъ ее могуществѣ. Иностранные корреспонденты, не понимавшіе языка, приставали къ германскимъ офицерамъ съ просьбой объяснить смыслъ рѣчи кайзера. Эти послѣдніе отмахивались, поглядывая тревожно на Вильгельма II и зная, какой немилостью грозитъ невниманіе къ словамъ его. Статейка Гюджа изобилуетъ подобными анекдотами, ибо, по словамъ его, кайзеръ хочетъ быть настолько своеобразнымъ и оригинальнымъ, что доходить до крайностей, въ саморекламахъ.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

НЕ СМѢШИВАТЬ СЪ ПОДДѢЛКАМИ
английскіе долгогорящіе
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ.
Складъ новыхъ изобрѣтеній
ПЕТРОГРАДЪ, МОРСКАЯ, 33.

ДЛЯ ПОХОДА И БИВАКОВЪ
Испромокъ, пальто, накидки, сапоги, мѣшки, спальи, подушки, валуны, ситляки электр., огниво карман., Фляги «Термосъ», куртки и брюки кожан., ваниль, тапки складныя, свисательные пояса.
Поставщикъ Двора Его Величества
Конст. Мальмъ.
Петроградъ, Морская, 34.

РАДІЕВЫЕ ПРЕПАРАТЫ
для лечебныхъ цѣлей
продаются въ конторѣ, Петроградъ, В. О. 15 линія, д. 48 и высылаются наложеннымъ платежомъ. Цѣна 1 пакета 8 руб., 1/2 пак. 4 р. 50 к., и въ аптекахъ въ Ессентукахъ, Кисловодскѣ и Пятигорскѣ. Желаяющимъ Контора высылаетъ проспекты.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШИАСА,
простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалоль Д-ра Стора.
Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Registered Trade Mark
HENRY CLAY, BOCK & CO
ГАВАНСКІЯ СИГАРЫ
послѣдней полочки непосредственно съ острова КУБЫ.
Съ требованіями обращаться въ
СКЛАДЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТАБАКОВЪ, СИГАРЪ И ПАПИРОСЪ АРИСТОТЕЛЕСЪ КАЛОГЕРОПУЛО.
Контора и оптовый складъ: Петроградъ, Ждановская набер. № 3. Телефонъ 153-98.
Опдово-розничные магазины: 1) **Николаевъ**, противъ зданія вокзала. Телефонъ 16.
2) **Терюхи**, Большая дорога, д. Богомолова, возлѣ аптеки.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. СУВОРИНА — «НОВОЕ ВРЕМЯ»
НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГЕРДТЪ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ
Томъ первый. 1800 — 1850 гг. Критика. — Романъ. — Поезія. — Драма-тургія. — Съ приложеніемъ синхронистической таблицы, указателя и полной библиографіи. Изданіе 2-е. Исправленное и дополненное. Стр. XII+617. Цѣна 3 рубля.
Томъ второй. 1850 — 1900 — 1915. Критика. — Романъ. — Поезія. — Драма-тургія. — Съ приложеніемъ синхронистической таблицы, хронологіи писателей, полной библиографіи алфавитнаго указателя къ обоимъ томамъ и очерка развитія формъ и направленій новейшей русской литературы (1890—1900—1915). Стр. VIII+692. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Въ июльскихъ номерахъ **«ВѢСТНИКА МОДЫ»** помѣщено: 162 рис. дамскаго и дѣтскаго туалета; 47 рис. рукодѣлій; 48 выкройки, матъ. Тайна подводной лодки. Ром. Г. Торисъ. Воспитаніе дѣтей. Черное чувство. Е. Марсала. Самолюбіе и воспитаніе. Грація (съ рис.) К. де-Брутель. За и противъ моды. Ен-же. Мелко объѣда съ подробнымъ наложеніемъ приложенія. Е. Николаевой. Простоваша и варенье. Исправленіе масла и жира. Уходъ за лицомъ. К. В. Полесные союзы. Почтовый ящикъ. Журналъ за первое полугодіе распорядка. Подписка принимается съ 1-го июня: на 8 мѣс. — 2 р. 25 к., на 6 мѣс. — 3 р. 50 к. Новый адресъ. Конторы: Петроградъ, Александринская площадь, 4.

Поступила въ продажу новая книга:
ЦАРЬГРАДЪ И ОКРЕСТНОСТИ.
Историко-художественное описаніе А. Барта.
248 стр. съ 58 рисунками и чертежами, въ художественной обложкѣ.
Перевелъ Н. М. Лаговъ.
Дополнено Н. Н. Пѣшиковымъ.
Петроградъ.
Изданіе Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время». 1915.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (Петроградъ, Москва, Харьковъ, Саратовъ и др.) и въ книжныхъ шкапахъ желѣзнодорож. станцій.